

...Борхес сумел поднять литературу
на высоты, далекие от плоской земли,
на которой до сих пребывает
большинство наших произведений.

Джон Апдайк

Хорхе Луис Борхес

Маргарита Герреро

Книга вымышленных существ

PREMIUM

Книга вымышленных существ

Хорхе Луис Борхес, Маргарита Герреро

Аннотация
Хорхе Луис Борхес, Маргарита Герреро. Книга вымышленных существ
Предисловие
А Бао А Ку
Абту и Анет
Амфисбена
Аннамские тигры
Антилопы шестиногие
Ахерон
Багамут
Бальдандерс
Банши
Баромец, или Татарский овен
Библейский бегемот
Брауни
Бурак
Валькирии
Василиск
Выравниватель
Ганиэль, Кафзиэль, Азриэль и Аниэль

Гарпии
Гаруда
Гибрид
Гиппогриф
Гномы
Голем
Гриф
Два философских существа
Двойник
Демоны иудаизма
Джинны
Дзяо Дзе
Дожденосная птица
Дракон восточный
Дракон западный
Дракон китайский
Единорог
Единорог китайский
Животное, придуманное Кафкой
Животное, придуманное К. С. Льюисом
Животное, придуманное Эдгаром По
Животные шарообразные
Зеркальные существа
Змий осьмиглавый
Ихтиокентавр
Ками

Карбункул
Катоблепас
Кентавр
Косматый зверь из Ла-Ферте-Бернар
Кракен
Крокотта и Левкрокотта
Кужата
Ламедвовники
Ламии
«Laudatores temporis acti»
Лемуры
Лернейская гидра
Лилит
Лис китайский
Лунный заяц
Мандрагора
Мантихор
Мать черепах
Минотавр
Морской конь
Муравьиный лев
Наги
Наснас
Небесный олень
Небесный петух
Нимфы

Норны
Обезьяна – пожирательница чернил
Одноглазые существа
Одрадек
Осел трехногий
Отпрыск Левиафана
Пантера
Пеликан
Перитии
Пигмеи
Повелитель огня и его скакун
Пожиратель теней
Птица Рух
Птица Феникс
Ремора
Саламандра
Саратан
Сатиры
Сведенборговы ангелы
Сведенборговы демоны
Свинья в оковах и другая аргентинская фауна
Сильфы
Симург
Сирены
Сквонк. (Lacrimacorpus dissolvens)
Слон, предсказавший рождение Будды

Стоглав
Существо, придуманное К. С. Льюисом
Сфинкс
Сцилла
Талос
Термические существа
Точный отчет об узнанном, увиденном и встреченном. госпожой Джейн Лид в Лондоне в 1694 году
Тролли
Уроборос
Фаститокалон
Фауна Китая
Фауна Соединенных Штатов
Фауна Чили
Феи
Феникс китайский
Хаоках, бог грома
Химера
Хочиген
Хронос, или Геркулес
Хумбаба
Цербер
Чеширский кот и коты Килкенни
Элои и морлоки
Эльфы

Юварки
Примечания

Аннотация

Хорхе Луис Борхес – один из самых популярных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Известна его склонность ко всевозможным антологиям, энциклопедиям и бестиариям. «Это таинственная любовь ко всему, существующему без нас», – писал он в стихотворении «При покупке энциклопедии». В 1950 году Борхес в соавторстве с Маргаритой Герреро выпустил «Учебник по фантастической зоологии», который после неоднократных дополнений обрел свое окончательное воплощение под названием «Книга вымышленных существ». Читатель найдет здесь множество странных, удивительных созданий, пришедших со страниц старинных книг и рожденных в воображении поэтов и философов, включая самого Борхеса. При этом книга построена в излюбленном стиле автора, когда граница между поэзией и прозой, вымыслом и реальностью истончается и исчезает, оставляя читателя лицом к лицу с подлинной литературой.

В настоящее издание вошла наиболее полная версия «Книги вымышленных существ», подготовленная Борхесом на английском языке в 1974 году и послужившая источником вдохновения для многих писателей, поэтов и художников.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Хорхе Луис Борхес, Маргарита Герреро
Книга вымышленных существ

Jorge Luis Borges
EL LIBRO DE LOS SERES IMAGINARIOS
Copyright © 1995, María Kodama
All rights reserved
© Е. М. Лысенко (наследник), перевод, 2022
© Б. В. Дубин (наследник), примечания, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Борхес более, чем кто-либо другой, обновил язык художественной литературы и таким образом открыл путь целому поколению потрясающих латиноамериканских писателей. Габриэль Гарсиа Маркес, Карлос Фуэнтос, Марио Варгас Льоса признавали свой долг перед ним.

Дж. М. Куртезее

Продолжая звучание волшебной ноты, рожденной на свет Уэллсом и Честертоном, позволяя вечности управлять своим воображением, Борхес сумел поднять литературу на высоты, далекие от плоской земли, на которой до сих пор пребывает большинство наших произведений.

Дж. Апдайк

Название этой книги могло бы оправдать включение в нее принца Гамлета, точки, линии, плоскости, гиперкуба, всех собирательных понятий, а также, возможно, и бога, и каждого из нас… Мы, однако, воспользовались самым привычным смыслом выражения «вымышленные существа» и составили перечень необычных созданий, порожденных человеческой фантазией на всем протяжении пространства и времени.

Х. Л. Борхес, из предисловия к «Книге вымышленных существ»

Предисловие

[1]

Название этой книги могло бы оправдать включение в нее принца Гамлета, точки, линии, плоскости, гиперкуба, всех собирательных понятий, а также, возможно, и бога, и каждого из нас. Целой вселенной, почти без исключений. Мы, однако, воспользовались самым привычным смыслом выражения «вымышленные существа» и составили перечень необычных созданий, порожденных человеческой фантазией на всем протяжении пространства и времени.

Нам неведома суть дракона, как неведома и суть вселенной, но в образе вселенной есть нечто, что находит соответствие в воображении людей; то же верно и в отношении дракона — на самых разных широтах, в разные эпохи.

Книга подобного рода неизбежно окажется незавершенной; каждое новое издание — это ядро будущих изданий, которые способны умножаться до бесконечности.

Мы приглашаем возможных читателей из

---

[1] Примечания: 1
Перевод К. Корконосенко.

Колумбии или Парагвая присылать нам имена, достоверные описания и самые диковинные повадки чудовищ, обитающих в их краях.

Как и всякий компендиум, как неисчерпаемые тома Роберта Бёртона, Фрэзера и Плиния, «Книга вымышленных существ» написана не для последовательного прочтения. Нам бы хотелось, чтобы любознательный читатель к ней возвращался, как к игре с переменчивыми формами, которые открываются в калейдоскопе.

Источников у этой «книги о разных предметах»[2] очень много; мы отмечали их в каждой статье. И да простятся нам невольные упущения.

Х. Л. Б.

М. Г.

Мартинес, сентябрь 1967 года

---

[2] Примечания: 2

…«книги о разных предметах»… — Отсылка к названию антологии испанского гуманиста Педро де Мехиа «Silva de varia lección» (1540), содержавшей сведения самого разнообразного характера, переведенной на многие языки, выдержавшей десятки переизданий, цитируемой знаменитыми авторами эпохи Возрождения.

А Бао А Ку

Если вы пожелаете увидеть прекраснейший в мире пейзаж, вам надо подняться на верхушку Башни Победы в Читоре. Там с кругового балкона открывается вид на все стороны света. К балкону ведет винтовая лестница, но взойти по ней дерзают лишь те, кто не верит легенде. А легенда гласит следующее:

Испокон веков на винтовой лестнице Башни Победы живет некое существо, чувствительное ко всем оттенкам человеческой души и известное под именем А Бао А Ку. Обычно оно спит на нижней ступеньке, но при приближении человека в нем пробуждается таинственная жизнь, и тогда в недрах этого существа начинает теплиться внутренний свет. Одновременно его тело и почти прозрачная кожа приходят в движение. Однако сознание А Бао А Ку пробуждается лишь тогда, когда кто-либо поднимается по винтовой лестнице, — тогда это существо, чуть не прилипая к пяткам поднимающегося, следует за ним, держась того края ступенек, где они сильней всего стерты поколениями паломников. С каж-

дой ступенькой окраска А Бао А Ку становится все более явственной, форма — более определенной и излучаемый им свет — более ярким. Но окончательной завершенности А Бао А Ку достигает лишь на верхней ступени, если тот, кто поднялся на нее, сподобился Нирваны и дела его не отбрасывают тени. В противном случае А Бао А Ку останавливается словно парализованное, не достигнув вершины, — тело его остается незавершенным, голубая окраска блекнет, излучаемый свет, мерцая, гаснет. А Бао А Ку страдает от невозможности достигнуть совершенства, и его стоны — едва различимый звук, напоминающий шелест шелка. Вспышка жизни в нем коротка — как только паломник начинает спускаться, А Бао А Ку скатывается вниз на первую ступеньку и там, угасшее и утратившее определенность очертаний, ждет следующего посетителя. Говорят, будто его щупальца становятся видны лишь тогда, когда оно достигает середины лестницы. И еще говорят, будто А Бао А Ку способно видеть всем своим телом и на ощупь напоминает кожуру персика.

За многие века А Бао А Ку поднялось на балкон всего однажды.

Эту легенду приводит К. К. Итурвуру[3] в приложении к его ставшему классическим трактату «О малайском волшебстве» (1937).

[3] Примечания: 3

Каэтано Кордова Итурвуру (1899–1977) — аргентинский литератор, историк культуры.

Абту и Анет

Все египтяне знали, что Абту и Анет — это две совершенно одинаковые священные рыбы натуральной величины, которые плывут в качестве дозорных перед кораблем бога солнца. Движению их нет конца — днем корабль с рассвета до сумерек плывет по небу с востока на запад, ночью же совершает свой путь в обратном направлении.

Амфисбена

В «Фарсалии»[4] (IX, 701–729) приводится перечень реальных и вымышленных пресмыкающихся, которые встречались солдатам Катана в их жарком походе по африканской пустыне. Там названы «парий, бороздящий песок хвостом заостренным» (или, как пишет испанский поэт семнадцатого века, «который движется стоймя, как посох»), и крылатая змея «копье», слетающая с деревьев и жалящая, как стрела, а также «страшная с поднятой вверх двойной головой амфисбена». Плиний (VII, 23) описывает амфисбену примерно теми же словами, добавляя: «словно ей мало одной пасти, чтобы извергнуть свой яд». «Сокровищница» Брунетто Латини[5] — энциклопедия, рекомендованная им бывшему его ученику в седьмом кругу ада, — не столь тенденциозна и более обстоятельна: «Амфисбена — это змея о двух головах, одна на обычном месте,

---

[4] Примечания: 4

«Фарсалия» — незавершенная героическая поэма Лукана.

[5] Примечания: 5

Брунетто Латини (ок. 1220–1294) — итальянский ученый-эрудит, наставник Данте, вспоминающего об учителе в XV песни «Ада».

другая на хвосте; обеими она может ужалить, двигается проворно, и глаза у нее горят как свечи». Сэр Томас Браун в «Ходячих суевериях» (1646) писал, что не бывает животного, у которого нет верха и низа, переда и зада, левой и правой стороны, и отрицал существование амфисбены, «ибо способность чувствовать, вложенная в оба конца змеи, делает их оба передними, что невозможно… А посему выдумка сия, помещающая по голове на каждом из двух концов, весьма неудачна…» По-гречески «амфисбена» означает «двигающаяся в двух направлениях». На Антильских островах и в некоторых регионах Америки это название дают пресмыкающемуся, в просторечии называемому «do le andadora» («туда-сюда»), «двухголовая змея» и «муравьиная мать». Говорят, что ее кормят муравьи. И еще — что если ее разрезать на две части, то они соединятся.

Целебные свойства амфисбены были прославлены Плинием.

Аннамские тигры

По представлениям аннамитов тигры, или духи, живущие в тиграх, правят четырьмя сторонами света. Красный Тигр правит на Юге (который помещают в верхней части карты); в его ведении лето и огонь. Черный Тигр правит Севером, в его ведении зима и вода. Синий Тигр правит Востоком, в его ведении весна и растения. Белый Тигр правит Западом, в его ведении осень и металлы.

Над этими Главными Тиграми есть еще пятый, Желтый Тигр, который находится в середине и управляет остальными, в точности как Император находится в середине Китая, а Китай — в середине мира. (Поэтому его называют Срединным государством; поэтому он помещен в середине карты мира, которую создал в конце шестнадцатого столетия отец Риччи[6] из Общества Иисусова для просвещения китайцев.)

Лао-цзы поручил Пяти Тиграм миссию вести войну против демонов. В аннамитском молит-

[6] Примечания: 6

Маттео Риччи (1552–1610) — итальянский священник-иезуит, основатель католической миссии в Китае, исследователь-китаист.

веннике, переведенном на французский Луи Шошодом[7], есть молитва о помощи, обращенная к Пяти Небесным Тиграм. Это поверье происходит из Китая; синологи пишут о Белом Тигре, который правит далекой областью западных звезд. На Юге китайцы помещают Красную Птицу; на Востоке — Синего Дракона; на Севере — Черную Черепаху. Как видим, аннамиты сохранили цвета, но всех этих животных свели к одному.

Бхилы, народ Центральной Индии, верят в существование ада для тигров; малайцы рассказывают о городе в недрах джунглей, где балки из человеческих костей, стены из человеческой кожи и карнизы из человеческих волос; этот город построили тигры, они и живут в нем.

---

[7] Примечания: 7

Луи Симон Фортюне Фредерик Шошод (1877–1957) — французский востоковед, исследователь оккультизма и магии.

Антилопы шестиногие

Говорят, что конь Одина, серый Слейпнир, который скачет по земле, по воздуху и по преисподней, наделен (или обременен) восемью ногами; в одном сибирском мифе у первой антилопы шесть ног. При таком устройстве поймать их было трудно, а то и невозможно; божественный охотник Тунг-пой смастерил особые коньки из священного дерева, которое непрерывно трещало и было ему указано лаем его собаки. Так же трещали коньки, мчащиеся, как стрела; чтобы управлять ими и тормозить их бег, ему пришлось вставить в них клинья, сделанные из другого волшебного дерева. Тунг-пой преследовал антилопу по всему небосводу. Изнемогшее животное упало на землю, и Тунг-пой отрезал антилопе заднюю пару ног.

— Люди, — сказал Тунг-пой, — становятся с каждым днем все мельче и слабее. Как смогут они охотиться за шестиногими антилопами, когда я сам с трудом ее убил?

С тех пор антилопы стали четвероногими.

Ахерон

Лишь один человек однажды видел чудовище Ахерона; произошло это в ирландском городе Корке. Первоначальный вариант этой истории, написанный на гэльском языке, ныне утерян, но некий монах-бенедиктинец из Регенсбурга[8] (Ратисбоны) перевел ее на латинский, и благодаря его переводу история эта была переложена на многие языки, в том числе на шведский и испанский. Сохранилось более полусотни рукописей латинской версии, которые в основном совпадают. Она озаглавлена «Visio Tundali» («Видение Тунгдала»[9]) и считается одним из источников Дантовой поэмы.

Начнем со слова «Ахерон». В десятой песни «Одиссеи» это одна из рек ада, текущая на западной окраине населенного мира. Ее название

---

[8] Примечания: 8

…монах-бенедиктинец из Регенсбурга… — Имеется в виду немецкий проповедник и религиозный писатель Бертольд Регенсбургский (1210–1272).

[9] Примечания: 9

«Видение Тунгдала» — памятник кельтской словесности XII в., о его влиянии на Данте Борхес позднее писал в эссе «Данте и англосаксонские видения», вошедшем в книгу «Девять очерков о Данте».

звучит в «Энеиде», в «Фарсалии» Лукана и в «Метаморфозах» Овидия. Данте запечатлел его в стихе: «Su la triste riviera d'Acheronte»[10] («На берегу печального Ахерона»).

Согласно одному мифу, Ахерон — это терпящий наказание титан; согласно другому, более раннему, он обитает у Южного полюса, под созвездиями антиподов. У этрусков были «книги судьбы», наставления в науке гадания, и «книги Ахерона», наставления душе после смерти тела. Со временем Ахерон стал наименованием ада.

Тунгдал был ирландским дворянином, человеком благовоспитанным и храбрым, однако не вполне безупречных правил. Однажды в доме у своей подруги он занемог, три дня и три ночи его считали мертвым, лишь в области сердца ощущалось немного тепла. Когда он пришел в себя, то рассказал, что его ангел-хранитель показал ему подземное царство. Из многих увиденных им чудес нас сейчас интересует чудовище Ахерон.

Ахерон выше любой горы. Глаза его пылают огнем, а рот так огромен, что в нем уместились бы девять тысяч человек. Двое человек, обреченных проклятию, поддерживают, подобно столпам

---

[10] Примечания: 10

«Su la triste riviera...» — Данте, «Ад», III, 77.

или атлантам, его рот раскрытым; один стоит на ногах, другой — на голове. В утробу его ведут три глотки — все три изрыгают неугасимый огонь. Из утробы чудовища исходят немолчные вопли бесчисленных проглоченных им проклятых душ. Демоны сообщили Тунгдалу, что это чудовище зовется Ахерон. Ангел-хранитель покидает Тунгдала, и его уносит в утробу Ахерона поток других душ. Там вкруг него слезы, мрак, скрежет зубовный, огонь, жар нестерпимый, ледяной холод, псы, медведи, львы и змеи. В этой легенде ад есть некий зверь, вмещающий в себя других зверей.

В 1758 году Сведенборг писал: «Мне не было дано увидеть общие очертания ада, но было сказано, что, подобно тому как рай имеет форму человека, ад имеет форму дьявола».

Багамут

Молва о бегемоте достигла аравийских пустынь, где его образ был изменен и возвеличен. Жители Аравии превратили его из слона или гиппопотама в рыбу, плавающую в бездонном море; на рыбу они поставили быка, на быка — рубиновую гору, на гору — ангела, на ангела — шесть адов, на ады — землю, на землю — семь небес. Мусульманская легенда гласит:

«Бог сотворил Землю, но у Земли не было основания, посему под Землей он сотворил ангела. Но у ангела не было основания, посему под ногами ангела он сотворил рубиновую скалу. Но у скалы не было основания, посему под скалой он сотворил быка с четырьмя тысячами глаз, ушей, ноздрей, пастей, языков и ног. Но у быка не было основания, посему он сотворил под быком рыбу по имени Багамут, и под рыбой он поместил воду, а под водой — мрак, а далее знание человеческое не способно достичь».

Другие утверждают, что Земля стоит на воде, а вода на скале, а скала на лбу быка, а бык на песчаном ложе, а песок на Багамуте, а Багамут на

удушливом ветре, а удушливый ветер на тумане. Что находится под туманом — неведомо.

Столь громаден и ослепителен Багамут, что глазам человеческим не под силу его лицезреть. Все моря земные, коль поместить их в одну ноздрю этой рыбы, будут что горчичное зерно, брошенное средь пустыни. В 496-й ночи «Тысяча и одной ночи» говорится, что Исе (Иисусу) было дано узреть Багамута и что, воспользовавшись этой милостью, Иса пал наземь без чувств и три дня и три ночи не приходил в себя. В арабской сказке есть продолжение: под безмерно огромной рыбой находится море, под морем — воздушная бездна, под воздушной бездной — огонь, под огнем — змея, именуемая Фалак, в чьей пасти размещены шесть адов.

Представление о том, что скала покоится на быке, а бык — на Багамуте, а Багамут — на чем-то еще, как бы служит иллюстрацией к космологическому доказательству существования Бога. В этом доказательстве утверждается, что всякая причина должна иметь предшествующую ей причину, и, таким образом, дабы не прийти к дурной бесконечности, необходима некая первопричина.

Бальдандерс

Его название «бальдандерс» (немецкое слово, которое можно перевести как «то такой, то другой» или «всегда другой») было подсказано славному сапожнику Гансу Саксу (1494–1576) из Нюрнберга тем местом в «Одиссее»[11], где Менелай гонится за египетским богом Протеем, который превращается в льва, змею, пантеру, огромного дикого кабана, дерево и ручей. Лет через девяносто после смерти Сакса бальдандерс снова появляется в последней книге фантастического плутовского романа Гриммельсхаузена «Симплициссимус» (1669). В лесной чаще герой натыкается на каменную статую[12], которую он принимает за идола из древнего германского храма. Он прикасается к статуе, и она рассказывает ему, что она бальдандерс, а посему принимает облик то человека, то дуба, то свиньи, то жирной

---

[11] Примечания: 11

…тем местом в «Одиссее»… — Песнь IV, 454–459; протеевские метаморфозы из этого фрагмента Борхес вспоминает в двух сонетах «Протей», вошедших в сборник «Сокровенная роза».

[12] Примечания: 12

В лесной чаще герой натыкается на каменную статую… — «Симплициссимус», кн. VI, гл. IX.

колбасы, то поля с клевером, то навоза, то цветка, то цветущей ветки, то шелковицы, то шелкового ковра и многих других вещей и существ, а также опять-таки человека. В облике человека бальдандерс наставляет Симплициссимуса в науке «беседы с вещами, которые по природе своей немы, вроде стульев и скамей, горшков и сковород»; он также превращается в писца и пишет следующие слова из «Откровения святого Иоанна»: «Я есмь начало и конец», каковые являются ключом к зашифрованной грамоте, в которой он оставляет герою свои наставления. Бальдандерс прибавляет, что его эмблема (подобно эмблеме султана, но с еще большим основанием, чем у султана) — это непостоянная луна.

Бальдандерс — это ряд чудовищ во временно́й последовательности. На титульном листе первого издания романа Гриммельсхаузена эта выдумка воплощена. Там приведена гравюра, изображающая существо с головою сатира, торсом человека, раскрытыми крыльями птицы и рыбьим хвостом — одна нога козлиная, но с когтями грифа, топчет кучу масок, символизирующую различные облики, которые бальдандерс принимает. На поясе у него меч, в руках раскрытая книга, где он показывает изображения короны, парусного судна,

кубка, башни, ребенка, пары игральных костей, шутовского колпака с бубенцами и пушки.

Банши

Похоже, что никто никогда не видел эту «сказочную женщину». Она не столько существо, имеющее облик, сколько зловещий вой, наполняющий ужасом ночи Ирландии и (согласно «Демонологии и колдовству» сэра Вальтера Скотта) нагорья Шотландии. Под окнами дома, который она посетила, банши пророчит смерть кого-то из членов семьи.

Ее появление говорит о чистоте кельтской крови этой семьи, об отсутствии какой-либо примеси крови латинской, саксонской или датской. Банши слышат также в Уэльсе и в Бретани. Ее завывание называется «кининг».

Баромец, или Татарский овен

Растение «татарский овен», также называемое «баромец», Lycopodium arometz и «китайский ликоподиум», напоминает своим видом ягненка с золотистым руном. Оно имеет четыре-пять стеблевидных корней. Сэр Томас Браун приводит следующее его описание в своей «Pseudodoxia Epidemica»[13] (1646):

«Много чудес рассказывают о баромеце, этом странном растении — животном или растительном „татарском овне“, которое с удовольствием пожирают волки; оно имеет форму овна, при надломе испускает кровавый сок и, когда все растения вокруг него погибают, прекрасно продолжает расти».

Иные чудовища создаются из сочетаний различных видов животных, баромец же являет собою союз животного и растительного царств.

Это приводит на память мандрагору, которая, когда ее вырывают из земли, издает человеческий крик; и, в одном из кругов ада, печальный

---

[13] Примечания: 13
«Ходячие суеверия» *(лат.)*.

лес самоубийц[14], из чьих изувеченных членов сочатся одновременно кровь и слова; да еще увиденное Честертоном во сне дерево[15], которое пожирало гнездившихся в его ветвях птиц, а когда пришла весна, покрылось вместо листьев перьями.

[14] Примечания: 14

…печальный лес самоубийц… — Данте, «Ад», XIII.

[15] Примечания: 15

…увиденное Честертоном во сне дерево… — Образ из новеллы «Согрешившее дерево», включенной Борхесом в составленную им вместе с Адольфо Бьоем Касаресом и Сильвиной Окампо «Антологию фантастической литературы».

Библейский бегемот

За четыре века до христианской эры слово «бегемот» означало либо огромного слона или гиппопотама, либо немыслимую и пугающую помесь этих двух животных; ныне бегемот точно определен десятью знаменитыми стихами в Книге Иова (40: 10–19), которые описывают его и внушают представление о его громадности. Все прочее — это домыслы или филология.

Слово «бегемот» — множественное число; речь идет, как уверяют нас ученые, о множественном интенсивном древнееврейского слова «б'гемах», означающего «скотина». Как говорит фрай Луис де Леон в своем «Пояснении к Книге Иова»: «„Бегемот“ — древнееврейское слово, как если бы сказать „скоты“; по общему мнению всех ученых, оно обозначает слона, названного так за его чрезмерную огромность, словно бы одно животное равно многим».

Напомним любопытный факт: в первом стихе Книги Бытия Ветхого Завета имя Бога, Элохим, употреблено во множественном числе, хотя управляемый им глагол стоит в единственном

числе: «Берешит бара Элохим эт хашамаим веэт лаарец»[16]. Тринитарии[17], кстати, использовали эту несообразность как аргумент для подтверждения троичности Божества.

Приводим десять стихов о бегемоте из Книги Иова в переводе с латинского текста Вульгаты:

«Вот бегемот, он — мое творение, как и ты; траву он ест, как вол; однако какая сила в чреслах его, какая крепость в пупе его чрева! Хвост его могуч, как кедр, жилы на его причинных частях переплетены, кости как бронзовые трубы, хрящи как стальные пластины! Ни одно из творений Божиих не сравнится с ним, нет оружия более мощного в руках его Создателя; склоны гор — место игр зверей, его собратьев, он же, накладывающий на них дань, почивает под кровом тростника, густые ветви дают ему тень среди ив у реки. Он без труда выпивает полноводный поток, даже Иордан не устрашит его разинутую пасть. Соблазняя, он заворожит его (бегемота) глаз, хотя потом ему проколют ноздри острым багром».

---

[16] Примечания: 16

В начале сотворил Бог небо и землю *(др. — евр.).*

[17] Примечания: 17

Тринитарии — приверженцы основного догмата христианской теологии о трех неслиянных и нераздельных лицах Бога, против которого выступали сторонники различных антитринитарных учений (савеллианства, арианства и др.).

Брауни

Брауни — это услужливые человечки бурого цвета, откуда и их название. Они любят посещать шотландские фермы и, пока семья хозяев спит, исполняют разные домашние работы. Подобный сюжет мы найдем в одной из сказок Гриммов.

Знаменитый писатель Роберт Льюис Стивенсон утверждал, что ему удалось приспособить своих брауни к литературному делу. Когда он спит, они внушают ему волшебные сюжеты, например удивительное превращение доктора Джекила в демонического мистера Хайда и тот эпизод в «Олалла», где юноша, потомок древнего испанского рода, кусает руку своей сестры.

Бурак

Первый стих семнадцатой главы Корана гласит: «Хвала тому, кто перенес ночью своего раба из священного храма в Мекке в храм отдаленный в Иерусалиме, вокруг которого мы благословили, чтобы показать некоторые из наших знамений». Комментаторы объясняют, что восхваляемый — это Бог, что его раб — это Магомет, что священный храм — это мечеть в Мекке, что храм отдаленный — это храм Иерусалимский, и из Иерусалима Пророк был вознесен на седьмое небо. В самых древних версиях легенды Магомета ведет некий человек или ангел; в более поздних ему предоставлено небесное животное размером крупнее осла и меньше мула. Это животное — Бурак, чье имя означает «сияющий». Согласно Ричарду Бёртону, переводчику «Книги тысячи и одной ночи», в Индии обычно изображают Бурака с человеческим лицом, ослиными ушами, туловищем лошади и крыльями и хвостом павлина.

В одной из исламских легенд говорится, что Бурак, покидая землю, опрокинул наполненный водою кувшин. Пророк был вознесен на седьмое

небо и по пути побеседовал на каждом небе с патриархами и ангелами, там обитающими, и пересек Единство, и ощутил холод, от которого его сердце заледенело, но тут Господь положил длань на его плечо. Время людей несоизмеримо со временем Бога; возвратясь, Пророк подхватил кувшин, из которого еще не пролилась ни одна капля.

Мигель Асин Паласиос, испанский ориенталист двадцатого века, рассказывает об одном мурсийском мистике тринадцатого века, который в аллегории под названием «Книга о ночном путешествии к Величию Благороднейшего» увидел в Бураке символ божественной любви. В другом тексте он говорит о «Бураке сердечной чистоты».

Валькирии

В древних германских языках «валькирия» означает «избирающая убитых». Мы не знаем, как представляли себе валькирий народы Германии или Австрии; в скандинавской мифологии это прекрасные вооруженные девы. Обычное их число — три, хотя в «Эдде» названо более дюжины их имен.

Согласно народным мифам, они подбирают души павших на поле брани и уносят их в эпический рай Одина. Там, в Чертоге Павших, Валгалле, где кровля из золота и светят не лампы, а обнаженные мечи, с самой зари и до заката воины сражаются насмерть. Затем те, кто был убит, воскресают и участвуют в пире богов, где им подносят мясо бессмертного вепря и неиссякающие роги с хмельным медом. Образ нескончаемой битвы, по-видимому, кельтского происхождения.

Англосаксонский заговор от внезапных колик описывает валькирий, не называя их прямо, следующим образом:

> *Гром грохотал, да, гром грохотал, когда они*

над землей скакали,

Грозны сердца их были, когда над горами

они скакали…

Ибо могучие девы всю силу свою собрали…

При распространившемся влиянии христианства образ валькирии деградировал; в средневековой Англии судья приговорил одну несчастную женщину к сожжению на костре, обвинив ее в том, что она валькирия, то есть ведьма.

Василиск

С течением веков василиск (известный также под названием «кокатрис») становился все более безобразным и пугающим, а в наше время о нем и вовсе забыли. Название его происходит из греческого языка и означает «царек»; по мнению Плиния Старшего (VIII, 21), это змея с «белым пятном на голове, похожим на корону или диадему». В Средние века он становится четырехногим петухом с короной, желтыми перьями, большими колючими крыльями и змеиным хвостом, который завершается крючком или же второй петушиной головой. Изменение облика отразилось в изменении названия, Чосер в «The Parson's Tale»[18] говорит о василиске: «Василиск убивает людей ядом своего взгляда». Одна из гравюр, иллюстрирующая «Естественную историю змей и драконов» Альдрованди[19], наделяет василиска чешуей вместо перьев и восемью ногами. (Согласно «Младшей Эдде», у Одинова коня Слейпнира

[18] Примечания: 18
«Рассказ священника» *(англ.).*

[19] Примечания: 19
Улисс Альдрованди (1522–1605) — итальянский ученый-натуралист.

также было восемь ног.)

Что в василиске остается неизменным, так это убийственное действие его взгляда и его яда. Глаза горгон обращали живых существ в камень; Лукан рассказывает нам, что из крови одной из них произошли все змеи Ливии — аспид, амфисбена, аммодит и василиск. Приводим соответствующие пассажи из книги IX «Фарсалии»:

В теле ее губительный яд впервые природа

Произвела; из горла тогда шипящие змеи

Выползли, жалом своим трепеща

с пронзительным свистом,

И по спине у нее разметались, как женские

косы,

Плечи хлестали они ликованием полной

Медузы.

Встали над хмурым челом, поднявшись дыбом,

гадюки,

Яд изливался из них, когда волосы дева

чесала.

Что было пользы проткнуть копьем василиска

Мурру несчастному? Яд мгновенно по древку

разлился,

В руку всосался ему; поспешно меч обнаживши,

Он ее тотчас отсек, у плеча отделивши от тела,

И, наблюдая пример своей собственной смерти

ужасной,

Смотрит, живой, как гибнет рука[20].

Василиск обитает в пустыне, или, точнее, он создает пустыню. Птицы падают мертвыми к его ногам, и плоды земные чернеют и гниют, вода источников, в которых он утолял свою жажду, становится отравленной. О том, что одним своим взглядом он раскалывает скалы и сжигает траву, свидетельствует Плиний. Из всех животных одна лишь ласка не боится этого чудовища и может

---

[20] Примечания: 20
Перевод Л. Е. Остроумова.

напасть на него спереди; было также поверье, что василиска повергает в смятение крик петуха. Опытные путешественники, прежде чем углубиться в неизведанные края, благоразумно запасались либо петухом в клетке, либо лаской. Другим оружием было зеркало: василиска убивает его собственное отражение.

Исидор Севильский и составители «Speculum Triplex» («Тройственного зерцала») отвергали легенды Лукана и искали рационального объяснения природы василиска. (Отрицать его существование они не могли, ибо в Вульгате древнееврейское слово «тсефа», название ядовитого пресмыкающегося, переведено как «кокатрис».) Наибольшее признание получила теория об уродливом яйце, снесенном петухом и высиженном змеей или жабой. В семнадцатом веке сэр Томас Браун счел это объяснение столь же неестественным, как самого василиска. Примерно в те же годы Кеведо написал свой романс «Василиск», где говорится:

Si está vivo quien te vió,
Toda su historia es mentira,
Pues si non murió, te ignora,

Y si murió no lo afirma[21].

[21] Примечания: 21

Коли жив, кто тебя видел,
Зря нам сказки говорит.
Коль не умер, то не видел.
Ведь кто умер, тот молчит (исп.).

Выравниватель

Между годами 1840 и 1864 Отец Света (которого мы также можем именовать Внутренним Голосом) одарил баварского музыканта и школьного учителя Якоба Лорбера[22] рядом пространных и достоверных откровений касательно жителей, фауны и флоры небесных тел, образующих нашу Солнечную систему. В числе домашних животных, сведениями о коих мы обязаны этому откровению, назван выравниватель, или утаптыватель земли (Bodendrücker), оказывающий неоценимые услуги на планете Мирон, каковую позднейшие издатели Лорбера отождествляют с Нептуном.

Выравниватель в десять раз крупнее слона, с которым поразительно схож. У него есть хобот, правда коротковатый, и длинные прямые клыки. Ноги имеют форму конусов с очень широким основанием, и вершины конусов словно бы вонзены в туловище. Этого топтуна приводят на ухабистую строительную площадку перед приходом каменщиков и плотников, и он обрабатывает

---

[22] Примечания: 22

Якоб Лорбер (1800–1864) — австрийский теософ, музыкант и педагог.

ее своими ногами, хоботом и клыками, выравнивая и уплотняя почву.

Выравниватель питается кореньями и травами, врагов не имеет, кроме одного-двух видов насекомых.

Ганиэль, Кафзиэль, Азриэль и Аниэль

Пророку Иезекиилю в Вавилоне предстало видение — четверо животных или ангелов, «и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла», и «подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны… а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех». Они шли, куда их вел дух, «каждое в ту сторону, которая перед лицем его», или, как гласит первая испанская Библия (1569), «cada uno camina a en derecho de su rostro» («каждое шло, куда смотрело его лицо»), что, разумеется, настолько невообразимо, что даже жутко делается. Четыре колеса, у которых ободья «высоки и страшны», шли за ангелами и «вокруг полны были глаз…»

Воспоминание об Иезекииле, возможно, вдохновило св. Иоанна, в чьем «Откровении», в главе четвертой, мы читаем:

«И пред престолом море стеклянное, подобно кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди

и сзади.

И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное было подобно орлу летящему.

И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет».

В главной из каббалистических книг, в «Зогаре», или «Книге Сияния», сказано, что эти четверо животных зовутся Ганиэль, Кафзиэль, Азриэль и Аниэль и что глядят они на восток, на север, на юг и на запад. Стивенсон замечает, что если в небе есть подобные чудеса, то чего только нет в аду!

Полное глаз чудовище достаточно ужасно, однако Честертон еще развил этот образ в своем стихотворении «Второе детство»[23]:

Я не хочу дожить до сверхпреклонных лет,

Чтоб видеть ночь чернее всех ночей,

И тучу, что закроет белый свет,

---

[23] Примечания: 23

...в своем стихотворении «Второе детство»... — Оно вошло в книгу «Баллада о Святой Варваре» (1922).

И чудище из мириад очей.

Четвероликие ангелы в Книге Иезекииля названы «хайот» («живые существа»); в «Сефер Иецира», другой каббалистической книге, они суть десять чисел, которые вместе с двадцатью буквами алфавита послужили Богу для сотворения нашего мира; согласно «Зогару», ангелы эти спустились с небес, увенчанные буквами.

От четырех ликов «хайот» евангелисты позаимствовали свои символы: Матфею достался ангел, иногда в виде бородатого мужчины; Марку — лев; Луке — бык; Иоанну — орел. Св. Иероним[24] в своем комментарии к Иезекиилю попытался рационально обосновать эти атрибуты. Он говорит, что Матфею был дан человек, ибо он восславил человеческую природу Христа; Марку — лев, ибо он объявил о царском достоинстве Христа; Луке — бык, эмблема жертвенности; Иоанну же — орел как символ парящего Духа Христова.

Немецкий ученый, доктор Рихард Хеннинг[25], ищет отдаленный источник этих символов в четырех знаках зодиака, отстоящих один от дру-

---

[24] Примечания: 24

Иероним (347–419 или 420) — раннехристианский отшельник, писатель, переводчик на латынь Библии, трудов Оригена и др.

[25] Примечания: 25

Рихард Хеннинг (1874–1951) — немецкий географ.

гого на девяносто градусов. Что до льва и быка, тут затруднений нет: человек отождествляется с Водолеем, у которого человеческий облик, а орел, очевидно, Скорпион, но это отвергают, так как Скорпион считается предвестником зла. Николас де Вор[26] в своей «Астрологической энциклопедии» поддерживает эту гипотезу, замечая, что четыре эти фигуры сочетаются в сфинксе, у которого может быть человеческая голова, туловище быка, когти и хвост льва и крылья орла.

[26] Примечания: 26

Николас де Вор (1882–?) — американский музыковед-фольклорист, популяризатор астрологии и психологии, составитель авторитетной в эзотерических кругах «Астрологической энциклопедии» (1940).

Гарпии

В «Теогонии» Гесиода гарпии — крылатые божества с длинными распущенными волосами, летящие быстрее птиц и ветров; в «Энеиде» (книга третья) — грифы с женскими лицами, острыми, крючковатыми когтями и нечистым брюхом, терзаемые голодом, который они не могут утолить. Они спускаются с гор и пачкают накрытые для пиршества столы. Они неуязвимы и зловонны: с пронзительным писком они все пожирают и все загрязняют своими экскрементами. Сервий[27], комментатор Вергилия, пишет, что подобно тому, как Геката — это Прозерпина в аду, Диана на земле и Луна на небе, за что и называют ее трехликой богиней, так и гарпии — это фурии в аду, гарпии на земле и диры (или демоны) на небе. Их также смешивают с парками.

По велению богов гарпии ополчились на царя Фракии[28], который открывал людям их будущее

---

[27] Примечания: 27

Сервий Гонорат (ок. 360–370 — первая половина V в.) — латинский филолог.

[28] Примечания: 28

...на царя Фракии... — Имеется в виду Финей.

и купил себе долгожитие ценою своих глаз, за что был наказан Солнцем, чьи творения он оскорбил, избрав себе в удел слепоту. Он готовил пиршество для всей своей свиты, а гарпии пожирали и пачкали яства. Аргонавты изгнали гарпий; Аполлоний Родосский и Уильям Моррис («Жизнь и смерть Ясона») рассказывают их фантастическую историю. Ариосто в песни XXXIII «Неистового Роланда» превращает фракийского царя в пресвитера Иоанна[29], легендарного императора абиссинцев.

Слово «гарпии» происходит от греческого «harpazein» — «хватать», «похищать». Вначале они были божествами ветра, подобно ведийским Марутам, которые бряцают золотым оружием (молниями) и доят облака.

---

[29] Примечания: 29

Пресвитер Иоанн (Иоанн Индийский) — легендарный основатель утопического райского царства на Востоке. Первые сведения о нем в Европе относятся к началу XII в. и помещают его владения в Эфиопию. В 1145 г. о его царстве «за Персией и Арменией» сообщает германский хронист Отто Фрейзингский. Между 1165 и 1177 гг. появляется апокрифическое «Послание» пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу I Комнину; в дальнейшем пресвитер Иоанн упоминается Жаком из Витри (около 1220), Жуанвилем (1248–1254), Винцентом из Бове (1253), Рубруком, Марко Поло и Мандевилем («Путешествия», XXX — XXXXII), Ариосто («Неистовый Роланд», XXXIII) и др.

Гаруда

Вишну, второй бог троицы, возглавляющей брахманистский пантеон, ездит верхом либо на змее, который заполняет собою моря, либо на спине Гаруды. Изображают Вишну синим, с четырьмя руками, держащими дубинку, раковину, диск и лотос. Гаруда — полугриф-получеловек, у него крылья, клюв и когтистые лапы хищной птицы, а туловище и ноги человечьи. Лицо у него белое, крылья ярко-алые, туловище золотое. В храмах Индии поклоняются статуям Гаруды из бронзы или камня. В Гвалиоре была найдена статуя, изваянная более чем за сто лет до нашей эры греком Илиодором, который поклонялся Вишну.

В «Гаруда-пурана»[30] — одной из многих пуран, или преданий, индуизма — Гаруда подробно излагает происхождение Вселенной, солнечную сущность Вишну, ритуал его культа, родословную царей, происходящих от Солнца и Луны, содержание «Рамаяны» и многие менее важные темы, вроде сведений о стихосложении, грамматике и медицине.

---

[30] Примечания: 30

«Гаруда-пурана» — священный памятник вишнуистского буддизма.

В драме «Веселье змей»[31], созданной в седьмом веке и считающейся творением некоего царя, Гаруда каждый день убивает и пожирает одну змею (вероятно, очковую), пока князь-буддист не внушает ему добродетель воздержания. В последнем действии Гаруда возвращает к жизни многие поколения змей, которых он пожирал. Эггелинг[32] полагает, что это произведение, возможно, брахманистская сатира на буддизм.

Мистик Нимбарка[33], чьи годы жизни точно неизвестны, писал, что Гаруда — это спасенная навеки душа, равно как душами являются его корона, его серьги и его флейта.

---

[31] Примечания: 31

«Веселье змей» (иначе — «Радость нагов») — драма индийского поэта Харши (Харшавардхана, ок. 590–647).

[32] Примечания: 32

Юлиус Эггелинг (1842–1918) — английский (шотландский) индолог.

[33] Примечания: 33

Нимбарка (Нибадитья, XII или XIII в.) — индусский философ и астроном, основатель секты бхакти.

Гибрид

У меня есть забавная зверушка — полукошка-полуовечка. Она досталась мне в наследство от моего отца. Но по-настоящему развилась только у меня — прежде это была больше овечка, чем кошка. Теперь она почти в равной мере и то и другое. От кошки у нее голова и когти, от овечки — размеры и форма; от обеих — ее глаза, диковатые и меняющиеся, ее шерсть, мягкая и плотно прилегающая, ее движения, то прыгучие, то крадущиеся. Лежа на освещенном солнцем подоконнике, она свертывается клубком и мурлычет; на лугу мчится как сумасшедшая, не поймаешь. Она убегает от кошек и пробует нападать на овечек. В лунные ночи ее любимое место прогулок — черепичная кровля. Мяукать она не умеет и ненавидит крыс. Может часами лежать в засаде возле курятника, но ни разу не воспользовалась возможностью совершить убийство.

Я кормлю ее молоком — это как будто ей всего полезней. Она пьет молоко большими глотками, всасывая его сквозь свои зубы хищника. Разумеется, она — чудесная забава для детей. Воскресное

утро — время визитов. Я усаживаюсь с этим маленьким зверьком на коленях, и меня окружают все соседские ребятишки.

Мне задают самые странные вопросы, на которые ни один человек не сумел бы ответить. Почему существует только одно такое животное? Почему оно принадлежит мне, а не кому-то другому? Было ли когда-нибудь раньше животное вроде него и что случится, если оно умрет? Чувствует ли оно себя одиноким? Почему у него нет детей? Как его зовут? И так далее.

Я не утруждаю себя ответами, ограничиваясь тем, что демонстрирую свое сокровище. Иногда дети приносят своих кошек, однажды даже принесли двух ягнят. Но вопреки их надеждам сцена узнавания не состоялась. Животные спокойно глядели друг на друга своими глазами животных и явно воспринимали взаимное существование как некую божественную данность.

Сидя у меня на коленях, моя зверушка не испытывает ни страха, ни азарта погони. Счастливей всего она, когда прижимается ко мне. Она привязана к семье, которая ее вырастила. Разумеется, в этом нет признака какой-то особой преданности, это просто верный инстинкт животного, которое, имея в мире бесчисленных свойственников, не

имеет ни одного кровного родственника, поэтому опека, которую оно нашло у нас, для него священна.

Порой я не в силах удержаться от смеха, когда она, принюхиваясь, вертится вокруг меня, путается у меня в ногах и не желает от меня отстать. Не довольствуясь тем, что она овечка и кошка, она словно настаивает на том, что она еще и собака. Однажды, когда я, как со всяким может случиться, не видя выхода из своих денежных трудностей и их последствий, решил разом покончить со всем и, сидя у себя в комнате в кресле-качалке с моей зверушкой на коленях, случайно опустил глаза, я увидел, что с длинных усов капают слезы. Были это мои слезы или слезы моей зверушки? Неужели у этой кошки, наряду с душою овечки, еще и самолюбие человека? Не так уж много досталось мне от отца, но это наследство стоит того, чтобы им дорожить.

Моей зверушке свойственна непоседливость обоих этих созданий — и кошки, и овечки, — как ни различны они. Поэтому ей вечно не сидится. Иногда она вскакивает на подлокотник моего кресла, кладет передние лапы мне на плечо и тычется мордочкой в мое ухо. Словно что-то говорит мне, и действительно она потом повертывает

голову и смотрит мне в глаза, чтобы проверить, какое впечатление произвело ее сообщение. И я из любезности веду себя так, будто понял, и киваю ей. Тогда она соскакивает на пол и радостно прыгает вокруг меня.

Возможно, что нож мясника был бы для нее избавлением, но, поскольку это мое наследство, я должен ей в этом отказать. И придется ей ждать, пока дыхание само покинет ее тело, хотя иногда она смотрит на меня взором, полным человеческого разума, призывая сделать то, о чем думаем мы оба.

Франц Кафка.
Описание одной битвы

Гиппогриф

Желая обозначить невозможность или несообразность, Вергилий говорит о попытке скрестить коня и грифа. Четырьмя столетиями позже его комментатор Сервий утверждает, что грифы — это животные, у которых передняя часть туловища орлиная, а задняя — львиная. Чтобы подкрепить свое утверждение, он прибавляет, что они ненавидят лошадей. Со временем выражение «junge tur jam grypes equis» («скрещивать грифов с лошадьми») стало поговоркой; в начале шестнадцатого века Лудовико Ариосто вспомнил его и придумал гиппогрифа. В грифе древних объединены орел и лев; в Ариостовом гиппогрифе — лошадь и гриф, это чудовище, или вымысел второго поколения. Пьетро Микелли[34] замечает, что гиппогриф более гармоничное создание, чем крылатый конь Пегас.

В «Неистовом Роланде» (IV, 18) дано подробное описание гиппогрифа, словно бы предназначенное для учебника фантастической зоологии:

---

[34] Примечания: 34

Пьетро Микелли (1865–1934) — итальянский историк литературы.

Не призрачный под магом конь – кобылой
На свет рожден, отцом его был гриф;
В отца он птицей был ширококрылой,
—
В отца был спереди; как тот, ретив;
Все остальное, как у матки, было,
И назывался конь тот – гиппогриф.
Рифейских гор пределы славны ими,
Далеко за морями ледяными[35].

Первое упоминание этого странного животного обманчиво случайное (II, 37): «У Роны рыцаря увидел я, остановившего крылатого коня».

В других октавах описано изумление при виде летящего коня. Вот знаменитая октава (IV, 4):

E vede l'oste e tutte la famiglia,
E chi a finiestre e chi four ne la via,
Tener levati al chiel gli occhi e la ciglia,
Come T'Ecclisse o la Cometa sia.
Vede la Donna un'alta maraviglia
Che di leggier creduta non saria:

---

[35] Примечания: 35
Перевод А. И. Курошевой.

Vede passar un gran destriero alato,
Che porta in aria uncavalliro armato.

(Глядит – хозяйская семья, в мгновенье
Сбежавшись, – кто в дверях, кто у окна,
—
Как будто на комету иль затменье,
Взирает на небо, поражена.
И видит дева чудное явленье,
И верит лишь с трудом глазам она:
Конь, видит, в воздухе летит крылатый;
Им правит всадник, облеченный в латы[36]*.)*

Астольфо в одной из последних песен расседлывает и разнуздывает гиппогрифа и отпускает его на волю.

---

[36] Примечания: 36
Перевод А. И. Курошевой.

Гномы

Гномы более древни, чем их название; оно — греческое, но греческие классики его не знали, ибо возникло оно в шестнадцатом веке. Этимологи приписывают его изобретение швейцарскому алхимику Парацельсу, в чьих трудах оно появляется впервые.

Гномы — духи земли и гор. Народная фантазия представляет их в виде бородатых карликов с грубыми, смешными чертами лица; одеты они в узкие коричневые кафтанчики и монашеские капюшоны. Подобно грифам эллинских и восточных поверий и германским драконам, гномы охраняют потаенные сокровища.

«Гносис» на греческом — «знание»; Парацельс назвал их «гномами», потому что они знают места, где надо искать драгоценные металлы.

Голем

В книге, продиктованной бесконечной мудростью, ничто не может быть случайно, даже количество слов, в ней содержащихся, или порядок букв; именно так мыслили каббалисты и, побуждаемые жаждой проникнуть в тайны Господа, занимались подсчетом, комбинированием и перестановкой букв Священного Писания. Данте утверждал, что всякий пассаж Библии имеет четыре смысла — буквальный, аллегорический, моральный и духовный. Иоанн Скот Эриугена, более проникнутый представлением о божественности, еще прежде того сказал, что смыслы Писания бесконечны, как число оттенков на павлиньем хвосте. Такое суждение каббалисты могли бы одобрить; одной из тайн, которые они искали в Библии, было создание живых существ. О демонах сказано, что они могут создавать тварей крупных и тяжелых, вроде верблюда, но не утонченных и нежных; раввин Элиезер отрицал, что они способны создать что-либо более мелкое, чем зерно овса. Человек, созданный путем комбинации букв, был назван Голем; само это слово

буквально означает «бесформенная, безжизненная глыба».

В Талмуде (Санхедрин, 65в) читаем:

«Если бы праведники захотели сотворить мир, они смогли бы это сделать. Составляя различные сочетания букв непроизносимого имени Бога, Раба сумел создать человека, которого он послал к рабби Зера. Рабби Зера заговорил с посланцем, но, так как тот не отвечал, раввин ему приказал: „Ты — творение волшебства, обратись снова в прах…“

Рабби Ханина и рабби Ошая, два ученых, имели обыкновение в каждый канун субботы изучать Книгу Творения, с ее помощью они создавали трехлетнего бычка, которого и съедали на ужин…»

Шопенгауэр в книге «О воле в природе» пишет (глава 7): «На странице 325 первого тома своей „Zauerbibliothek“ („Волшебной библиотеки“) Хорст[37] излагает учение английской духовидицы Джейн Лид[38] следующим образом: „Всякий, обладающий магической силой, способен по

---

[37] Примечания: 37

Георг-Конрад Хорст (1767–1838) — немецкий оккультный мыслитель.

[38] Примечания: 38

Джейн Лид (1623–1704) — английская духовидица, одно из ее видений Борхес включил в данную книгу (см. «Точный отчет об узнанном…»).

своей воле направлять и обновлять царства минеральное, растительное и животное; посему довольно было бы нескольким волшебникам сговориться для того, чтобы все Сотворенное возвратилось в состояние райского блаженства“».

Своей славой на Западе Голем обязан австрийскому писателю Густаву Майринку, который в пятой главе фантасмагорического романа «Der Golem»[39] (1915) пишет:

«Говорят, что история эта восходит к семнадцатому веку. Восстановив утраченные формулы каббалы, некий раввин [Иегуда Лёв бен Бецалель] создал искусственного человека — так называемого Голема, — дабы тот в синагоге звонил в колокола и выполнял тяжелые работы.

Однако Голем не был человеком, в нем едва теплилась глухая, полусознательная, растительная жизнь. Да и та — лишь в дневные часы, и поддерживалась она действием магической таблички, которую ему засовывали под язык и которая притягивала из Вселенной свободные звездные токи.

Однажды перед вечерней молитвой раввин забыл вытащить табличку изо рта Голема; тот

---

[39] Примечания: 39
«Голем» *(нем.).*

впал в неистовство и побежал по темным улицам гетто, убивая всех, кто попадался на его пути, пока раввин его не догнал и не вынул табличку.

Голем мгновенно рухнул замертво. От него осталась лишь жалкая глиняная фигурка, которую теперь показывают в „Новой Синагоге“».

Элиезер из Вормса[40] сохранил тайную формулу, по которой можно создать Голема. Описание этой процедуры занимает двадцать три столбца в томе ин-фолио и требует знания «алфавита 221 ворот», который надо повторять над каждым органом Голема. На лбу у него надо начертать слово «эмет», означающее «истина»; чтобы уничтожить глиняного человека, надо стереть первую букву — останется слово «мет», означающее «смерть».

[40] Примечания: 40

Элиезер бен Исаак из Вормса (XI в.) — еврейский талмудист.

Гриф

«Крылатыми чудовищами» называет грифов Геродот, повествуя об их постоянной войне с одноглазыми аримаспами; почти столь же кратко описывает их Плиний, упоминая об их длинных ушах и изогнутом клюве, однако считая их «чистым вымыслом» (X, 49). Пожалуй, самое подробное описание мы найдем у предполагаемого сэра Джона Мандевиля[41] в главе 85 его «Путешествий»:

«Из этой страны (Турции) совершают путешествия в Бактрию, где живут злобные и коварные народы, и в том краю есть деревья, дающие шерсть, как если бы они были овцами, и из нее делают одежду. Есть в этом краю „ипотаны“ (гиппопотамы), которые живут то на суше, то в воде, они наполовину люди, наполовину лошади и питаются только человечиной, когда удается ее раздобыть. Еще водится в этом краю множество грифов, больше, нежели в других местах;

---

[41] Примечания: 41

Джон (Жан де) Мандевиль (ок. 1300–1372) — английский франкоязычный автор популярнейшей в Средние века книги фантастических путешествий по Востоку (ок. 1356), некоторые считают фигуру писателя вымышленной.

некоторые говорят, что у них перед туловища орлиный, а зад львиный, и это верно, они и впрямь так устроены; однако туловище грифа больше, чем восемь львов, вместе взятых, и он сильнее, нежели сотня орлов. Гриф, несомненно, может поднять и унести в свое гнездо лошадь со всадником или пару волов, когда их в одной упряжке выводят в поле, ибо когти на его лапах огромные, величиной с воловий рог; из этих когтей изготовляют чаши для питья, а из ребер грифа — луки для стрельбы».

Другой знаменитый путешественник, Марко Поло, слышал на Мадагаскаре рассказы о птице «рух» и сперва думал, что речь о «Ucello grifone», о птице грифе («Путешествия», III, 36).

В Средние века символика грифа противоречива. В одном итальянском бестиарии сказано, что он означает демона; обычно же он — эмблема Христа; так и трактует его Исидор Севильский в своих «Этимологиях»: «Христос есть лев, ибо он царит и обладает могуществом; и орел, ибо после воскресения вознесся на небо».

В XXIX песни «Чистилища» Данте грезится триумфальная колесница (Церковь), запряженная грифом; орлиная его часть золотая, львиная — белая с алым, дабы — согласно коммента-

риям — обозначить человеческую природу Христа. (Белое, смешанное с красным, дает цвет плоти.) Комментаторы напоминают описание возлюбленного в Песни Песней (5: 10–11): «Возлюбленный мой бел и румян… голова его — чистое золото…»

Другие полагают, что Данте тут хотел представить символ папы, который одновременно священнослужитель и царь. Дидрон[42] в своем «Manuel d'iconographie chrétienne» («Учебник христианской иконографии», 1845) пишет: «Папа, как понтифик или орел, возносится к престолу Господа, дабы получать его приказания, и, как лев или царь, шествует по земле могущественно и властно».

[42] Примечания: 42

Адольф Наполеон Дидрон (1806–1867) — французский историк средневекового искусства, автор трудов «Христианская иконография» (1843), «Язычество в христианском искусстве» (1853) и др.

Два философских существа

Загадка происхождения идей пополнила фантастическую зоологию двумя любопытными созданиями. Одно было придумано в середине восемнадцатого столетия, второе — век спустя.

Первое — это чувствующая статуя Кондильяка. Декарт придерживался Платонова учения о врожденных идеях; Этьен Бонно де Кондильяк, дабы опровергнуть его, придумал мраморную статую, устроенную подобно человеческому телу и наделенную душой, но никогда не ощущавшую и не мыслившую. Кондильяк начинает с того, что наделяет статую одним-единственным чувством, возможно наименее сложным из всех, — обонянием. Запах жасмина становится началом биографии статуи; сперва для нее во Вселенной будет существовать лишь этот запах, точнее, запах этот будет для нее Вселенной, которая мгновение спустя станет запахом розы, а затем гвоздики. Пусть в сознании статуи будет один-единственный запах — вот вам и внимание; пусть запах этот длится, когда причина, вызвавшая его, уже исчезла, — вот вам и память;

пусть внимание статуи сопоставит впечатление настоящего и впечатление прошлого — вот способность сравнения; пусть статуя почувствует сходство и различие — это будет суждение; пусть способность сравнения и суждения повторяется во второй раз — вот вам размышление; пусть приятное воспоминание будет живее, чем неприятное впечатление, — вот воображение. Когда уже родилась способность понимания, за нею возникает способность воли: любовь и ненависть (влечение и отвращение), надежда и страх. Сознание того, что пройдены многие состояния ума, даст статуе понятие числа; сознание того, что сейчас она ощущает запах гвоздики, а прежде был запах жасмина, породит понятие «я».

Затем автор наделит своего гипотетического человека слухом, вкусом, зрением и, наконец, осязанием. Это последнее чувство откроет ему, что существует пространство и что в пространстве существует он как некое тело; до этого этапа звуки, запахи и цвета казались ему простыми вариациями или модификациями его сознания.

Приведенная аллегория называется «Traité des sensations»[43] и издана в 1754 году; для этой замет-

---

[43] Примечания: 43
«Трактат об ощущениях» *(фр.).*

ки мы воспользовались вторым томом «Histoire de la philosophie»[44] Брейе[45].

Второе существо, порожденное проблемой сознания, — «гипотетическое животное» Рудольфа Германа Лотце. Оно более одинокое, чем статуя, которая обоняет розы и в конце концов становится человеком, — у этого животного есть на коже всего одна подвижная чувствительная точка — на конце усика. Такое устройство, очевидно, делает невозможным более чем одно ощущение зараз. Лотце полагает, что способности втягивать или выставлять чувствительный усик достаточно, чтобы почти полностью отрезанное от мира животное могло (без помощи Кантовых категорий времени и пространства) открыть для себя внешний мир и отличить объект неподвижный от объекта движущегося. Этот вымысел можно найти в книге «Medizinische Psychologie»[46] (1852), он был одобрен Хансом Файхингером.

---

[44] Примечания: 44

«История философии» *(фр.).*

[45] Примечания: 45

Эмиль Брейе (1876–1952) — французский мыслитель, историк философии.

[46] Примечания: 46

«Медицинская психология» *(нем.).*

Двойник

Понятие двойника, подсказанное или развившееся благодаря зеркалам, воде и близнецам, существует во многих странах. Возможно, что оно было источником изречений вроде «Мой друг — мое второе я» Пифагора или Платонова «Познай самого себя». В Германии двойника называют «Doppelgänger», что означает «двойной идущий». В Шотландии это «fetch», который является схватить (fetch) человека и повести его к гибели; есть также шотландское слово «wraith» для привидения, в котором, как полагают, человек перед смертью видит свой собственный облик. Следовательно, встреча с самим собой сулит несчастье. В трагической балладе Роберта Льюиса Стивенсона «Тикондарога» пересказана легенда на эту же тему. Вспомним также странную картину Россетти («Как они встретили самих себя»), где пара влюбленных встречает самих себя в туманно-сумеречной роще. Можно еще привести примеры из Готорна («Маскарад»), Достоевского, Альфреда де Мюссе, Джеймса («Веселый уголок»), Честертона («Зеркало сумасшедших») и Хирна

(«Некоторые китайские привидения»).

Древние египтяне верили, что двойник, «ка», — это точная копия человека с такой же походкой, в таких же одеждах. Не только у людей, но также у богов и животных, камней и деревьев есть их «ка», которые невидимы; лишь некоторые жрецы смогли увидеть двойников богов и получили от них знание прошлого и будущего.

Для евреев явление двойника не было предвестьем близкой смерти. Напротив, оно было свидетельством того, что человек обрел пророческий дар. Так это объясняет Гершом Шолем. В одной талмудической легенде повествуется о человеке, который искал Бога и встретил самого себя.

В рассказе По «Уильям Уилсон» двойник — это совесть героя. Он ее убивает и погибает сам. Точно так же Дориан Грей в романе Уайльда, пронзив ножом свой портрет, умирает. В стихах Йейтса двойник — другая наша сторона, наша противоположность, тот, кто нас дополняет, тот, кем мы не являемся и кем никогда не будем.

Плутарх пишет, что греки называли царского посла «другой я».

Демоны иудаизма

Согласно иудаистским поверьям, между мирами плотским и духовным существует некий средний мир, населенный ангелами и демонами. Число его обитателей далеко превосходит возможности арифметики.

В течение веков Египет, Вавилон и Персия внесли свою лепту в этот густонаселенный мир. Со временем, возможно под влиянием христианства (таково мнение Трахтенберга[47]), демонология, или учение о демонах, заняла второстепенное место сравнительно с учением об ангелах.

Тем не менее мы можем назвать Кетех Мерири, владыку полдня и знойного лета. Однажды его повстречали идущие в школу дети — все они, кроме двух, тут же скончались. В тринадцатом веке иудаистская демонология пополнилась пришельцами латинскими, французскими и германскими, которые в конце концов слились с упомянутыми в Талмуде аборигенами.

---

[47] Примечания: 47

Джошуа Трахтенберг (1904–1959) — американский гебраист, исследователь каббалы.

Джинны

Согласно мусульманской легенде, Аллах сотворил три рода разумных существ: ангелов, созданных из света; джиннов (в единственном числе «джинни», или «гений»), созданных из огня; и людей, созданных из земли. Джинны были сотворены из черного бездымного огня за несколько тысяч лет до Адама и делятся на пять видов. Среди этих видов есть джинны добрые и злые, джинны-мужчины и джинны-женщины. Космограф Аль Казвини[48] пишет, что «джинны — это воздушные существа с прозрачным телом, которые могут принимать различные формы». Сперва они являются в виде облаков или огромных, смутно очерченных столбов; затем они уплотняются, и их форма становится видимой, имея облик человека, шакала, волка, льва, скорпиона или змеи. Одни из них правоверные, другие еретики или атеисты. Английский ориенталист Эдуард Уильям Лейн пишет, что, когда джинны принимают человеческий облик,

[48] Примечания: 48

Хамдаллах Мостоуфи Казвини (1281 — ок. 1350) — иранский историк и географ.

они порой бывают гигантского размера, и «если они добрые, то, как правило, ослепительно прекрасны, а если злые, отвратительно безобразны». Говорят также, что они могут по желанию становиться невидимыми «благодаря быстрому расширению и разжижению частиц, из которых состоят», и тогда они могут исчезнуть, растворившись в воздухе или в воде, или проникнуть сквозь прочную стену.

Джинны нередко возносятся на низшее небо, где могут подслушать беседы ангелов о грядущих событиях. Поэтому они способны помогать предсказателям и колдунам. Некоторые ученые приписывают им сооружение пирамид и, по велению Соломона, — великого Иерусалимского храма.

Любимое местопребывание джиннов — развалины зданий, водяные цистерны, реки, источники, перекрестки дорог и рынки. Египтяне говорят, что столбовидные смерчи из взвихренного песка возникают в пустыне от полета злого джинни. И еще говорят, что падающие звезды — это стрелы, которые Аллах мечет в злых джиннов. В числе совершаемых этими злодеями пакостей обычны следующие: они швыряют с крыш и из окон кирпичи и камни на проходящих мимо людей,

похищают красивых женщин, преследуют тех, кто поселяется в необитаемом доме, и крадут провизию. Однако, чтобы предохранить себя от подобных неприятностей, достаточно воззвать к Всемилостивому и Всеблагому Аллаху.

Вурдалаки, посещающие кладбища и питающиеся человеческими телами, считаются низшей категорией джиннов. Отец джиннов и их глава зовется Иблис.

В 1828 году молодой Виктор Гюго написал сумбурную пятнадцатистрофную поэму «Джинны» о сборищах этих существ. С каждой строфой, когда присоединяется новый джинн, строки становятся все длинней и длинней, вплоть до восьмой строфы, когда они уже все в сборе. С этого момента и до конца поэмы строки уменьшаются, пока наконец все джинны не исчезнут.

Бёртон и Ноах Вебстер[49] связывают слово «джинн» с латинским «genius», происходящим от глагола «eget». Скит[50] это оспаривает.

---

[49] Примечания: 49

Ноах Вебстер (1758–1843) — американский лексикограф, создатель знаменитого словаря английского языка.

[50] Примечания: 50

Уолтер Уильям Скит (1835–1912) — английский историк, исследователь малайской культуры. Отрывок из его труда «Малайская магия» (1900) вошел в борхесовскую «Антологию фантастической литературы» (миниатюра «Самоткущийся платок»).

Дзяо Дзе

Поэтам и мифологии он, кажется, неизвестен, однако каждый из нас в какой-то момент, испытывая легкий трепет, обнаруживает Дзяо Дзе на углу какой-либо капители или в центре фриза. У пса, охранявшего стада трехтелого Гериона, были две головы и одно туловище, — к счастью, Геркулес его убил. У Дзяо Дзе все наоборот, и он еще ужасней: огромная голова соединяется с одним туловищем справа и другим слева. Обычно у него шесть ног, так как передняя пара служит обоим туловищам. Морда его может быть мордой дракона, тигра или человека; историки искусства называют ее «маской людоеда». Это настоящее чудовище, образ которого навеян скульпторам, гончарам, керамистам демоном симметрии. За тысячу четыреста лет до нашей эры, во времена династии Шан, он уже изображался на ритуальных бронзовых изделиях.

Дзяо Дзе означает «обжора», он воплощение пороков чревоугодия и скупости. Китайцы изображают его на блюдах, дабы предостеречь от снисходительности к себе.

Дожденосная птица

Когда требуется дождь, у китайских земледельцев, чтобы его вызвать, есть, кроме дракона, птица, называемая шань-янь. У нее всего одна лапа; в древние времена дети прыгали на одной ноге и, хмуря брови, повторяли: «Будет гром, будет дождь» и «Шань-янь опять пришел!». Легенда гласит, что эта птица выпивает своим клювом воду из рек, а потом изливает ее на жаждущие влаги поля.

Некий чародей когда-то приручил ее и носил на рукаве. Историки повествуют, что однажды она, подскакивая и хлопая крыльями, прохаживалась перед троном царя Чи. Сильно встревожившись, царь послал своего первого министра ко двору в удел Лу испросить совета у Конфуция. Мудрец предсказал, что шань-янь вызовет наводнение, которое затопит весь тот край и соседние области, ежели немедленно не будут сооружены плотины и каналы. Царь внял предупреждению мудреца, и в его владениях удалось избежать бесчисленных бедствий и разрушений.

Дракон восточный

Дракон обладает способностью принимать различные облики, самые невообразимые. Обычно его представляют с головой, напоминающей лошадиную, хвостом змеи, с крыльями (если таковые есть) по бокам и четырьмя лапами, каждая с четырьмя крючковатыми когтями. Говорят также о его девяти подобиях: рога его подобны оленьим, голова — голове верблюда, глаза — глазам демона, шея — шее змеи, брюхо — брюху моллюска, чешуя — чешуе рыбы, когти — когтям орла, лапы — лапам тигра и уши — ушам быка. У некоторых экземпляров нет ушей, и они слушают рогами. Дракона принято изображать с висящей на шее жемчужиной — эмблемой солнца. В этой жемчужине есть сила. Если жемчужину похитить, чудовище становится беспомощным.

История называет драконов родоначальниками первых императоров. Когти, зубы и слюна дракона наделены целебными свойствами. По своему желанию он может быть видим людям или же невидим. Весною он возносится на небо, осенью погружается в пучину морскую. У некото-

рых драконов нет крыльев, и они летают просто так. Наука различает разные виды драконов. Небесный дракон держит на своем хребте чертоги богов, не давая им упасть на землю и уничтожить города и людей; божественный дракон порождает на благо людям ветры и дожди; земной дракон направляет течение ручьев и рек; подземный дракон охраняет запретные для людей сокровища. Буддисты утверждают, что в их многочисленных концентрических морях драконов не меньше, чем рыб; где-то во Вселенной есть священное число, точно определяющее их количество. Китайцы верят в драконов больше, чем в другие божества, ибо сплошь да рядом видят их в меняющих форму облаках. Также Шекспир заметил: «Бывает иногда, что облако вдруг примет вид дракона…»[51]

Дракон повелевает горами, он причастен к геометрии, обитает вблизи могил, связан с культом Конфуция, он — Нептун, морское божество, но появляется и на суше. Цари морских драконов обитают в сверкающих подводных дворцах и питаются опалами и жемчугом. Таких царей пять: главный живет в середине, остальные четверо — в четырех сторонах света.

---

[51] Примечания: 51

«Антоний и Клеопатра», IV, 12. Перевод М. Донского.

Каждый имеет в длину три-четыре мили; стоит им пошевельнуться, начинают колебаться горы. Драконы покрыты бронею из желтой чешуи, и пасти у них обросшие бородою. Лапы и хвост косматые, лоб нависает над пылающими глазами, уши небольшие и толстые, пасть всегда раскрыта, язык длинный, зубы острые. От их дыхания свариваются и поджариваются целые косяки рыб. Когда морские драконы поднимаются на поверхность океана, они порождают водовороты и тайфуны; когда взлетают в воздух, вызывают бури, которые срывают крыши с домов в городах и вызывают наводнения. Цари драконов бессмертны и способны общаться между собою на любом расстоянии, не нуждаясь в словах. Каждый третий месяц года они представляют отчет верховным небесам.

Дракон западный

Огромная, громоздкая змея с когтистыми лапами и крыльями — вот, пожалуй, самое привычное описание дракона. Он бывает черный, но самое главное, что он также ослепительно блестящ и еще ему свойственно изрыгать пламя и дым. Вышеприведенное описание относится, конечно, к его нынешнему образу — греки, похоже, называли драконом всякое крупное пресмыкающееся. Плиний сообщает, что летом дракон охотно пьет слоновью кровь, потому что она холодная. Он внезапно нападает на слона и, обвившись вокруг него, вонзает в него клыки. Обескровленный слон падает на землю и умирает, также умирает и дракон, придавленный тяжестью своей жертвы. Еще мы читаем у Плиния, что эфиопские драконы в поисках лучших пастбищ регулярно переплывают Красное море, направляясь в Аравию. Для этого четыре-пять драконов, переплетаясь, образуют некое подобие плота, причем головы их торчат над водой. Еще одна глава у Плиния посвящена лекарствам, изготовляемым из органов дракона. Мы узнаем, что из его глаз, высушенных

и растолченных с медом, готовится мазь, помогающая от ночных кошмаров. Жир драконова сердца, обернутый в шкуру газели и привязанный к руке оленьими сухожилиями, приносит успех в тяжбе; зубы дракона, также привязанные к телу, обеспечивают благосклонность господ и милость царей. С долей скептицизма Плиний приводит рецепт снадобья, делающего человека непобедимым. Его изготовляют из шкуры льва, из львиного костного мозга, из пены коня, только что победившего в скачках, из когтей собаки и из хвоста и головы дракона.

В одиннадцатой песни «Илиады» мы читаем, что на щите Агамемнона был изображен синий трехглавый дракон; через много веков скандинавские пираты рисовали драконов на своих щитах и помещали резные изображения драконовых голов на носах своих длинных судов. У римлян дракон был знаком когорты, как орел — знаком легиона; отсюда происходят современные драгуны. На штандартах саксонских королей Англии были изображения драконов — дабы вселить ужас в войско неприятеля. В балладе о битве при Ати читаем:

Ce soulaient Remains portet

Ce nous fait moult à redouter.

(Их римляне несли перед собой,
От страха мы и проиграли бой.)

На Западе дракона всегда представляли злобным. Одним из классических подвигов героев Геркулеса, Сигурда, св. Михаила, св. Георгия были победа над драконом и его убиение. В германских мифах дракон охраняет драгоценные предметы. Так, в «Беовульфе», написанном в Англии в седьмом или восьмом веке, дракон стоит на страже сокровища три сотни лет. Сбежавший раб прячется в его пещере и крадет кубок. Пробудившись, дракон замечает кражу и решает убить вора, но время от времени возвращается в пещеру проверить — не поставил ли он сам кубок не на то место. (Удивительно, что поэт приписывает чудовищу чисто человеческую неуверенность.) Затем дракон начинает разорять королевство, Беовульф его отыскивает и, сразившись с ним, убивает его, вскоре после чего сам умирает от смертельной раны, нанесенной клыками дракона.

Люди верили в реальность дракона. В середине шестнадцатого века дракон упоминается

в «Historia Animalium»[52] Конрада Геснера[53], труде вполне научном.

Время сильно подорвало престиж дракона. Лев для нас — это и реальность, и символ, но минотавр — всего лишь символ, никак не реальность. Дракон, вероятно, самое известное, но также самое незадачливое из фантастических животных. Он кажется нам чем-то ребяческим и нередко портит истории, в которых появляется. Стоит, однако, вспомнить, что тут мы имеем дело с современным предрассудком, возникшим, вероятно, из-за избытка драконов в сказках. Св. Иоанн в «Откровении» дважды упоминает дракона: «Древний змий, называемый диаволом и сатаною…» Св. Августин в том же духе пишет, что дьявол — «это лев и дракон: лев по своей ярости, дракон по своему коварству». Юнг замечает, что в драконе сочетаются пресмыкающееся и птица — стихии земли и воздуха.

---

[52] Примечания: 52
«История животных» *(лат.).*

[53] Примечания: 53
Конрад Геснер (1519–1565) — швейцарский натуралист.

Дракон китайский

Китайская космогония гласит, что все Десять Тысяч Существ, или архетипов (весь мир), рождаются от ритмичного сочетания двух взаимодополняющих вечных начал — Инь и Ян. Инь соответствуют сосредоточенность, мрак, пассивность, четные числа и холод; Ян — рост, свет, активность, нечетные числа и тепло. Символы Инь — женщина, земля, оранжевый свет, долины, русла рек и тигр; символы Ян — мужчина, небо, синий цвет, горы, столбы, дракон.

Китайский дракон лунь — одно из четырех волшебных животных. (Остальные — единорог, феникс и черепаха.) Западный дракон в лучшем случае вселяет ужас, в худшем — вызывает смех. Однако лунь китайских мифов наделен божественным достоинством и подобен ангелу, который вместе с тем лев. В «Исторических хрониках» Сыма Цяня мы читаем, что Конфуций однажды пришел за советом к архивариусу, или библиотекарю, Лао-цзы и после встречи с ним сказал:

«Птицы летают, рыбы плавают, животные бега-

ют. Бегущее животное можно поймать в западню, плавающее — в сеть, а летящее — настигнуть стрелой. Но как быть с драконом! Я не знаю, как он мчится верхом на ветре и как взмывает в небо. Нынче я видел Лао-цзы и могу сказать, что видел дракона».

Некогда дракон, или лошадь-дракон, вышел из Желтой реки, дабы показать императору знаменитый чертеж круга, в котором отражена взаимосвязь Ян и Инь. У одного царя были в конюшне драконы для верховой езды и драконы для упряжек; другой император питался драконами, и царство его благоденствовало. Знаменитый поэт, желая обрисовать опасность высокого положения, писал: «Удел единорога — стать ветчиной; дракона — стать мясным пирогом».

В «Ицзин» («Книге перемен») дракон обозначает мудреца. На протяжении веков он был символом императора. Трон императора именовался Троном Дракона, лицо императора — Ликом Дракона. Когда надо было оповестить о кончине императора, говорили, что он вознесся в небеса верхом на драконе.

Народное воображение связывает дракона с облаками, с желанным для земледельца дождем и с большими реками. «Земля соединяется с дра-

коном» — так обычно говорят о дожде. В шестом веке Чжань Цыньюй изобразил в настенной росписи четырех драконов. Зрители стали его осуждать за то, что он сделал их безглазыми. Чжань, осерчав, взялся снова за кисть и дорисовал две из этих извивающихся фигур. И тогда «грянули громы и молнии, стена треснула, и драконы унеслись на небо. Но другие два дракона, безглазые, остались на месте».

У китайского дракона есть рога, когти и чешуя, а на хребте — ряд острых зубцов. Обычно его изображают с жемчужиной, которую он либо глотает, либо выплевывает. В этой жемчужине его сила, и, если ее отнять, он безвреден.

Чжуан-цзы повествует о человеке, который за три года упорного труда овладел искусством убивать драконов, но во всю оставшуюся жизнь не имел ни одного случая применить свое искусство на практике.

Единорог

Первое описание единорога почти полностью совпадает с последним. За четыреста лет до нашей эры греческий историк и врач Ктесий[54] сообщал, что в царствах Индостана водятся весьма быстроногие дикие ослы с белой шерстью, пурпурно-красной головой, голубыми глазами и острым рогом на лбу, у основания белым, на конце красным, а посредине черным. Плиний пишет более подробно (VIII, 21):

«Самый свирепый и яростный зверь из всех — это единорог, или „моноцерос“; туловищем он схож с лошадью, головою с оленем, ноги как у слона, а хвост кабаний, ржет он отвратительным голосом, посреди лба торчит черный рог длиною в два локтя; говорят, что этого дикого зверя невозможно поймать живьем».

В 1898 году ориенталист Шрадер[55] предположил, что образ единорога мог быть подсказан

---

[54] Примечания: 54

Ктесий Книдский (ок. 400 до н. э.) — придворный врачеватель царя Артаксеркса II, автор фантастической истории Востока «Персика».

[55] Примечания: 55

Отто Шрадер (1855–1919) — немецкий историк культуры и религии индогерманских народов.

грекам некоторыми персидскими барельефами, изображающими быка в профиль с одним рогом.

В «Этимологиях» Исидора Севильского, составленных в начале седьмого века, можно прочитать, что единорог одним ударом своего рога убивает слона; быть может, это отголосок описанной во втором путешествии Синдбада победы «каркадана», или носорога, «который способен своим рогом поднять слона». (Также мы читаем здесь, что «рог носорога, расщепленный пополам, подобен человеческой фигуре»; Казвини говорит, что получается подобие человека верхом на коне, иные называют птиц и рыб.) Другой противник единорога — лев, и одна строфа запутанной аллегорической поэмы «Королева фей» изображает их поединок следующим образом:

Как мощный лев, чьей царственной державе

Единорог мятежно вызов шлет,

И лев тогда при встрече их в дубраве,

К стволу прижавшись, нападенья ждет;

Враг мчится вскачь, сейчас его проткнет,

Но лев отпрянул вбок, и рог в стволе

застрянет.

Враг в западне, теперь он не уйдет,

Бесценный рог добычей славной станет,

И победителя обильный ужин манит.

Эти стихи (книга II, песнь V, строфа X) написаны в шестнадцатом веке; в начале восемнадцатого века при объединении Английского королевства с Шотландским в гербе Великобритании соединились английский леопард и шотландский единорог.

Средневековые бестиарии утверждали, что поймать единорога может девица; в греческом «Physiologus»[56] мы читаем: «Как его ловят. Ставят перед ним девицу, и он прыгает на лоно девицы, и она согревает его своей лаской и уносит в королевский дворец». Этот триумф чистоты представлен на медали Пизанелло и на многих знаменитых гобеленах; аллегорические толкования придумать тут нетрудно. Леонардо

---

[56] Примечания: 56

«Физиолог» *(греч.). «Физиолог»* (II–III вв.) — анонимный сборник сведений Древнего мира о природе и животных, аллегорически истолкованных в христианском духе. Сложился на греческом языке в нескольких редакциях, предположительно в Александрии, переведен на многие языки, став одной из популярнейших книг средневековой Европы.

да Винчи объясняет такой способ поимки единорога его сладострастием, которое заставляет его забыть о свирепости, — он ложится на лоно девицы, тогда-то охотники и ловят его. Святой Дух, Иисус Христос, ртуть и зло — ко всем им как символ применялся единорог. В «Psychologie und Alchemie»[57] (1944) Юнг излагает историю и анализ этих символов.

Белая лошадка с передними ногами антилопы, козлиной бородой и длинным, торчащим на лбу винтообразным рогом — таково обычное изображение этого фантастического животного.

[57] Примечания: 57
«Психология и алхимия» *(нем.).*

Единорог китайский

Китайский единорог, ки-лин, — одно из четырех сулящих благо животных: прочие — это дракон, феникс и черепаха. Единорог — главное из 360 существ, живущих на суше. Туловище у него оленье, хвост бычий, копыта лошадиные. Его короткий рог, растущий на лбу, сплошь из мяса; шерсть на спине пяти разных цветов, а брюхо бурое или желтое. Он так деликатен, что при ходьбе старается не наступить даже на самую крохотную живую тварь и траву ест только засохшую. Его появление предвещает рождение справедливого правителя. Ранить китайского единорога или переступить через его мертвое тело — приносит несчастье. Продолжительность жизни этого животного — тысяча лет.

Когда мать Конфуция носила его в своем чреве, духи пяти планет принесли ей животное, «похожее туловищем на корову, с чешуею дракона и рогом на лбу». Так рисует Сутхилл[58] благовещение; вариант его, приведенный Вильгельмом, гласит, что животное это появилось само и вы-

---

[58] Примечания: 58

Уильям Эдвард Сутхилл (1861–1935) — английский китаист.

плюнуло агатовую табличку, на которой были начертаны следующие слова:

«Сын горного хрусталя (или сущности воды), когда царская династия падет, ты будешь править как царь без трона».

Семьдесят лет спустя охотники убили ки-лина, у которого на роге еще сохранился клочок ленты, повязанный матерью Конфуция. Конфуций пришел посмотреть на единорога и заплакал, ибо почувствовал, чему служит предвестьем гибель этого невинного, таинственного животного, и еще потому, что в этой ленте таилось его прошлое.

В тринадцатом веке разведывательная экспедиция императора Чингисхана, готовившего вторжение в Индию, встретила в пустыне существо, «подобное оленю, с головой лошади, с одним рогом на лбу и зеленой шерстью», которое, обратившись к ним, сказало: «Пора вашему господину возвращаться на родину». Один из министров Чингисхана, посоветовавшись с мудрецами, объяснил императору, что это был чио-туан, разновидность ки-лина. «Четыре года великая армия сражалась в западных краях, — сказал министр. — Небеса, коим противно кровопролитие, посылают тебе предупреждение через

чио-туана. Ради всех богов, убереги империю от крови; умеренность принесет безграничную радость». Император отказался от своих военных замыслов.

За двадцать два века до нашей эры один из судей императора Шуна владел «однорогим козлом», который отказывался нападать на ложно обвиненного и бодал виновного.

Маргулье в «Anthologie raisonnée de la littérature chinoise»[59] (1948) излагает загадочную, сладкоречивую аллегорию, произведение прозаика девятнадцатого века:

«Обычно считают, что единорог — это сверхъестественное существо и предвестник добра; так говорят оды, анналы, биографии добродетельных людей и другие тексты, авторитет которых бесспорен. Даже деревенские женщины и дети знают, что единорог предвещает счастье. Животное это, однако, не водится на крестьянских дворах, встретить его нелегко, и оно не поддается зоологической классификации. Оно не похоже ни на лошадь, ни на быка, ни на волка, ни на оленя. Можно лицом к лицу столкнуться с единорогом и не быть уверенным, что это именно он. Мы знаем,

---

[59] Примечания: 59

«Комментированная антология китайской литературы» *(фр.).*

что животное с гривой — это лошадь, а животное с рогами — бык. Но каков из себя единорог, нам неизвестно».

Животное, придуманное Кафкой

У этого животного большущий хвост во много ярдов длиною, похожий на хвост лисицы. Как мне хочется иногда схватить его руками, но это невозможно — животное непрестанно двигается, виляет хвостом туда-сюда. Само оно похоже на кенгуру, однако не мордочка — она плоская, почти как человеческое лицо, небольшая и овальная; только зубы очень выразительны, и тогда, когда скрыты, и когда обнажены. Временами у меня такое ощущение, будто это животное пытается меня приручить. Иначе чего ради оно убирает свой хвост, когда я хочу его схватить, а потом спокойно ждет новой моей попытки, чтобы опять увильнуть?

Франц Кафка

Животное, придуманное К. С. Льюисом

[60]

Пенье стало очень громким, а заросли очень густыми, так что он не мог ничего разглядеть на расстоянии одного ярда, и вдруг мелодия оборвалась. Послышался шелест листьев и треск ломающихся веток — тогда он поспешил в том направлении, но ничего не обнаружил. Он уже готов был отказаться от поисков, когда пенье раздалось чуть подальше. Он снова устремился на голос, и снова поющее существо умолкло и отдалилось от него. Так они играли в прятки около часа, пока его поиски не увенчались успехом.

Тихонько продвинувшись во время одного из самых громких пассажей, он наконец увидел в просветах между цветущими ветвями нечто черное. Останавливаясь, когда пенье прекращалось, и очень осторожно продвигаясь вперед, когда оно возобновлялось, он подкрадывался минут десять. Наконец это существо было перед ним полно-

---

[60] Примечания: 60

Клайв Степлз Льюис (1898–1963) — английский мыслитель и писатель, католический моралист.

стью, оно пело, не ведая, что за ним наблюдают. Покрытое черной гладкой блестящей шерстью, оно сидело как собака, но его плечи были гораздо выше головы Рэнсома, а передние ноги, на которые оно опиралось, походили на молодые деревья и заканчивались мягкими лапами, вроде как у верблюда. Огромное округлое брюхо было белое, и высоко над плечами поднималась шея, напоминавшая лошадиную. Голову его Рэнсом с того места, где стоял, видел в профиль — из широко раскрытой пасти лилась песнь радости, густо уснащенная трелями, казалось, прямо видишь, как вибрирует его лоснящееся горло. Рэнсом с изумлением смотрел на большие влажные глаза и трепещущие, чувствительные ноздри. Но вот существо это умолкло, заметило пришельца и, попятившись, стало на все четыре ноги в нескольких шагах от прежнего места; оказавшись ростом с молодого слона, оно непрерывно виляло длинным пушистым хвостом. Это было первое существо в Переландре, которое как будто боялось человека. Однако то была не боязнь. Когда Рэнсом его подозвал, оно подошло ближе, ткнулось своим плюшевым носом в его ладонь и с минуту терпело его прикосновение, затем внезапно отпрянуло назад и, изогнув длинную

шею, спрятало голову меж лапами. Рэнсом понял, что больше ничего от него не добьется, и, когда это существо пошло прочь и исчезло из виду, не стал его преследовать. Рэнсому казалось, что это было бы оскорблением для фавноподобной боязливости и уступчивой мягкости его повадки, очевидного желания быть вовек звуком, и только звуком, в густейшей чаще нехоженого леса. Рэнсом продолжил свой путь, через несколько секунд пенье раздалось за его спиною, еще более громкое и мелодичное, чем прежде, словно ликующий гимн вновь обретенного уединения.

У животных этой породы не бывает молока (так сказал Переландра), и их детенышей выкармливает самка другого животного. Она крупная, очень красивая и лишена голоса; пока детеныш поющего животного сосет ее молоко, он живет вместе с ее детенышами и привязан к ней. Но когда подрастет, то становится самым чувствительным и великолепным из всех диких животных и уходит от нее. И она восхищается его пеньем.

К. С. Льюис.
Переландра

Животное, придуманное Эдгаром По

В своей «Повести об Артуре Гордоне Пиме из Нантакета», опубликованной в 1838 году, Эдгар Аллан По населяет некие антарктические острова поразительной, но правдоподобной фауной. В главе XVIII мы читаем:

«Мы также сорвали с куста ветку, усыпанную красными ягодами, похожими на боярышник, и нашли труп необычно выглядевшего сухопутного животного. Длиною в три фута, но всего шести дюймов в высоту, с четырьмя очень короткими ногами, на концах которых были блестящие алые когти, как бы из коралла. Туловище покрывала прямая, шелковистая, совершенно белая шерсть. Хвост остроконечный, как у крысы, длиною фута полтора. Голова напоминала кошачью, если не считать ушей, — они были отвислые, как у собаки. Зубы были такие же блестящие и алые, как когти».

Не менее примечательна была и вода, обнаруженная в этих южных краях. Ближе к концу той же главы По пишет:

«Заметив необычность этой воды, мы не пожелали ее пробовать, предполагая, что она чем-то загрязнена… Мне трудно описать точно характер этой жидкости, и я не смогу этого сделать в немногих словах. Хотя она, как обычная вода, быстро текла по всем наклонным поверхностям, в ней, кроме тех случаев, когда она образовывала водопад, не наблюдалось свойственной воде прозрачности. И несмотря на это, она была по существу столь же безупречно прозрачна, как любая текущая по известняку вода, различие было только в ее виде. На первый взгляд, особенно при небольшом уклоне почвы, она в том, что касается консистенции, походила на густо разведенный в обычной воде гуммиарабик. Но это было лишь наименее примечательное из ее свойств. Она была не бесцветной, но также не имела какого-либо одного цвета, являя взору в своем течении всевозможные оттенки пурпурного, словно бы переливчатого шелка… Наполнив ею сосуд и дав отстояться осадку, мы увидели, что эта жидкость сплошь состоит из бесчисленных кровеносных сосудов, и каждый из них другого оттенка; что эти сосуды не смешиваются и что плотность их стенок и их прочность безупречны, но соединение с соседними сосудами довольно

рыхлое. Когда лезвием ножа рассекали эти жилы поперек, вода моментально смыкалась, как бывает с нашей водой, и, когда нож вынимали, след от него также мгновенно исчезал. Однако если лезвием аккуратно проводили вдоль между двух сосудов, они очень четко отделялись, и след этот затягивался не так быстро».

Животные шарообразные

Шар — наиболее правильная форма твердых тел, ибо любая точка на его поверхности равноудалена от его центра. По этой причине и благодаря его способности вращаться вокруг оси, не сдвигаясь с места, Платон («Тимей», 33) одобряет решение Демиурга, придавшего нашей земле сферическую форму. Платон считал нашу землю живым существом и в своих «Законах» (898) утверждал, что планеты и звезды тоже живые. Таким образом, он обогатил фантастическую зоологию огромными шароподобными животными и подверг осуждению тупоумных астрономов, которые неспособны понять, что круговое движение небесных тел совершается по их же воле.

Через пять столетий с лишком в Александрии Ориген, один из Отцов Церкви, учил, что праведники воскреснут в виде шаров и покатятся на небеса.

В эпоху Ренессанса представление о небе как о живом существе появилось вновь у Лючилио Ванини; неоплатоник Марсилио Фичино говорил о волосах, зубах и костях Земли, а Джордано

Бруно чувствовал, что планеты — это огромные спокойные животные, теплокровные, с постоянными привычками и наделенные разумом. В начале семнадцатого века немецкий астроном Иоганн Кеплер спорил с английским мистиком Робертом Фладдом, кто первый подал идею о Земле как о живом чудовище, «чье дыхание, подобно китовому, соответствующее его сну и бодрствованию, является причиной морских приливов и отливов». Кеплер усердно изучал анатомию этого чудовища, его питание, окраску, память и способность воображать и создавать формы.

В девятнадцатом веке немецкий психолог Густав Теодор Фехнер (которого восхвалял Уильям Джеймс в «Плюралистической вселенной») с детской наивностью разрабатывал вышеизложенные идеи. Каждый, кто не пренебрегал гипотезой, что Земля, наша мать, — это организм, причем организм высшего порядка сравнительно с растениями, животными и людьми, может ознакомиться с благочестивыми страницами «Зенд-Авесты». Там мы, например, читаем, что шарообразная форма Земли — это форма глаза, благороднейшего органа нашего тела. И еще, что «если небо действительно дом ангелов, то ангелы, несомненно, суть звезды, ибо в небе нет

иных обитателей».

Зеркальные существа

В одном из томов «Поучительных и любопытных писем», появившихся в Париже в первую половину восемнадцатого века, отец Фонтеккио[61] из Общества Иисусова набросал план обзора заблуждений и суеверий простонародья в Кантоне; в этом предваряющем очерке он записал, что Рыба — ускользающее и сверкающее существо, которое никому не удалось поймать, но которое многие, по их словам, видели в глубине зеркал. Отец Фонтеккио умер в 1736 году, и начатый им труд остался незавершенным; примерно через полтораста лет Герберт Аллен Джайлс продолжил прерванную работу. Согласно Джайлсу, вера в Рыбу является частью более обширного мифа, относящегося к легендарной эпохе Желтого Императора.

В те времена, в отличие от нынешнего времени, мир зеркал и мир людей не были разобщены. Кроме того, они сильно отличались, не совпадали ни их обитатели, ни их цвета, ни их формы. Оба царства, зеркальное и человеческое, жили

---

[61] Примечания: 61

Фонтеккио (ум. 1736) — французский иезуит, миссионер в Китае.

мирно, сквозь зеркала можно было входить и выходить. Однажды ночью зеркальный народ заполнил землю. Силы его были велики, однако после кровавых сражений победу одержали волшебные чары Желтого Императора. Он прогнал захватчиков, заточил их в зеркала и наказал им повторять, как бы в некоем сне, все действия людей. Он лишил их силы и собственного облика и низвел до простого рабского отражения, но придет время, и они пробудятся от колдовского заклятия.

Первой проснется Рыба. В глубине зеркала мы заметим тонкую полоску, и цвет этой полоски будет не похож ни на какой иной цвет. Затем, одна за другой, пробудятся все остальные формы. Постепенно они станут отличными от нас, перестанут нам подражать. Они разобьют стеклянные и металлические преграды, и на сей раз их не удастся победить. Бок о бок с зеркальными тварями будут сражаться водяные.

В Юньнане рассказывают не о Рыбе, а о Зеркальном Тигре. Кое-кто утверждает, что перед нашествием мы услышим из глубины зеркал бряцание оружия.

Змий осьмиглавый

Осьмиглавый Змий из Коши заметно выделяется в японской мистической космогонии. Был он с восемью головами и восемью хвостами, глаза темно-красные, как зимняя вишня, на хребте у него росли сосны и мох, и на каждой его голове высились ели. Когда он полз, то накрывал своим телом восемь долин и гор, и брюхо его всегда было обагрено кровью. За семь лет это чудовище сожрало семерых девиц, дочерей царя, и на восьмой год уже собиралось сожрать самую младшую дочь, которую звали Гребень Рисового Поля. Ее спас бог, носивший имя Смелый Быстрый Неудержимый Муж. Этот герой соорудил круглую деревянную загородку с восемью воротами и восемью помостами, по одному у каждых ворот. На помосты он поставил бочки с рисовым пивом. Осьмиглавый Змий приполз и, погрузив головы в эти бочки, с жадностью выхлебал все пиво и вскоре уснул. Тогда Смелый Быстрый Неудержимый Муж отсек его головы. Из восьми шей хлынули потоки крови. В хвосте Змия был найден меч, которому поныне поклоняются в Великом

Святилище Атсуты. Эти события происходили на горе, которая прежде называлась Змеиной Горой, а теперь называется Горой Восьми Облаков. В Японии число восемь — магическое, оно означает «много», так же как «сорок» («Когда сорок зим осадят твое чело») в елизаветинской Англии. Японские денежные купюры и поныне напоминают об убийстве Змия.

Излишне говорить, что спаситель царевны женился на спасенной, как в эллинском мифе Персей женился на Андромеде.

Пост Уилер[62] в английском изложении древних японских космогонии и теогонии («Священные Писания японцев») вспоминает также аналогичную легенду о гидре в греческих мифах, о Фафнире в германских и о египетской богине Хатор, которую некий бог напоил допьяна кроваво-красным пивом[63], дабы спасти человечество от уничтожения.

---

[62] Примечания: 62

Пост Уилер (1889–1958) — американский японист, переводчик мифологических текстов.

[63] Примечания: 63

...некий бог напоил... пивом... — Имеется в виду бог Ра, отец Хатор; с тех пор красное пиво — ритуальный напиток богини, который ей подносят в ее праздник.

Ихтиокентавр

Ликофрон, Клавдиан[64] и византийский грамматик Иоанн Цец[65] упоминали ихтиокентавра, другие древние авторы о нем не говорят. Слово «ихтиокентавр» можно перевести как «рыба-кентавр». Так называли существ, которые у мифологов именовались также «тритон-кентавр». В греческой и римской скульптуре очень много их изображений. До пояса они — люди, но хвост у них дельфиний и передние ноги коня или льва. Они находятся в свите морских богов вместе с морскими коньками.

---

[64] Примечания: 64

Клавдий Клавдиан (ок. 375–?) — латинский поэт, автор мифопоэмы «Похищение Прозерпины» и др.

[65] Примечания: 65

Иоанн Цец (1110–1180) — византийский филолог, дидактический поэт.

Ками

В одном пассаже у Сенеки[66] сказано, что, по учению Фалеса Милетского, земной шар плавает в воде, подобно кораблю, и что, когда воду эту будоражит и волнует буря, происходят землетрясения. Японские историки и мифологи восемнадцатого века предлагают совершенно иную сейсмологическую теорию. В «Священных Писаниях» мы читаем следующее:

«Под плодородной землей Тростниковых Долин лежит Ками, имеющий облик рыбы-усача; когда он двигался, начинались землетрясения, пока Великий Бог Оленьего Острова не воткнул свой меч глубоко в землю и не пронзил голову Ками. С тех пор, если злобный Ками шевелится, Бог протягивает руку и нажимает на меч, пока Ками не угомонится».

Рукоять этого меча, высеченная из гранита, торчит фута на три над землею недалеко от святилища в Кашиме. В семнадцатом веке некий феодал шесть дней копал там землю и все же не

---

[66] Примечания: 66

В одном пассаже у Сенеки... — «Естественнонаучные вопросы» (III, 13; VI, 6).

добрался до острия клинка.

По народным поверьям Джиншин-Уво, или Рыба Землетрясений, — это угорь длиною семьсот миль, который держит на своем хребте Японию. Он лежит, вытянувшись с севера до юга, голова его возле Киото, а хвост возле Ауомори. Некоторые логически мыслящие ученые отстаивали обратную позицию, так как на юге Японии землетрясения более часты и это легче объяснить движениями хвоста угря. Животное это в какой-то мере сопоставимо с Багамутом мусульманских преданий и с Мидгардсормром «Эдды».

В некоторых регионах Рыбу Землетрясений заменяет — с сомнительным успехом — Жук Землетрясений, Джиншин-Миши. У него голова дракона, десять паучьих ног и чешуйчатое туловище. Его местопребывание не вода, а земля.

Карбункул

В минералогии карбункул (от латинского «carbunculus» — «уголек») — это рубин; что ж до карбункула у древних, то, по предположениям, так называли гранат.

В шестнадцатом веке в Южной Америке это название было дано испанскими конкистадорами таинственному животному — таинственному, так как никто никогда не разглядел его настолько, чтобы понять, птица это или млекопитающее, покрыто оно перьями или же мехом. Поэт-священник Барко Сентенера[67], утверждающий, будто видел его в Парагвае, описывает его в своей поэме «Аргентина» (1602) как «небольшого зверька с блестящим зеркальцем на голове, похожим на пылающий уголь…» Другой конкистадор, Гонсало Фернандес де Овьедо[68], связывает зеркало или сияющий в темноте свет — и то и другое он

[67] Примечания: 67

Мартин дель Барко Сентенера (1535? — после 1601) — испанский священник и поэт, давший название Аргентине в одноименной описательной поэме (1602).

[68] Примечания: 68

Гонсало Фернандес де Овьедо (1478–1557) — испанский государственный деятель и писатель, хронист завоевания Америки.

видел в Магеллановом проливе — с драгоценными камнями, которые, по поверьям, драконы прячут в своей голове. Эти сведения он почерпнул у Исидора Севильского, писавшего в своих «Этимологиях» следующее:

«Его добывают из головы дракона, однако он твердеет, становясь драгоценным камнем лишь тогда, когда голова отсечена у живого чудовища; по сей причине колдуны отрубают голову у дракона спящего. Храбрецы, желающие проникнуть в логово дракона, берут с собою зерна, которые нагоняют на этих чудищ сон, и, когда драконы уснут, отсекают им головы и вынимают самоцветы».

Здесь можно вспомнить шекспировскую жабу («Как вам это понравится», II, 1), которая хотя «уродлива и ядовита, но ценный камень в голове таит…»

Обладание карбункулом приносит богатство и счастье. Барко Сентенера претерпел множество лишений, отыскивая на берегах парагвайских рек и в тамошних джунглях это неуловимое существо, однако так и не нашел его. До нынешних дней об этом звере с его таинственным камнем в голове нам больше ничего не известно.

Катоблепас

Плиний (VIII, 21) сообщает, что где-то у границ Эфиопии, близ верховьев Нила, живет «дикий зверь, называемый „катоблепас“, небольшого размера, неуклюжий и медлительный во всех своих движениях, только голова у него так велика, что он с трудом ее носит и всегда ходит, опустив ее к земле, а ежели бы он так не делал, то мог бы изничтожить весь род человеческий, ибо всякий, кто глядит ему в глаза, тотчас погибает».

По-гречески «катоблепас» означает «смотрящий вниз». Французский естествоиспытатель Кювье предполагал, что образ катоблепаса возник у древних под влиянием гну (с примесью василиска и горгоны). В конце «Искушения святого Антония» Флобер описывает его и приводит его монолог:

«…Черный буйвол с головой кабана, которая волочится по земле, и тонкой шеей, длинной и дряблой, как порожняя кишка, лежит на брюхе. Его ноги закрыты длинной жесткой гривой, скрывающей также морду.

— Тучный, унылый, медлительный, я ничего

не делаю, лишь наслаждаюсь, ощущая под своим брюхом теплую грязь. Голова моя так тяжела, что я не в силах ее поднять. Я лишь медленно ею ворочаю и, с трудом разжимая челюсти, языком вырываю из земли ядовитые травы, увлажненные моим дыханием. Однажды, сам того не заметив, я сожрал свои передние лапы.

Никто никогда не видел моих глаз, Антоний, вернее, те, кто их видел, умерли. Если бы я поднял свои багровые пухлые веки — ты тотчас упал бы замертво».

Кентавр

Кентавр — самое гармоничное создание фантастической зоологии. «Двуформным» назван он в Овидиевых «Метаморфозах»[69], однако нам нетрудно забыть о его гетерогенной природе и думать, что в Платоновом мире идей, наряду с архетипом лошади или человека, есть архетип кентавра. Открытие этого архетипа потребовало многих веков; первобытные, архаические изображения представляют нам голого человека, к пояснице которого прикреплен конский круп. На западном фронтоне храма Зевса в Олимпии у кентавров уже конские ноги, а там, где должна начинаться шея коня, высится человеческий торс.

Кентавров породили фессалийский царь Иксион и облако, которому Зевс придал облик Геры (или Юноны); другая версия легенды гласит, что они отпрыски Кентавра, сына Аполлона и Стильбии; третья — что они были плодом союза Кентавра с кобылами Магнесии. (Есть предпо-

---

[69] Примечания: 69

«Двуформным» назван он в Овидиевых «Метаморфозах»... — «Метаморфозы», II, 665.

ложение, что слово «кентавр» происходит от «гандхарва»; в ведической мифологии гандхарвы — младшие боги, правящие лошадьми солнца.) Так как искусство верховой езды грекам гомеровской эпохи было неизвестно, предполагается, что первый скифский всадник, которого они увидели, показался им чем-то единым с его конем; в доказательство приводят то, что конкистадоры-кавалеристы казались индейцам кентаврами. Цитируемый Прескоттом[70] текст гласит:

«Один из тех всадников упал с лошади, и индейцы, увидев, что животное, которое они мнили единым, разделилось на две части, исполнились такого страха, что повернули вспять и побежали с воплями к своим, крича, что из одного животного стало двое, и ужасаясь этому; в чем мы можем усмотреть непостижимое чудо Господне, ибо, не будь того случая, они могли бы перебить всех христиан».

Но грекам, в отличие от индейцев, лошадь была известна; более правдоподобно предположение, что кентавр — это нарочито созданный образ, а не плод ошибки по незнанию.

Самая популярная из легенд о кентаврах та,

---

[70] Примечания: 70

Уильям Хиклинг Прескотт (1796–1859) — американский историк Испании и Латинской Америки.

где повествуется о их битве с пригласившими их на свадьбу лапифами. Для кентавров вино было в новинку — на пиру захмелевший кентавр оскорбил невесту и, опрокидывая столы, затеял знаменитую «кентавромахию», которую Фидий, или его ученик, изобразил в Парфеноне, Овидий воспел в книге XII «Метаморфоз» и которая вдохновила Рубенса. Побежденные лапифами, кентавры вынуждены были бежать из Фессалии. В другом сражении Геркулес своими стрелами почти уничтожил род кентавров.

Кентавр — воплощение сельской дикости и гневливости, но «справедливейший из кентавров» Хирон («Илиада», XI, 832) был наставником Ахиллеса и Эскулапа, которых обучил искусствам музыки, охоты, ратному делу, а также медицине и хирургии. Запоминается образ Хирона в песни XII «Ада», которую принято называть «Песнью кентавра». На сей предмет есть тонкие наблюдения Момильяно[71] в его издании «Комедии» 1945 года, которые могут заинтересовать любознательных читателей.

Плиний (VII, 3) говорит, что видел гиппокен-

---

[71] Примечания: 71

Аттилио Момильяно (1883–1952) — историк итальянской литературы. Его книгу о «Неистовом Роланде» Борхес включил в свою «Личную библиотеку».

тавра, набальзамированного и сохранявшегося в меду, присланного в Рим из Египта в дар императору Клавдию.

В «Ужине семи мудрецов» Плутарх юмористически сообщает, что один из пастухов коринфского тирана Периандра принес своему господину в кожаной сумке новорожденного детеныша кобылы, у которого были лицо, голова и руки человеческие, а все прочее — лошадиное. Плакал он, как ребенок, и все решили, что это было зловещее знамение. Мудрец Фалес, осмотрев его, рассмеялся и сказал Периандру, что и впрямь не может одобрить поведение его пастухов.

В книге V своей поэмы «De rerum naturae»[72] Лукреций утверждает, что существование кентавров невозможно, ибо лошади достигают зрелости раньше, чем люди, и кентавр в три года был бы взрослым конем и вместе с тем лепечущим младенцем. Такой конь умер бы на пятьдесят лет раньше, чем человек.

---

[72] Примечания: 72
«О природе вещей» *(лат.)*.

Косматый зверь из Ла-Ферте-Бернар

В Средние века на берегах Гюини, в остальном тихой речки, бродил зверь, которого прозвали Косматым (La veleu). Существо это каким-то образом спаслось от потопа, хотя в ковчег его не взяли. Величиною с быка, голова змеиная, округлое туловище, поросшее длинной зеленой шерстью и иглами, укол которых был смертелен. Лапы широченные, похожие на черепашьи, змееподобный хвост, которым оно убивало и людей, и животных. Разозлившись, оно изрыгало огонь, уничтожавший колосья на полях. По ночам грабило хлева. Когда же крестьяне пытались за ним поохотиться, оно погружалось в воды Гюини, отчего речка разливалась и затопляла долину на много миль.

Косматый зверь был лаком до невинных существ и пожирал девушек и детей. Обычно он выбирал самую целомудренную из девиц, которую прозывали Ягницей (L'agnelle). И вот однажды он похитил такую Ягницу и утащил ее, истерзанную и окровавленную, в свое логовище.

Жених девушки выследил чудовище и мечом пронзил Косматому хвост, единственное его уязвимое место. Зверь мгновенно издох. Из него сделали чучело, и гибель его отпраздновали с флейтами, барабанами и веселыми плясками.

Кракен

Кракен — это скандинавский вариант Саратана и арабского дракона, или морского змея.

В 1752–1754 годах датчанин Эрик Понтоппидан[73], епископ Бергена, издал «Естественную историю Норвегии», труд, прославленный своим добродушием и легковерием. Там мы читаем, что спина у Кракена шириною в полторы мили, а его щупальца способны охватить самый большой корабль. Огромная эта спина выступает из моря подобно острову. Епископ формулирует правило: «Плавающие острова — это всегда Кракены». Он пишет также, что у Кракена есть привычка затемнять морскую воду извержением некоей жидкости. Такое утверждение породило гипотезу, что Кракен — это осьминог, только увеличенный.

Среди юношеских произведений Теннисона мы находим стихотворение, посвященное этому примечательному существу.

КРАКЕН

---

[73] Примечания: 73

Эрик Понтоппидан (1698–1764) — датский религиозный и церковный деятель, составитель «Атласа Дании» (1763–1764).

Спокон веков в пучине океана
Громада Кракен беспробудно спит,
Он слеп и глух, по туше великана
Лишь временами бледный луч скользит.
Над ним колышутся гиганты губки,
И из глубинных, темных нор
Полипов несчислимых хор
Протягивает щупальца, как руки.
Тысячелетья Кракен там почиет,
Так было и так будет впредь,
Пока последний огнь прожжет пучину
И жаром опалит живую твердь.
Тогда он ото сна воспрянет,
Пред ангелами и людьми предстанет
И, с воем всплывши, встретит смерть.

Крокотта и Левкрокотта

Ктесий, врач Артаксеркса Мнемона, в четвертом веке до нашей эры, пользуясь персидскими источниками, составил описание Индии — труд бесценный для тех, кому любопытно узнать, как персы при Артаксерксе Мнемоне представляли себе Индию. В главе 32 он повествует о кино-ликусе — собако-волке, которого Плиний, видимо, и превратил в своего крокотту. Плиний пишет (VIII, 21), что крокотта — это животное, «рожденное от собаки и волка; этот зверь способен своими зубами разгрызать все, что угодно, и проглоченное мгновенно переваривается в его желудке». И далее Плиний описывает другое индийское животное, левкрокотту: «Чрезвычайно проворное животное, величиною с осла, ноги как у оленя-самца, шея, хвост и грудь льва, голова похожа на барсучью, копыта раздвоены, рот до ушей, а вместо зубов одна сплошная кость. Говорят, что это животное умеет подражать человеческому голосу».

Позднейшие ученые словно чувствуют, что Плиниева левкрокотта — это нескладная по-

месь индийской антилопы и гиены. Всех этих животных Плиний помещает в ландшафт Эфиопии, куда он также пристраивает дикого быка с произвольно движущимися рогами, твердой, как кремень, шкурой и повернутой наоборот шерстью.

Кужата

В мусульманской космологии Кужата — это огромный бык, у которого четыре тысячи глаз, ушей, ноздрей, ртов и ног. Чтобы пройти от одного уха до другого или от одного глаза до другого, требуется не более не менее как пятьсот лет. Кужата стоит на спине рыбы Багамут, на спине быка лежит громадная рубиновая скала, на скале стоит ангел, на ангеле покоится наша Земля. Под рыбой простирается безбрежное море, под морем зияет воздушная бездна, под воздухом находится огонь, а под огнем змея, такая огромная, что, кабы не страх перед Аллахом, она поглотила бы весь мир.

Ламедвовники

Есть на земле — и всегда были — тридцать шесть праведников, назначение коих — оправдывать мир перед Богом. Это ламедвовники. Друг друга они не знают и очень бедны. Если человек вдруг узнает, что он ламедвовник, он тут же умирает, и его место занимает другой, хотя бы и на другом краю земли. Сами о том не ведая, ламедвовники — тайные столпы, поддерживающие наш мир. Не будь их, Бог уничтожил бы род человеческий. Они наши спасители и сами того не знают.

Это мистическое поверье евреев можно найти в произведениях Макса Брода[74]. Отдаленные его корни, возможно, в восемнадцатой главе Книги Бытия, где есть такой стих: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу место сие» (18: 26).

Мусульмане видят аналогичный образ в кутбе.

---

[74] Примечания: 74

Макс Брод (1884–1968) — австрийский прозаик «пражской школы», друг и душеприказчик Кафки.

Ламии

По мнению римских и греческих классиков, ламии обитают в Африке. Кверху от пояса у них формы красивой женщины, нижняя же половина — змеиная. Некоторые ученые называли их колдуньями, другие — злобными чудовищами. Они лишены способности говорить, однако умеют издавать мелодичный свист и, завлекая им путников в пустыне, пожирают их. Происхождения они божественного — они потомки одной из многих любовных связей Зевса. Роберт Бёртон в той части своей «Анатомии меланхолии» (1621), где говорится о могуществе любви, пишет:

«Филострат в четвертой книге его „De vitae Apollonii“[75] приводит достопамятный пример этого рода, который я не могу опустить, о некоем Мениппе Ликии, молодом человеке 25 лет, который на пути меж Кенхреями и Коринфом встретил подобное призрачное существо в облике прекрасной молодой женщины; взяв его за руку, она повела его к себе в дом в предместье Коринфа и сказала, что она родом финикиянка

---

[75] Примечания: 75
«О жизни Аполлония» *(лат.).*

и что ежели он с нею будет жить, то „услышит, как она поет и играет, и будет пить такие вина, каких в жизни не пивал, и никто им не помешает; она же верно и преданно будет с ним жить и с ним умрет и обещает ему это верно и преданно“. Молодой человек был философом, жил степенно и скромно и умел сдерживать свои страсти, но перед любовной страстью не устоял; он довольно долго прожил с этой женщиной, к великому своему удовольствию, и наконец женился на ней, и на свадьбу, среди прочих гостей, явился Аполлоний, который по некоторым признакам обнаружил, что эта женщина — змея, ламия, и что все ее имущество, подобно описанному Гомером золоту Тантала, — ничего настоящего, одна мнимость. Когда она увидела, что ее изобличили, то заплакала и попросила Аполлония молчать, но его это не тронуло, и в тот же миг она, серебряная посуда, дом и все, что в нем было, исчезло: „Многие тысячи людей знали об этом происшествии, ибо оно случилось в самом центре Греции“».

Незадолго до смерти Джон Китс под впечатлением этого рассказа Бёртона сочинил пространную поэму «Ламия».

«Laudatores temporis acti»

[76]

В семнадцатом веке капитан-португалец Луиш да Силвейра в своей книге «De Gentius et Mori us Asiae»[77] (Лиссабон, 1669) упоминает довольно туманно некую восточную секту — то ли индийскую, то ли китайскую, — которую он называет, пользуясь латинским выражением, «Laudatores temporis acti». Славный наш капитан — не метафизик и не теолог, тем не менее он очень понятно определяет характер прошлого, как его понимали «хвалители». Для нас прошлое — всего лишь отрезок времени или ряд отрезков, которые некогда были настоящим, а теперь могут быть приблизительно воссозданы памятью или историей. И память, и история, разумеется, делают эти отрезки частью настоящего. Для «хвалителей» прошлое — абсолютно; оно никогда не имело настоящего и не может быть воскрешено в

[76] Примечания: 76

«Хвалители былых времен» *(лат.).* Из «Науки поэзии» Горация, 169–174.

[77] Примечания: 77

«О народах и нравах Азии» *(лат.).*

памяти даже предположительно. Его свойствами не могут быть ни единство, ни множественность, ибо это атрибуты настоящего. То же самое можно сказать о его обитателях — коль множественное число здесь дозволено, — о их цвете, размерах, весе, форме и так далее. О существах этого Никогда-Не-Бывшего-Некогда нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать.

Силвейра отмечает крайне безнадежный уклон этой секты; у прошлого как такового не может быть и тени подозрения, что ему будут поклоняться, оно также не способно принести своим поклонникам ни помощи, ни утешения. Если бы капитан указал нам национальную принадлежность или еще какую-либо примету этой любопытной общины, было бы легче вести дальнейшие исследования. Нам известно, что у них не было ни храмов, ни священных книг. Существуют ли «хвалители» и ныне, или же они — вместе с их смутным верованием — принадлежат прошлому?

Лемуры

Древние полагали, что души людей после смерти блуждают по земле, смущая покой ее обитателей. Добрых духов называли Lares familiares[78], злые носили название Larvae, или Lemures. Они помогали людям добродетельным и неустанно терзали порочных и нечестивых; у римлян был обычай справлять в месяце мае в их честь празднества, называвшиеся «лемурии» или «лемуралии». Впервые эти празднества были учреждены Ромулом, дабы умиротворить дух его брата Рема, по имени которого они были названы «ремурии» и в искаженном варианте — «лемурии». Торжества длились трое суток, в течение которых храмы богов были закрыты и свадьбы запрещены. Существовал обычай бросать на могилы усопших черные бобы или сжигать их, так как считалось, что лемуры не выносят этого дыма. Произносились также магические слова и били по котлам и барабанам, веря, что духи удалятся и больше не вернутся тревожить своих родственников на земле.

---

[78] Примечания: 78
Семейные лары *(лат.).*

Лернейская гидра

Тифон (безобразный сын Тартара и Земли) и Ехидна, которая была наполовину прекрасная женщина, наполовину змея, породили лернейскую гидру. Ламприер рассказывает нам, что у нее, согласно Диодору, было сто голов; согласно Симониду — пятьдесят и согласно наиболее признанному мнению Аполлодора, Гигина[79] и К° — девять. Но самым ужасным в этой твари было то, что стоило отрубить одну голову, как на ее месте вырастали две другие. Говорили, что головы были человечьи и что средняя из них была бессмертной. Дыхание гидры отравляло воду и сжигало посевы. Даже когда она спала, ядовитый воздух вокруг нее был смертелен для людей. Юнона поощряла ее старания умалить славу Геркулеса.

Это чудовище, казалось, было обречено на вечное существование. Его логово находилось среди болот, близ озера Лерны. Туда явились Геркулес и Иолай — Геркулес отсек головы, а Иолай

---

[79] Примечания: 79

Юлий Гигин (ум. 17 н. э.) — латинский ученый, мифограф, библиотекарь.

приложил к кровоточащим ранам раскаленное железо, ибо только огонь мог помешать вырасти новым головам. Последнюю голову, которая была бессмертна, Геркулес похоронил под огромным утесом, там она и пребывает до наших дней, то пышет ненавистью, то спит.

Совершая дальнейшие подвиги с другими зверями, Геркулес наносил им смертельные раны стрелами, смоченными желчью гидры.

Когда Геркулес сражался с многоголовым чудовищем, его укусил за пятку рак, друг гидры. Юнона поместила рака на небо, где он стал зодиакальным созвездием Рака.

Лилит

«Ибо до Евы была Лилит», — гласит древнееврейский текст. Легенда о ней вдохновила английского поэта Данте Габриэля Россетти (1828–1882), и он написал поэму «Райская обитель». Лилит была змеей, она была первой женой Адама и подарила ему

Существ, что извивались в рощах и в воде,

Сверкающих сынов, блестящих дочерей.

Еву Бог создал потом; чтобы отомстить женщине, жене Адама, Лилит уговорила ее отведать запретный плод и зачать Каина, брата и убийцу Авеля. Такова первоначальная форма мифа, которой следовал и которую развил Россетти. В течение Средних веков под влиянием слова «лайил», что на древнееврейском означает «ночь», легенда приняла другой оборот. Лилит стала уже не змеей, а духом ночи. Иногда она — ангел, ведающий рождением людей, иногда демон, который осаждает спящих в одиночку или бредущих по дороге одиноких путников. В народном вообра-

жении она предстает в виде высокой молчаливой женщины с длинными черными распущенными волосами.

Лис китайский

Лис китайский мало отличается от других лисиц с точки зрения обычной зоологии, но не зоологии фантастической. Здесь статистика определяет продолжительность его жизни от восьмисот до тысячи лет. Зверь этот считается дурным предзнаменованием, и каждая часть его тела обладает особыми свойствами. Достаточно ему ударить хвостом по земле, чтобы вспыхнул огонь, он способен провидеть будущее и может принимать любой облик, предпочитая облик стариков, молодых женщин и ученых. Он хитер, осторожен и недоверчив, главная его утеха — морочить и мучить людей. Души людей после смерти иногда переселяются в тело лиса. Обитает он поблизости от могил.

Существуют тысячи рассказов и легенд, связанных с лисом, здесь мы приведем рассказ поэта девятого века Ню Цзяо[80], не лишенный юмористического оттенка.

Ван увидел двух лисиц, стоящих на задних

---

[80] Примечания: 80

...рассказ... Ню Цзяо... — Он вошел в «Антологию фантастической литературы» Борхеса, Бьоя Касареса и Сильвины Окампо.

лапах, прислонясь к стволу дерева. У одной в передней лапе был лист бумаги, и обе они смеялись, словно участвуя в какой-то шутке. Ван попытался их прогнать, но они не уходили, и в конце концов он выстрелил в ту, которая держала бумагу. Лисица была ранена в глаз, и Ван отобрал у нее лист бумаги. В гостинице Ван стал рассказывать эту историю другим постояльцам. Пока он говорил, в комнату вошел господин с повязкой на одном глазу. Он с интересом выслушал рассказ Вана и спросил, не может ли тот показать ему бумагу. Ван уже готов был ее достать, как вдруг хозяин гостиницы заметил, что у новоприбывшего есть хвост. «Это лис!» — закричал он, и в тот же миг пришелец обернулся лисом и убежал. Некоторое время спустя лисы попытались отобрать свою бумагу, которая была испещрена непонятными письменами, но каждый раз терпели неудачу. Наконец Ван решил возвратиться домой. По дороге он встретил целое семейство, направлявшееся в столицу. Они заявили, будто это он, Ван, велел им туда отправиться, и мать семейства показала ему письмо, в котором он требовал, чтобы они продали все свое имущество и поселились с ним в городе. Приглядевшись к письму, Ван увидел, что листок бумаги чист. И хотя у повстречав-

шихся ему людей уже не было крова, он сказал: «Возвращаемся».

Однажды в семью вернулся младший брат, которого все считали мертвым. Он стал расспрашивать о бедствиях, перенесенных родными, и Ван рассказал ему, как было дело. «Ах, — сказал брат, когда Ван дошел до истории с лисами, — вот тут-то и скрыт корень зла». Ван показал ему бумагу, о которой говорил. Выхватив лист из рук Вана, брат сунул его в карман и сказал: «Наконец я получил то, что мне нужно!» Затем, превратившись в лиса, скрылся.

Лунный заяц

Англичанам чудится в лунных пятнах человеческая фигура; два или три упоминания о «человеке на Луне» есть в «Сне в летнюю ночь»; Шекспир упоминает о его пучке терний, или зарослях терновника; в заключительных стихах песни XX «Ада» Данте уже говорил о Каине и об этих терниях. Комментатор Томмазо Казини[81] приводит тосканскую легенду о том, что Бог изгнал Каина на Луну и в наказание повелел ему таскать до скончания веков вязанку терновника. Другие видят на Луне Святое семейство; Леополь-до Лугонес в своем «Календаре души» писал:

Y está todo: la Virgen con el nino; al flanco,
San José (algunas tienen la buena fortuna
De ver si vara); y el buen burrito blanco
Trota que trota la campos de la luna.

(И все там есть: с младенцем Дева,
рядом Иосиф,
Супруг святой (иные хвалятся удачей,

---

[81] Примечания: 81
Томмазо Казини (1859–1917) — итальянский историк литературы.

Что посох его видят); тут же белый ослик

По лунным пажитям, резвяся, скачет.)

Китайцы же говорят о лунном зайце. В одной из своих прошлых жизней Будда страдал от голода; чтобы его накормить, заяц бросился в огонь. В благодарность Будда отправил его душу на Луну. Там, под сенью акаций, заяц толчет в волшебной ступке снадобья, чтобы составить эликсир бессмертия. В некоторых областях народ называет этого зайца «доктором», или «чудесным зайцем», или «агатовым зайцем».

Об обычном зайце есть поверье, что он живет тысячу лет и что в старости он становится белым.

Шекспир, между прочим, упоминает в «Буре» (II, 2) лунного теленка. Это существо, согласно комментаторам, — безобразное чудовище, зачатое на Земле под влиянием Луны.

Мандрагора

Подобно баромецу, растение, называемое «мандрагора», граничит с животным царством, ибо, когда его вырывают с корнем, оно кричит; крик этот может свести с ума тех, кто его слышит. В «Ромео и Джульетте» (IV, 3) мы читаем:

> *Кругом ужасный смрад, глухие стоны,*
>
> *Похожие на стоны мандрагоры,*
>
> *Когда ее с корнями вырывают, —*
>
> *Тот звук ввергает смертного в безумье...*[82]

Пифагор называет его антропоморфным; римский агроном Луций Колумелла — получеловеком, а Альберт Великий писал, что мандрагоры, наподобие людей, бывают различного пола. До него Плиний утверждал, что белая мандрагора — это самец, а черная — самка. И еще, что сборщики мандрагоры очерчивают вокруг нее мечом три круга и должны смотреть на запах; запах ее листьев так силен, что от него люди лишаются

---

[82] Примечания: 82
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

дара речи. Кто вырвет ее с корнем, тому грозят ужасные бедствия. В последней книге «Истории иудейской войны» Иосиф Флавий советует применять для этого нарочно обученную собаку; выдернув растение, собака подыхает, зато его листья служат для изготовления наркотиков, слабительных и колдовских снадобий.

Человекоподобная форма мандрагоры породила поверье, будто она растет у подножия виселиц. Сэр Томас Браун («Pseudodoxia Epidemica», 1646) говорит о питающем ее жире повешенных; некогда популярный немецкий писатель Ханс Хайнц Эверс[83] написал роман («Alraune», 1913) на сюжет о том, что семя повешенного было впрыснуто проститутке, отчего родилась красивая ведьма. Мандрагора по-немецки «Alraune»; раньше говорили «Alruna», слово это происходит от слова «руна», которое означало «шепот», или «гул». То есть (по мнению Скита) оно означало «некую тайну… письменность, ибо написанные буквы считались тайной, известной немногим». Проще говоря, идея зримого знака, заменяющего звук, озадачивала древних скандинавов, отсюда представление о тайне.

---

[83] Примечания: 83

Ханс Хайнц Эверс (1871–1943) — немецкий писатель.

В Книге Бытия (30: 14–17) есть любопытное упоминание о плодотворной силе мандрагоры:

«14. Рувим пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровы яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии: дай мне мандрагоров сына твоего.

15. Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего? Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры сына твоего.

16. Иаков пришел с поля вечером, и Лия вышла ему навстречу и сказала ему: войди ко мне, ибо я купила тебя за мандрагоры сына моего. И лег он с нею в ту ночь.

17. И услышал Бог Лию, и она зачала и родила Иакову пятого сына».

В девятнадцатом веке еврейско-немецкий комментатор Талмуда написал следующий абзац:

«От корня в земле отходит нечто вроде веревки, и веревкою этой прикреплено за пуп — как тыква или арбуз — животное, именуемое „яду'а“, но „яду'а“ во всем схож с человеком: такие же лицо, туловище, руки и ноги. Оно искореняет и уничтожает все, куда достигает та веревка. Надобно веревку эту рассечь стрелою, и тогда животное

подыхает».

Врач Диоскурид[84] (второй век до нашей эры) отождествляет мандрагору с киркеей, или растением кирке, о которой в песни десятой «Одиссеи» читаем:

> *Корень был черный, подобен был цвет молоку*
>
> *белизною;*
>
> *Моли его называют бессмертные; людям опасно*
>
> *С корнем его вырывать из земли, но богам*
>
> *все возможно*[85].

[84] Примечания: 84

Диоскурид Педаний Аназарбей (I в.) — римский врачеватель и фармаколог.

[85] Примечания: 85

Перевод В. Жуковского.

Мантихор

Плиний (VIII, 21) сообщает нам, что, согласно Ктесию, врачу-греку Артаксеркса Мнемона, в краю эфиопов «живет зверь, которого он именует мантихора; у нее три ряда зубов, они, смыкаясь, заходят один за другой, подобно зубьям гребня; лицо и уши у нее человеческие, глаза кроваво-красные, туловище как у льва, и хвост, заканчивающийся жалом, как хвост скорпиона; голос ее напоминает пенье флейты и трубы, звучащих одновременно; она весьма проворна и пожирает мясо всех прочих тварей».

Флобер развил это описание (называя чудовище «мантихор») — на последних страницах «Искушений святого Антония» мы читаем:

«Мантихор — гигантский красный лев с человечьим лицом и тремя рядами зубов.

— Переливчатый блеск моей пурпурной шкуры сливается с сияющим маревом великих песков. Я выдыхаю ужас пустынь. Я изрыгаю чуму. Я пожираю армии, когда они дерзают углубиться в пустыню. Когти мои изогнуты как винты, а зубья подобны зубьям пилы; непрестанно движущийся

хвост утыкан дротиками — я мечу их налево и направо, вперед и назад. Вот! Вот!

Мантихор прыщет во все стороны иглами из своего хвоста, как стрелами. Капли крови сыплются градом на листву деревьев».

Мать черепах

За двадцать два века до христианской эры справедливый император Юй Великий прошел, измерив своими шагами, Девять Гор, Девять Рек и Девять Болот и разделил землю на Девять Областей, пригодных для добродетели и земледелия. Таким образом, он покорил Воды, грозившие затопить Небо и Землю, и оставил следующий отчет о своих Общественных Работах:

«Я воспользовался четырьмя средствами передвижения (повозками, лодками, санями и башмаками на шипах) и проследовал по холмам и лесам, одновременно, вместе с Йи, показывая толпам народа, как добывать мясо для еды. Я проложил русла для рек через девять областей и направил их в море. Я углубил канавы и каналы и подвел их к рекам и одновременно, вместе с Чи, сеял зерна и показывал толпам народа, как добывать трудом своим иную пищу вдобавок к мясной».

Историки повествуют, что идею раздела земли, который он совершил, открыла императору волшебная, или священная, черепаха, вышедшая из

реки. Кое-кто утверждает, что эта амфибия, мать всех черепах, была создана из воды и огня; другие называют менее обычную материю — свет звезд, образующих созвездие Стрельца. На панцире черепахи был начертан космический трактат под названием «Хон Фан» («Всеобщее Правило») или рисунок девяти отделов этого трактата, изображенных белыми и черными точками.

В представлении китайцев небо имеет вид полушария, а земля — четырехугольника; посему в черепахе с ее панцирем, куполообразным сверху и плоским внизу, они видят образ, или модель, вселенной. Более того, черепахи причастны к космическому долголетию; вполне естественно, что их включают в число животных духовного типа (вместе с единорогом, драконом, фениксом и тигром) и что предсказатели читают на рисунке их панциря будущее.

Тан-Ки (черепаха-дух) — таково имя той, которая открыла императору «Хон Фан».

Минотавр

Идея построить дом так, чтобы люди не могли найти из него выхода, возможно, еще более странна, чем человек с бычьей головой, однако оба вымысла удачно сочетаются, и образ лабиринта гармонирует с образом Минотавра. Вполне естественно, что в центре чудовищного дома должно обитать чудовище.

Минотавр — полубык-получеловек — родился как плод неистовой страсти царицы Крита Пасифаи к белому быку, который по велению Нептуна вышел из моря. Дедал, создатель хитроумного устройства, позволившего царице утолить свое противоестественное желание, соорудил лабиринт, дабы в нем заточить и скрыть ее сына-чудовище. Минотавр питался человечиной, и, чтобы его кормить, царь Крита наложил на город Афины ежегодную дань — семь юношей и семь девиц. Когда Тесею выпал жребий стать жертвой ненасытного Минотавра, он решил избавить родину от подобной повинности. Дочь критского царя Минотавра дала ему нить, чтобы он мог найти обратный путь в сплетении ходов

лабиринта; герой убил Минотавра и сумел благополучно выйти.

В одном своем стихе, где речь идет об изобретательности, Овидий говорит о «Semiovemque virum, semivirumque ovem» («человеке-полубыке, быке-получеловеке»). Данте, знавший язык древних греков, но не видевший их монет и скульптурных памятников, вообразил Минотавра с головой человека и туловищем быка («Ад», XII, 1–30).

Культ быка и обоюдоострого топора (он назывался «лабрис», откуда, возможно, произошло слово «лабиринт») был характерен для доэллинских религий с их священными боями быков. Судя по настенным изображениям, человеческие фигуры с бычьими головами были обычны в критской демонологии. Вероятно, греческая легенда о Минотавре — это поздняя жестокая версия мифов значительно более древних, тень снов, еще более устрашающих.

Морской конь

В отличие от большинства вымышленных существ морской конь — не комбинированное существо; это просто дикий конь, обитающий в море и выходящий на сушу только в безлунные ночи, когда бриз доносит до него запах кобыл. На некоем неназванном острове — возможно, Борнео — пастухи выгоняют лучших царских кобыл на берег, а сами прячутся в пещерах. Тут Синдбад увидел жеребца, выходящего из моря, смотрел, как он покрыл кобылицу, и услышал его ржанье.

Окончательная версия «Книги тысячи и одной ночи», по мнению Бёртона, создана в тринадцатом веке; в этом же веке жил космограф Захария Аль Казвини, который в своем трактате «Чудеса Творения» написал следующее: «Морской конь подобен коню суши, но грива и хвост у него длиннее, окраска более яркая, копыта раздвоены, как у дикого быка, а ростом он меньше обычного коня и чуть побольше осла». Он отмечает, что скрещение морской и обычной пород дает весьма красивое потомство, и выделяет темного пони «с белыми пятнами вроде серебряных пластинок».

В восемнадцатом веке путешественник-китаец Ван Тайхай[86] пишет: «Морской конь обычно выходит на берег в поисках кобылы, иногда его удается поймать. Шерсть у него черная, блестящая, хвост длинный, волочится по земле. На суше он двигается как обычные кони, очень послушен и способен за один день пройти сотни миль. Однако не следует купать его в реке — как только он видит воду, в нем возрождается прежняя его природа, и он уплывает прочь».

Этнологи увидели источники этого исламского вымысла в греко-римском поверье о ветре, оплодотворяющем кобыл. В третьей книге «Георгик» Вергилий изложил это поверье в стихах. Объяснение Плиния (VIII, 42) более конкретно:

«Известно, что в Португалии, на берегах реки Тахо и близ Лиссабона, когда подует западный ветер, кобылы, поворачивая круп ему навстречу, задирают хвост и так зачинают от этого плодоносного ветра вместо естественного семени; таким образом они беременеют и носят сколько положено и рожают жеребят, быстрых, как ветер, только живут эти кони не более трех лет».

---

[86] Примечания: 86

Ван Тайхай — герой романа Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме» (опубл. 1791).

Историк Юстин[87] предполагает, что возникновением своим эта легенда обязана гиперболе «сыны ветра», как называли быстрых скакунов.

[87] Примечания: 87
Юстин (II в.) — римский историк эпохи Антонинов.

Муравьиный лев

Муравьиный лев — невообразимое чудище, описанное Флобером следующим образом: «Спереди лев, сзади муравей с половыми органами навыворот». История этого чудища также весьма странна. В Библии (Иов 4: 11) мы читаем: «Могучий лев погибает без добычи». По-еврейски «лев» назван «лайиш»; слово это, необычное для обозначения льва, видимо, привело к столь же необычному переводу. В переводе Семидесяти толковников, вспомнив какого-то арабского льва, которого Элиан[88] и Страбон называли «myrmex», сочинили слово «мирмеколион» — «муравьиный лев». «Мирмекс» по-гречески «муравей». Из странного выражения: «Муравьиный лев погибает без добычи» — возник фантастический образ, который средневековые бестиарии с успехом дополнили:

«„Физиолог“ гласит: у него морда (или передняя часть) льва и задняя часть — муравья. Его

[88] Примечания: 88

Элиан (ок. 200) — римский грекоязычный писатель, автор популярного в Средние века труда «О природе животных» и др., включенного Борхесом в его «Личную библиотеку».

отец питается мясом, но мать ест зерно. И когда они рождают муравьиного льва, это существо двуприродное: он не может есть мясо, ибо это противно природе его матери, не может есть и зерно, ибо это противно природе его отца. Посему он погибает из-за отсутствия пищи».

Наги

Наги принадлежат индийской мифологии. Это змеи, которые, однако, часто принимают человеческий облик.

В одной из книг «Махабхараты» в Арджуну влюбляется Улупи, дочь царя нагов, и он вынужден учтиво, но твердо напомнить ей о своем обете целомудрия; девица же говорит ему, что его долг — помогать несчастливым. Герой уделяет ей одну ночь. Будда, сидя под смоковницей, предавался медитации, как вдруг начался сильный дождь с ветром; тут сердобольный наг обвился вокруг него семь раз и простер над ним семь своих голов вроде зонтика. Будда обратил его в истинную веру.

В «Руководстве по индийскому буддизму» Керн[89] определяет нагов как змей, похожих на облака. Живут они глубоко под землею в подземных дворцах. Члены секты Большого Колеса рассказывают, что Будда проповедовал один закон для людей и другой — для богов, и этот последний, тайный закон хранился на небесах

---

[89] Примечания: 89

Хендрик Керн (1833–1917) — нидерландский индолог.

и в чертогах змей, которые несколько столетий спустя открыли его монаху Нагарджуне.

Вот легенда, записанная в Индии в начале пятого века паломником-китайцем:

«Царь Ашока пришел к озеру, близ которого стояла высокая пагода. Он пожелал разрушить ее, чтобы возвести другую, более высокую. Некий брахман повел его внутрь башни, и, когда царь вошел, брахман сказал:

— Человеческий мой облик — это мнимость. На самом деле я наг, дракон. За грехи мои я обречен жить в этом ужасном теле, но я соблюдаю закон, заповеданный Буддой, и надеюсь заслужить искупление. Можешь разрушить это святилище, если полагаешь, что способен воздвигнуть лучшее».

Наг показал царю ритуальные сосуды. Взглянув на них, царь ужаснулся, ибо они были совсем не похожи на те, которые изготавливают люди, и отказался от своего намерения.

Наснас

Среди чудищ «Искушений» есть наснасы (у Флобера «нисны»), у которых «всего один глаз, одна щека, одна рука, одна нога, половина туловища, половина сердца». Комментатор Жан-Клод Марголен[90] приписывает его Флоберу, однако Лейн в первом томе «Тысячи и одной ночи» (1839) говорит, что наснаса считают плодом союза Шикка, демонического существа, разделенного продольно, и человека. Наснас, согласно Лейну (он пишет «неснас»), похож на «половину человека — у него половина головы, половина туловища, одна рука, одна нога, на которой он весьма проворно скачет…» Он обитает в лесах и в пустынных местностях Йемена и Хадрамаута и наделен даром речи. У одной их породы лицо находится на груди, как у блеммий, а хвост как у овцы. Мясо их нежно и потому весьма ценится. У другой породы наснасов крылья летучей мыши, обитают они на острове Раидж (возможно, Борнео) на побережье Южного моря. «Но лишь Господь, — прибавляет

[90] Примечания: 90

Жан-Клод Марголен — французский историк философии и литературы.

ученый-скептик, — всеведущ».

Небесный олень

О внешнем виде небесного оленя мы ровным счетом ничего не знаем (возможно, потому, что никому никогда не удалось его разглядеть), но известно, что эти злосчастные животные живут под землею, в рудниках, и более всего желают выбраться на свет. Они умеют говорить и умоляют рудокопов помочь им подняться на поверхность. Вначале небесный олень пытается подкупить рабочих, обещая показать жилы золота и серебра; когда же эта попытка терпит неудачу, животное бросается на людей, и рудокопам приходится его усмирять и замуровывать в рудничной штольне. Идут слухи, что, когда оленей числом больше, чем людей, они забивают людей до смерти.

Согласно легенде, когда небесному оленю удается выбраться на воздух, он превращается в зловонную жидкость, причиняющую моровое поветрие.

Этот вымысел возник в Китае и записан Дж. Уиллоби-Мидом[91] в его книге «Китайские

[91] Примечания: 91

Джералд Уиллоби-Мид (1875–1958) — английский китаист, переводчик сказочной словесности.

вампиры и домовые».

Небесный петух

Как полагают китайцы, небесный петух — это птица с золотыми перьями, которая поет три раза в день. Первый раз, когда солнце совершает свое утреннее купание в водах океана; второй — когда солнце стоит в зените; третий — когда оно опускается на западе. От первой песни сотрясаются небеса и пробуждаются ото сна люди. Петух этот — предок Ян, мужского начала Вселенной. У него три лапы, и гнездится он на дереве фью-сань, которое растет в краю зари, и высотою оно в тысячи футов. Голос небесного петуха невероятно громок, осанка величава. Он несет яйца, из которых вылупляются цыплята с красными гребешками; каждое утро они отвечают на его песню. Все петухи на земле — потомки небесного петуха, которого также называют «птица рассвета».

Нимфы

Парацельс ограничивает их владения стихией воды, древние, однако, полагали, что весь мир населен нимфами. Они давали нимфам различные наименования соответственно их обиталищам. Дриады, или гамадриады, жили в деревьях, были невидимы и умирали вместе с деревьями. Другие же нимфы считались бессмертными или же, как мельком упоминает Плутарх, жили 9720 лет. Среди них были нереиды и океаниды — они владели морями.

Нимфы озер и источников назывались наяды, нимфы пещер — ореады. Были также нимфы лощин, именовавшиеся напеями, и нимфы рощ — альсеиды. Точное количество нимф неизвестно; Гесиод называет число три тысячи. Это были строгие красивые молодые женщины; их название, возможно, означает всего лишь «девица на выданье». Тот, кто их увидел, мог ослепнуть, а если видел их нагими, умирал. Так утверждает один стих Проперция.

Древние приносили им в жертву мед, оливковое масло и молоко. Нимфы были второсте-

пенными божествами, но храмы в их честь не воздвигались.

Норны

В средневековой мифологии скандинавов норны — то же, что парки. Снорри Стурлусон, который в начале тринадцатого века упорядочил хаотическую скандинавскую мифологию, сообщает нам, что главных норн было три и что их имена Урт (прошлое), Вертанди (настоящее) и Скулд (будущее). Эти три небесные норны управляют судьбой мира, меж тем как при рождении каждого человека присутствуют три его индивидуальные норны, определяющие его жребий. Можно предполагать, что связанные со временем имена норн — это тонкий нюанс или дополнение богословского характера; древние германские племена были не способны к подобному абстрактному мышлению. Снорри описывает нам трех дев, сидящих у источника под Деревом Мира Иггдрасилем. Они неутомимо прядут нить нашей судьбы.

Время (составляющее их сущность), казалось, совсем о них забыло, но вот в 1606 году Уильям Шекспир написал трагедию «Макбет», где они появляются в первой сцене. Это три ведьмы,

предсказывающие, что уготовила судьба Банко и Макбету. Шекспир называет их «вещими сестрами» (I, 3):

Сестры, мчимся чередой
Над землей и под водой.
Пусть замкнет волшебный круг...[92]

У англосаксов была Уайрд — безмолвная богиня, определявшая судьбу богов и людей.

[92] Примечания: 92
Перевод Ю. Корнеева.

Обезьяна – пожирательница чернил

Это животное водится на севере, имеет в длину четыре-пять дюймов; глаза у него алые, шерсть черная, как агат, шелковистая и мягкая, как подушка. Его отличает необычная черта — страсть к индийским чернилам. Когда кто-нибудь сидит и пишет, обезьяна сидит поблизости, скрестив ноги и сложив передние лапы, и ждет, пока работа будет закончена. Затем она выпивает остаток чернил и, умиротворенная и довольная, снова усаживается, поджав ноги.

Ван Тайхай (1791)

Одноглазые существа

Слово «монокль», прежде чем стать названием оптического устройства, применялось для обозначения существ с одним-единственным глазом. Так, в сонете, написанном в начале семнадцатого века, Гонгора пишет о «Monóculo galán de Galatea» («Одноглазом, влюбленном в Галатею»), имея в виду, конечно, Полифема, о котором он раньше уже писал в своей поэме «Fabula de Polifemo»[93]:

Un monte era de miembros eminente
Este que de Neptuno hijo fiero,
De un ojo ilustra el orbe de su frente,
Émulo casi del mayor lucero;
Cíclope a quien el pino más valiente
Bastón le obedecía tan lijero,
Y al gravo peso junco tan delgado,
Que un día era bastón y otro cailado.
Negro al ca ello, imitador undoso
De las oscuras aguas del Leteo,

---

[93] Примечания: 93
«Сказание о Полифеме» *(исп.).*

Al viento que ie peina proceloso
Vuela sin orden, pende sin aseo;
Un torrente es su darba impetuoso
Que, adusto hijo de este Pirineo,
Su pecho inunda, o tarde o mal o en vano
Surcada aún de los dedos de su mano.[94]

(То была гора могучих мышц, свирепый сын Нептуна, освещающий небосвод своего чела одним оком, соперником величайшего светила; Циклоп, кому высочайшая скала послушна, как легкая трость, и была для его громады тонким прутиком — то палкой при ходьбе, то посохом пастушьим.

Черные его волосы, волнистое подобье темных вод Леты, на ветру, бурно причесывающем их,

---

[94] Примечания: 94

Un monte era de miembros eminente… — Дадим здесь стихотворный перевод этого отрывка из поэмы Гонгоры:

Сей великан был мускулов горою,
Нептунов сын чудовищный, чье око,
сравнимое в блистанье со звездою,
во лбу крутом светило одиноко.
Владел он, вместо посоха, сосною
и с нею обращался столь жестоко,
что словно тонкий стебель тростника
сосну сгибала грозная рука.
Спадают пряди черными волнами,

подобные потоку вод летейских,
и так истерзаны семью ветрами,
что вид циклопа – худший из злодейских.
Поток брады полнится волосами,
что, точно чадо кряжей Пиренейских,
текут на грудь, но редко, зря и слабо
перстами цедится густая лава.

(Перевод Б. Ковалева)

развеваются и ниспадают в беспорядке; борода его — бурлящий поток, который — мрачный сын сих Пиренеев — затопляет его грудь и который, слишком поздно и небрежно и напрасно, бороздят пальцы его руки.)

Эти строки изощреннее, но слабее стихов из третьей песни «Энеиды» (их хвалит Квинтилиан[95]), которые, в свой черед, изощреннее и слабее других стихов из девятой песни «Одиссеи». Упадок литературный соответствует упадку веры у поэта: Вергилий желает произвести на нас впечатление своим Полифемом, но вряд ли верит в него; а Гонгора уже верит только в словесные ухищрения.

Циклопы были не единственной породой людей с одним глазом: Плиний (VII, 2) упоминает еще аримаспов, «известных по этой примете — у них всего один глаз во лбу, и они обычно воюют из-за золотых рудников, особенно с грифами, крылатыми хищниками, и добывают из жил в этих рудниках золото (как обычно это делается), которое дикие эти твари… хранят и оберегают с такой же алчностью, с коей аримаспы грабят их и отбирают золото».

---

[95] Примечания: 95

Марк Фабий Квинтилиан (35–100) — римский писатель, теоретик ораторского искусства.

За сто лет до того первый энциклопедист Геродот Галикарнасский писал (III, 116): «Также известно, что на севере Европы есть гораздо больше золота, чем где-либо в другом месте. Однако я не могу точно сказать, как это золото добывают; некоторые утверждают, будто его похищают у грифов одноглазые люди, называющиеся „аримаспы“. Но я считаю это столь невероятным, как то, что могут существовать люди, во всем подобные другим людям, однако всего с одним глазом».

Одрадек

Некоторые говорят, что слово «одрадек» славянского происхождения, и пытаются этим объяснить его форму. Другие, напротив, полагают, что оно происхождения германского, допуская лишь влияние славянского. Неуверенность обоих объяснений наводит на мысль, что оба неверны, тем паче что ни одно из них не дает внятного толкования слова.

Разумеется, никто не стал бы заниматься этим вопросом, если бы не было существа, называемого «одрадек». На первый взгляд оно напоминает плоскую зубчатую катушку для ниток и действительно как будто обмотано нитками, вернее, обрывками ниток самых разных сортов и цветов, спутанных и кое-как скрученных. Но одрадек — это не просто катушка, ибо из середины звездочки торчит маленький деревянный колышек и к нему под прямым углом присоединена другая палочка. Благодаря этой палочке и одному из зубчиков самой катушки существо это может стоять как бы на двух ножках.

Очень хочется верить, что некогда оно имело

разумную форму, оправданную какой-то целью, и теперь представляет собой лишь обломок чего-то.

Однако похоже, что это не так; по крайней мере, это предположение ничем не подтверждается; в одрадеке нигде нет какого-либо незавершенного или поломанного кусочка: вся эта штуковина выглядит как нечто довольно бессмысленное, но в своем роде вполне законченное. Во всяком случае, любое более пристальное изучение невозможно, так как одрадек чрезвычайно подвижен и в руки не дается.

Он прячется то на чердаке, то на лестнице, то в коридоре, то в прихожей. Иногда проходит месяц за месяцем, а его нигде не видать; вероятно, он на время переселяется в другие дома, но неизменно возвращается к нам. Сколько раз, бывало, выходишь из дому, а он тут как тут, лежит на ступеньке, приткнувшись к перилам, и тебя тянет поговорить с ним. Ты, конечно, не задаешь ему трудных вопросов, нет, с ним обращаешься словно бы с ребенком — он такой крошечный, что это получается невольно. «Как тебя звать?» — спрашиваешь ты. «Одрадек», — отвечает он. «А где ты живешь?» — «Где придется», — говорит он и смеется, только смех у него особый, смех

без участия легких. Он беззвучен, как шелест опавших листьев. И обычно разговор на том и кончается. Даже эти ответы не всегда удается получить; часто одрадек долго-долго молчит, как пень, из которого он сделан.

Задаю себе бессмысленные вопросы. Что дальше с ним будет? Может ли он умереть? Все, что умирает, имело в жизни какую-то цель, что-то делало и потому износилось, но к одрадеку это неприменимо. Неужто я должен предположить, что он, таща за собою волоконца ниток, вечно будет скатываться по лестнице перед ногами моих детей и детей моих детей? Он никому не причиняет зла, однако мысль, что он может пережить меня, болезненна и тревожна.

Франц Кафка.

Исправительная колония

(Этот очерк имел первоначальное название «Die Sorge des Hausvaters» — «Заботы отца семейства».)

Осел трехногий

Плиний сообщает, что Заратустра, основатель религии, которую поныне исповедуют парсы в Бомбее, сочинил два миллиона стихов; арабский историк Аль Табари[96] утверждает, что на его полное собрание сочинений, запечатленных благочестивыми каллиграфами, пошло двенадцать тысяч коровьих шкур. Известно, что Александр Македонский повелел сжечь эти пергаменты в Персеполисе, но благодаря цепкой памяти жрецов основные тексты удалось сохранить, и с девятого века они пополняются энциклопедическим трудом «Бундахишн»[97], в котором есть такая страница:

«О трехногом осле сказано, что он стоит посреди океана и что число его копыт — три, и число его глаз — шесть, и число его пастей — девять, и число его ушей — два, и число его рогов — один. Шерсть у него белая, пища его духовная, и весь он

---

[96] Примечания: 96

Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир Аль Табари (ок. 838–923) — арабский историк и богослов.

[97] Примечания: 97

«Бундахишн» — собрание священных текстов зороастризма.

праведный. И два из его шести глаз находятся на обычном месте, где должны быть глаза, и два на макушке, и два на его лбу; силою взгляда своих шести глаз он побеждает и уничтожает.

Из девяти его пастей три находятся на морде, и три на лбу, и три на чреслах… Каждое копыто, ступив на землю, занимает столько места, сколько надобно для тысячи овец, и под каждой шишкой ноги может передвигаться тысяча всадников. Что ж до ушей, они способны накрыть Масандаран (провинцию на севере Персии). Рог его на вид золотой и внутри полый, и от него отходит тысяча отростков. Рогом сим он победит и рассеет все козни злодеев».

Об амбре известно, что она — помет трехногого осла. В мифологии маздеизма это благодетельное животное — один из помощников Ахура Мазды (Ормузда), Владыки Жизни, Света и Истины.

Отпрыск Левиафана

В «Золотой легенде», собрании житий святых, составленных в тринадцатом веке доминиканским монахом Иаковом Ворагинским, которое в Средние века читали и перечитывали, а ныне почти забыли, мы находим немало курьезных сведений. Книга многократно издавалась и переводилась, в том числе на английский, — перевод Уильяма Кекстона[98]. Чосеров «Второй рассказ монахини» имеет источником и основан на «Legenda aurea»[99]. Произведение Иакова также вдохновило Лонгфелло, который заимствовал название из «Золотой легенды» для одной из книг своей трилогии «Христос».

Приведем переведенный со средневековой латыни Иакова следующий пассаж из главы о св. Марте (CY [1000]):

«Жил в то время в лесу близ Роны, между Арлем и Авиньоном, дракон, полузверь-полурыба,

---

[98] Примечания: 98

Уильям Кекстон (ок. 1422–1491) — английский первопечатник и переводчик.

[99] Примечания: 99

«Золотая легенда» *(лат.).*

крупнее быка и в длину больше лошади. Зубы у него были как мечи и острые, как рога, он лежал, притаясь, в реке и убивал всех путников и топил ладьи. Переселился он, однако, туда из моря Галатии в Малой Азии и был порожден Левиафаном, свирепейшим из водяных змеев, и Диким Ослом, который водится на тех берегах…»

Пантера

В средневековых бестиариях слово «пантера» обозначает животное, весьма отличающееся от плотоядного млекопитающего современной зоологии. Аристотель упомянул, что запах пантеры привлекает других животных. Римский писатель Элиан, прозванный Медоязычным за великолепное владение греческим языком, который он предпочитал латинскому, утверждал, что запах этот приятен также людям (некоторые считают, что Элиан спутал пантеру с мускусной кошкой). Плиний наделяет пантеру большим кольцевидным пятном на хребте, которое уменьшается и увеличивается вместе с луной. К этим чудесным свойствам прибавилось то обстоятельство, что в переводе Библии на греческий (Септуагинте) слово «пантера» употреблялось в одном стихе (Ос 5: 14), который может рассматриваться как пророчески относящийся к Иисусу[100].

В англосаксонском бестиарии «Эксетерской

[100] Примечания: 100

В русском синодальном переводе «лев»: «Ибо Я как лев для Ефрема». *(Примеч. перев.)*

книги»[101] пантера — животное кроткое, любящее уединение, обладающее мелодичным голосом и благовонным дыханием (напоминающим душистый перец), живет оно в горах, в укромных местах. Единственный враг пантеры — это дракон, с ним она постоянно воюет. Досыта наевшись, она спит, и «на третий день, когда проснется, из ее пасти исходит мелодичное, сладостное, звучное пенье, и вместе с его звуками распространяется ее приятно пахнущее дыхание, более благовонное, чем аромат цветущих трав и деревьев». Толпы людей и животных собираются к ее логову с полей, из замков и из городов, привлеченные ароматом и музыкой ее голоса. Дракон — это древний враг, Дьявол; пробуждение пантеры — воскресение Господа; толпы — общины верующих; а пантера — Иисус Христос.

Чтобы эта аллегория не слишком удивила читателя, напомним, что для саксов пантера была не хищным зверем, а неким экзотически звучащим названием, не подкрепленным достаточно конкретным образом. В качестве курьеза можем прибавить, что в поэме Элиота «Геронтион» говорится о Христе-тигре.

---

[101] Примечания: 101

«Эксетерская книга» — рукописный сборник древнеанглийской словесности.

Леонардо да Винчи записывает:

«Африканская пантера подобна льву, только лапы у нее длиннее и туловище более стройное. Шерсть у нее белая, усеянная черными, похожими на розетки пятнами. Ее красота восхищает прочих животных, которые сопровождали бы ее постоянно, когда бы не страшились ее наводящего ужас взгляда. Зная об этом своем свойстве, пантера опускает глаза; другие животные приближаются, чтобы насладиться ее красотой, и тут она хватает того, кто подойдет поближе».

Пеликан

Пеликан в обычной зоологии — это водяная птица с размахом крыльев около шести футов и очень длинным клювом, нижняя часть которого расширена и образует мешок для накапливания рыбы. Пеликан легенд не такой крупный, и соответственно клюв у него короче и острее. Согласно народной этимологии, pelicanus — «белошерстный», так как перья у настоящего пеликана белые, меж тем как у легендарного желтые, а иногда и зеленые. (Подлинная этимология слова «пеликан» — греческое «рублю топором», ибо длинный клюв его уподобили клюву дятла.) Но его повадки еще более удивительны, чем внешность.

Мать ласкает птенцов своим клювом и когтями так ревностно, что умерщвляет их. Через три дня появляется отец и в отчаянии от гибели своего потомства собственным клювом раздирает себе грудь. Кровь из его ран воскрешает умерших птенцов. Так повествуют средневековые бестиарии, однако св. Иероним в комментарии к десятому псалму («Я уподобился пеликану

в пустыне; я стал как филин на развалинах») приписывает умерщвление выводка змее. О том, что пеликан раздирает себе грудь и кормит детенышей собственной кровью, говорится в распространенном варианте этой легенды.

Кровь, возвращающая мертвых к жизни, приводит на ум причастие и распятие — так, в знаменитом стихе из «Рая» (XXV, 113) Иисус Христос назван «nostro Pelicano» — «пеликан человечества»[102]. Латинский комментатор Бенвенуто де Имола[103] толкует это так: «Его называют пеликаном, ибо он разъял себе грудь ради нашего спасения, подобно пеликану, воскрешающему умерших птенцов кровью своей груди. Пеликан — это египетская птица».

Пеликан часто встречается в церковной символике, его поныне изображают на дарохранительницах. В бестиарии Леонардо да Винчи пеликан описывается следующим образом:

«Он горячо любит своих птенцов и, найдя их в гнезде убитыми змеею, раздирает себе грудь и,

---

[102] Примечания: 102

В переводе М. Лозинского: «Он, с Пеликаном нашим возлежа» («Он» — апостол Иоанн).

[103] Примечания: 103

Бенвенуто деи Рамбальди де Имола (1338–1390) — итальянский историк, один из первых комментаторов Данте.

омыв их своей кровью, возвращает к жизни».

Перитии

Согласно легенде, Эритрейская сивилла предсказала, что Рим будет разрушен перитиями. В 642 году во время знаменитого пожара в Александрии записи оракулов сивиллы сгорели: ученые-грамматики, занявшиеся восстановлением некоторых фрагментов из девяти свитков, видимо, так и не обнаружили пророчество о судьбе Рима.

Со временем появилась необходимость отыскать источник, способный пролить больше света на это весьма туманное предание. После многих неудач стало известно, что в шестнадцатом веке некий раввин из Феса (скорее всего, Якоб бен Хаим) опубликовал исторический трактат, в котором привел цитату из ныне утерянного сочинения некоего греческого схоласта, где содержались сведения о перитиях, очевидно заимствованные из оракулов до того, как Александрийская библиотека была сожжена Омаром. Имя ученого грека до нас не дошло, однако фрагмент сохранился:

«Перитии обитают в Атлантиде, это полуолени-

полуптицы. Оленьи у них голова и ноги. Само же туловище совершенно как у птицы, с крыльями и опереньем…

Самое поразительное их свойство то, что когда они освещены солнцем, то отбрасывают тень, имеющую очертания не их фигуры, а человеческой. Отсюда некоторые заключают, что перитии — это души путников, умерших на чужбине, без покровительства их богов…

…И их заставали врасплох, когда они ели сухую землю… летают они стаями, и их видели на головокружительной высоте над Геркулесовыми столпами.

…Они (перитии) — грозные враги рода человеческого; когда им удается убить человека, его тень становится тенью их собственного тела, и они вновь обретают милость их богов.

…И те, кто в войске Сципиона направлялся по морю на завоевание Карфагена, едва не потерпели неудачу, ибо во время плавания на их суда напала стая перитий и многие римляне были убиты и покалечены… Хотя наше оружие против перитий бессильно, каждое из этих животных — ежели они животные — может убить не более одного человека.

…Повалявшись в крови своих жертв, перитии

улетают прочь на своих могучих крыльях.

…В Равенне, где их недавно видели, говорят, что оперение у них ярко-голубого цвета, и это меня очень удивило, ибо, судя по всем прежним сообщениям, перья у них темно-зеленые».

Хотя приведенные отрывки достаточно подробны, очень жаль, что до наших дней не дошла никакая другая достойная внимания информация о перитиях. Трактат раввина, сохранивший для нас это описание, находился до Второй мировой войны в библиотеке Дрезденского университета. Прискорбно об этом говорить, но затем и этот документ исчез — то ли вследствие бомбардировки, то ли еще прежде был уничтожен при сожжении книг нацистами. Остается надеяться, что придет день, когда появится другой экземпляр этого сочинения и украсит полки какой-нибудь из наших библиотек.

Пигмеи

По представлениям древних народ карликов — двадцати семи дюймов ростом — обитает в горах где-то за пределами Индии или Эфиопии. Плиний утверждает, что они строят свои хижины из грязи, смешанной с перьями и яичной скорлупой. Аристотель поселяет их в подземные пещеры. Для жатвы колосьев они вооружаются топорами, словно собираются рубить лес. Каждый год на них нападают стаи журавлей, гнездовья которых находятся в степях России. Пигмеи, верхом на баранах и козлах, мстят им, уничтожая яйца и гнезда своих врагов. Эти военные походы занимают у них три месяца в году из двенадцати.

Пигмеем называли также карфагенское божество, голову которого, вырезанную из дерева, карфагеняне помещали для устрашения неприятелей как носовое украшение на военных судах.

Повелитель огня и его скакун

Гераклит учит, что первоначальная стихия — огонь, но это вряд ли означает, что возможны существа из огня, существа, изваянные из изменчивой субстанции пламени. Такую почти невообразимую попытку предпринял Уильям Моррис в сказке «Кольцо, подаренное Венере» из его цикла «Земной рай» (1868–1870). Звучит это так:

Он истый был король на первый взгляд —
Корона, скипетр, мантия до пят.
Черты лица величьем поражали
И дивное сиянье излучали.
Но не из плоти, из огня он был,
И лик его ареною служил
Страстям минутным – ярость, скорбь, желанья
Сменялись там, как у земных созданий,
Но во сто крат неистовей, а конь,
Что нес его, был тоже сплошь огонь,

Подобен гиппогрифу иль дракону,
Мчит вихрем пламенным по небосклону,
Как в страшном сне…

Возможно, что вышеприведенные стихи являются отзвуком умышленно двусмысленной персонификации Смерти в «Потерянном рае» (II, 666–673):

Второе существо – когда назвать
Возможно так бесформенное нечто,
Тенеподобный призрак; ни лица,
Ни членов у него не различишь…[104]

[104] Примечания: 104
Перевод А. Штейнберга.

Пожиратель теней

Существует любопытный литературный жанр, спонтанно возникший в разных странах и в разные эпохи. Это — руководство для покойника в его странствии по пределам иного мира. «Небо и земля» Сведенборга, писания гностиков, тибетская книга «Бардо Тёдол» (название которой, согласно Эвансу-Вентцу[105], следует переводить как «Освобождение через выслушивание на посмертной равнине») и египетская «Книга мертвых» не исчерпывают список подобных сочинений. Совпадения и различия в двух последних книгах привлекли внимание эзотерической науки; нам же будет достаточно повторить, что в тибетском руководстве мир иной столь же иллюзорен, как и здешний, меж тем как для египтян он существует реально и объективно.

В обоих текстах есть сцена суда, происходящая перед трибуналом богов, причем у некоторых богов обезьяньи головы; в обоих совершается символическое взвешивание злых и добрых дел.

---

[105] Примечания: 105

Уолтер Йилинг Эванс-Вентц (1878–1965) — английский индолог, исследователь тибетской мистики.

В «Книге мертвых» на чашах весов взвешиваются сердце и перо, «сердце представляет поведение, или совесть, усопшего, а перо — строгость правосудия». В «Бардо Тёдол» на чаши весов помещены белые камешки и черные камешки. У тибетцев есть демоны, или дьяволы, которые ведут осужденных в место очищения в аду; у египтян порочных терзает мрачное чудовище, Пожиратель Теней.

Умерший клянется, что никого не заставил голодать или горевать, никого не убивал и не заставлял других вместо себя убивать, не похищал погребальную пищу, заготовленную для покойников, не пользовался фальшивыми весами, не отнимал молоко от уст ребенка, не сгонял с пастбищ животных, не ловил в силки пташек Божьих.

Если он лжет, тогда сорок два судьи отдают его Пожирателю, «у которого голова крокодила, туловище льва и круп гиппопотама». Пожирателю помогает другое чудище, Бабай, о котором мы знаем только то, что он ужасен и что Плутарх отождествляет его с Титаном, отцом Химеры.

Птица Рух

Птица Рух (или, как ее иногда называют, Рок) — это сильно увеличенный орел или гриф, а некоторые полагают, что ее образ навеян арабам каким-то кондором, заблудившимся над Индийским океаном или Южно-Китайским морем. Лейн эту гипотезу отвергает; по его мнению, мы скорее имеем дело со «сказочным представителем сказочного племени» или же с синонимом для персидского Симурга. Птица Рух известна Западу благодаря «Тысяче и одной ночи». Читатель помнит, что Синдбад (во втором своем путешествии), брошенный своими спутниками на острове, увидел «огромный белый купол, высившийся на фоне неба. Я обошел вокруг него, однако входа не обнаружил и не смог проникнуть в него ни силой, ни хитростью — слишком гладкой и скользкой была его поверхность. Итак, я приметил место, где стоял, и обошел вокруг купола, дабы измерить его окружность, и насчитал добрых полсотни шагов».

Немного спустя большая туча закрыла солнце, и Синдбад, «подняв голову… увидел, что это было

не облако, а огромная птица гигантского размера и с необычайно огромным размахом крыльев…»

То была птица Рух, а белый купол, разумеется, был ее яйцом. Синдбад привязывает себя тюрбаном к ноге птицы и на следующее утро взмывает с нею ввысь, а затем, отвязавшись, остается на вершине горы, причем Рух ничего этого не замечает. Рассказчик прибавляет, что Рух питается змеями, да такими огромными, что они могли бы зараз проглотить слона.

В «Путешествиях» Марко Поло (III, 36) мы читаем:

«Жители острова (Мадагаскара) сообщают, что в определенную пору года из южных краев прилетают удивительные птицы, которых они называют „рух“. С виду, говорят, они напоминают орла, только размерами куда огромней; они так громадны и могучи, что лапами своими хватают слона и поднимают его в воздух, а поднявши, бросают на землю, дабы его убить и потом расклевать вплоть до костей. Люди, видевшие эту птицу, утверждают, что крылья ее в развороте достигают с края до края шестнадцати шагов, а перья имеют в длину восемь шагов и соответственную ширину».

Марко Поло прибавляет, что китайские по-

слы, возвратясь, доставили Великому Хану перо птицы Рух. На персидской иллюстрации в книге Лейна изображена птица Рух, несущая в клюве и в лапах трех слонов, «соотносящихся с нею по размерам, как полевые мыши и сокол», замечает Бёртон.

Птица Феникс

В монументальных изваяниях, каменных пирамидах и захороненных мумиях египтяне стремились обрести вечность; вполне закономерно, что именно в их стране должен был возникнуть миф о циклически возрождающейся, бессмертной птице, хотя последующая разработка мифа совершена греками и римлянами. Адольф Эрман[106] пишет, что в мифологии Гелиополиса Феникс (enu) — это покровитель юбилеев, или больших временны́х циклов. Геродот в знаменитом пассаже (II, 73) излагает с подчеркнутым скептицизмом первоначальную версию легенды:

«Есть там другая священная птица, имя ей Феникс. Сам я никогда ее не видел, кроме как нарисованной, ибо в Египте она появляется редко, один раз в пятьсот лет, как говорят жители Гелиополиса. По их словам, она прилетает, когда умирает ее отец. Ежели изображения верно показывают ее размеры и величину и наружность, оперение у нее частью золотистое, частью красное. Облик ее и размеры напоминают орла.

---

[106] Примечания: 106
Адольф Эрман (1854–1937) — немецкий египтолог.

Египтяне рассказывают о повадках этой птицы целую историю, которой я не верю. Прилетает она, как они говорят, из Аравии, неся тело своего отца, облепленное миррой, и там его хоронит. А несет она тело отца следующим образом: сперва лепит яйцо из мирры, по величине такое, чтобы ей было под силу его нести, все время пробуя его на вес и приподнимая, затем выгребает из него середину и закладывает туда тело отца, которое сверху залепляет комками мирры, пока вес яйца вместе с трупом не сравняется с прежним его весом; затем, залепив отверстие, несет яйцо в храм Солнца в Египте. Так рассказывают об этой птице и ее делах».

Лет через пятьсот Тацит и Плиний подхватили чудесную историю; первый справедливо отметил, что всякая древность темна, но преданием установлен между появлением Феникса промежуток в 1461 год («Анналы», IV, 28). Плиний также занимался хронологическими характеристиками Феникса; он пишет, что, согласно Манилию[107], продолжительность жизни этой птицы совпадает с Платоновым, или Великим, годом. Платонов год — это период, за который Солнце, Луна и пять

[107] Примечания: 107

Манилий (I в. до н. э.) — римский поэт, под его именем дошла описательная поэма II в. «Астрономия».

планет возвращаются в первоначальное положение; Тацит в «Диалоге об ораторах» определяет его как 12 994 обычных года. Древние верили, что по прошествии этого огромного астрономического цикла мировая история повторится во всех подробностях, ибо повторятся влияния планет; таким образом, Феникс становится как бы символом или образом Вселенной. Для большего сходства между космосом и Фениксом можно отметить, что, по учению стоиков, мир погибает в огне и возрождается в огне и что этому циклу нет начала и не будет конца.

Со временем механизм рождения Феникса упростился. Геродот говорит о яйце, а Плиний — о червяке, однако поэт Клавдиан в конце четвертого века уже прославляет бессмертную птицу, возрождающуюся из собственного пепла, наследницу себя самой и свидетеля многих веков.

Немного найдется мифов столь распространенных, как миф о Фениксе. К уже упомянутым авторам можно прибавить Овидия («Метаморфозы», XV), Данте («Ад», XXIV), Пельисера («Феникс и его естественная история»), Кеведо («Испанский Парнас», VI) и Мильтона («Самсон-борец», in

fine[108]), Шекспир в заключении «Генриха VIII» (V, 5) написал следующие прекрасные строки:

> *Как девственница-Феникс, чудо-птица,*
> *Себя сжигая, восстает из пепла*
> *Наследником, прекрасным, как сама...*[109]

Можно также упомянуть латинскую поэму «De Ave Phenice»[110], которую приписывали Лактанцию[111], и англосаксонское подражание этой поэме, датируемое восьмым веком. Тертуллиан, св. Амвросий и Кирилл Иерусалимский[112] приводили Феникса как доказательство воскресения во плоти. Плиний высмеивает врачей, которые прописывают снадобья, изготовленные из гнезда и пепла Феникса.

---

[108] Примечания: 108
В конце *(лат.)*.

[109] Примечания: 109
Перевод Б. Томашевского.

[110] Примечания: 110
«О птице Фениксе» *(лат.)*.

[111] Примечания: 111
Лактанций Целий Фирмиан (240–320) — латинский поэт и прозаик, христианский апологет, родом из Африки (по другим сведениям — из Италии), ученик Арнобия. Автор трактатов «О творении Божием» (304), «Божественные установления» (304–311) и др.

[112] Примечания: 112
Кирилл Иерусалимский (ок. 315–387) — христианский проповедник и

писатель, один из Отцов Церкви.

Ремора

«Ремора» на латинском языке означает «отсрочка» или «помеха». Таково точное значение слова, которым в фигуральном смысле называют Echeneis, породу присасывающихся рыб, веря в то, что они, прилипая к судну, способны остановить его. Ремора — это рыба пепельного оттенка, на верхушке головы у нее хрящевый диск, в котором создается вакуум, что дает ей возможность присасываться к другим подводным существам. Вот как Плиний излагает ее свойства (IX, 25):

«Существует маленькая рыбешка, обычно водится она возле скал и называется эхенеис; люди полагают, что, когда она присасывается к находящемуся в воде килю корабля, корабль замедляет ход; поэтому ее так назвали; и также по этой причине у нее дурная слава, ибо она приносит неудачу в любовных делах, ибо ею околдовывают и мужчин и женщин и лишают их любовного пыла и страсти; также вредит она в делах судейских, затягивая решение дела и судебное разбирательство. Но оба эти дурные действия и оттяжки она возмещает одним благим и полезным качеством:

когда ее прикладывают к животу беременной женщины, она задерживает опасный прилив в матке и удерживает ребенка до полного срока родов; тем не менее мясо ее не разрешается употреблять в пищу. Аристотель полагает, что у нее множество ног, потому что ее густые плавники похожи на ножки».

Здесь и далее Плиний описывает мурекс, разновидность пурпуровой улитки, о которой также существует поверье, будто она останавливает корабли на полном ходу; затем, возвращаясь к «останавливающей суда эхенеис», он сообщает, что «она имеет в длину одну пядь, толщиною в пять пальцев и часто останавливает суда. И более того, засоленная, она обладает свойствами доставать золото, упавшее в колодец или источник, как бы они ни были глубоки, ежели ее туда опустить, чтобы она присосалась».

Любопытно, как замедление хода судов привело по ассоциации к затягиванию судебного процесса, а затем к задерживанию родов. В другом месте Плиний рассказывает, что ремора в сражении при Акции решила судьбу Римской империи, остановив галеру, на которой Марк Антоний делал смотр своего флота, и что другая ремора, несмотря на все усилия четырехсот греб-

цов, остановила корабль Калигулы. «Пусть ветры дуют изо всей силы, пусть ливни и бури бушуют как только могут, — восклицает Плиний, — однако маленькая эта рыбешка господствует над их яростью, сдерживает их могущество и посрамляет их силу, как бы ни была она велика, — на что не способны ни самые толстые и прочные канаты, ни самые тяжелые и громоздкие якоря, как бы глубоко и неподъемно они ни закрепились».

«Величайшая мощь не всегда побеждает. Маленькая ремора может остановить корабль», — повторяет изящный испанский писатель Диего де Сааведра в своих «Политичных эмблемах» (1640).

Саламандра

Это не только маленький дракон, живущий в огне, но также (согласно одному словарю) «насекомоядная лягушка с густо-черной гладкой кожей, усеянной желтыми пятнами». Из этих двух ипостасей более известна легендарная, посему никого не удивит, что она включена в эту книгу.

В книге X «Естественной истории» Плиний утверждает, что «саламандра столь холодна, что, ежели хоть прикоснется к пламени, оно тотчас погаснет, словно бы в него положили кусок льда»; в другом месте он опять говорит о ней, скептически замечая, что будь верно то, что колдуны приписывают саламандре, ею бы пользовались для тушения пожаров. В книге XI он пишет о четвероногом крылатом насекомом, называемом «пирралис», или «пирауста», которое «живет на Кипре в кузницах и медеплавильнях… (и вылетает) прямо из огня»; а ежели очутится в воздухе и хоть немного пролетит, то падает замертво. В памяти человеческой саламандра стала воплощением этого ныне позабытого существа.

Богословы приводили Феникса как доказательство воскресения во плоти и саламандру — как пример того, что живые существа могут обитать в огне. В книге XI «Града Божьего» Блаженного Августина есть глава с названием «Могут ли земные существа существовать в огне», и начинается она так:

«Что же должен я сказать недоверчивым в подтверждение того, что живое, из плоти состоящее тело может, не разрушаясь, устоять и противу смерти, и противу вечного огня. Им недостаточно того, что мы приписываем сие чудо всемогуществу Господа, они требуют, чтобы мы это доказали каким-нибудь примером. Мы им ответим, что есть существа по сути своей тленные, ибо они смертны, и однако они живут в огне, оставаясь невредимыми».

Также поэты прибегают к образам саламандры и Феникса как средствам поэтического преувеличения. Кеведо в сонетах четвертой книги «Испанского Парнаса», где «прославляются подвиги любви и красоты», пишет:

Hago verdad la Fenix en la ardiente
Leama, en que renaciendo me renuevo;
Y la virilidad del fuego pruebo,

Y que es padre y que tieno descendiente.
La Salamandra fria, que desmiente
Noticia docta, a defender me atrevo,
Cuando en incendios, que sediento bebo,
Mi corazón habita y no los siente[113].

В середине двенадцатого века по всей Европе распространялось подложное послание, якобы адресованное протопресвитером Иоанном, Царем Царей, византийскому императору. В послании этом, представляющем собой перечень чудес, говорится о гигантских муравьях, добывающих из земли золото, о некоей Реке из Камней, о Море из Песка с живущими в нем рыбами, о гигантском зеркале, отражающем все происходящее в государстве, о скипетре, выточенном из цельного изумруда, о камешках, делающих человека невидимым или светящимся в темноте. В одном из

---

[113] Примечания: 113

Я, точно Феникс, яростным объят
Огнем, и в нем, сгорая, возрождаюсь,
И в силе мужеской его я убеждаюсь,
Что он отец, родивший многих чад,
И саламандры пресловутой хлад
Его не гасит, честью в том ручаюсь.
Жар сердца моего, в котором маюсь,
Ей нипочем, хоть мне он сущий ад (исп.).

абзацев сказано: «В нашем краю водится червь, называемый „саламандра“. Саламандры живут в огне и делают коконы, которые затем придворные дамы разматывают и ткут из нитей белье и одежды. Чтобы очистить эти ткани, их бросают в огонь».

Об этих несгораемых полотнах, или тканях, очищаемых в огне, есть упоминание у Плиния (XIX) и у Марко Поло (I, 39). Поло утверждал, что саламандра — это не животное, но субстанция. Сперва никто ему не верил; ткани, изготовленные из асбеста, продавали под видом саламандровой кожи, и они были неоспоримым доказательством существования саламандры.

Бенвенуто Челлини на страницах своего «Жизнеописания» вспоминает, что в пятилетнем возрасте видел, как в огне резвилось маленькое существо, похожее на ящерицу. Он рассказал об этом отцу, и тот ответил, что это саламандра, и знатно отколотил сына, дабы удивительное видение, редко доступное людям, навсегда запечатлелось в памяти мальчика.

Для алхимиков саламандра была духом стихии огня. При таком толковании, подкрепленном рассуждением Аристотеля, которое сохранил для нас Цицерон в первой книге трактата «О природе

богов», становится понятно, почему люди верили в легендарную саламандру. Сицилийский врач Эмпедокл из Агригента сформулировал теорию четырех «корней», или стихий, противоположность и сродство коих под действием Вражды и Любви составляют сущность истории космоса. Смерти нет, есть лишь частицы «корней», которые римляне позднее назовут «элементами» и которые либо разъединяются, либо соединяются. Эти «корни» — огонь, земля, воздух и вода. Они вечны и все равны по своей силе. Теперь мы знаем (думаем, что знаем), что это учение ложно, но в прежние времена люди верили в его истинность, и принято считать, что в целом оно было полезно. Теодор Гомперц писал:

«У четырех стихий, которые составляют и поддерживают мироздание и еще продолжают жить в поэзии и в народной фантазии, — долгая и славная история». Система эта требовала равенства стихий: коль есть животные земные и водяные, должны существовать животные, обитающие в огне. Для престижа науки требовалось, чтобы существовали саламандры. В том же духе Аристотель говорит о животных, обитающих в воздухе.

Леонардо да Винчи полагал, что саламандры питаются огнем и таким способом обновляют

свою кожу.

Саратан

Существует легенда, обошедшая все страны и все эпохи, — рассказ о моряках, причаливших к неизвестному острову, который затем погружается в море и топит их, ибо этот остров — живое существо. Вымысел этот мы находим в первом путешествии Синдбада и в песни VI, строфе 37 «Неистового Роланда» («H'ella sia una isoletta ci credemo» — «Мы думали, что это маленький островок»); в ирландской легенде о святом Брендане[114] и в греческом Александрийском бестиарии; в «Historia de Gentius Septentrionalis»[115] (Рим, 1555), написанной шведским священником Олавом Магнусом[116], и в следующем пассаже в начале «Потерянного рая», где Сатана, его «чудовищное тело, по длине Титанам равное»,

---

[114] Примечания: 114

Святой Брендан (V–VI вв.) — ирландский церковный деятель, герой позднейших легенд и литературы (латинская поэма X в. «Плавание Брендана»).

[115] Примечания: 115

«История северных народов» *(лат.).*

[116] Примечания: 116

Олав Магнус (1490–1558) — шведский католический священник и писатель, изгнанник в Риме, автор «Истории народов Севера» (1555).

сравнивается с китом:

Как великан морей – Левиафан,
Когда вблизи норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнется морю поутру, —
Так Архивраг разлегся на волнах…[117]

Парадоксальным образом одна из самых ранних версий этой легенды приводилась с целью ее опровергнуть. Ее записал в «Книге Животных» Аль Джахиз[118], мусульманский зоолог девятого века. Приводим его текст по испанскому переводу Мигеля Асина Паласиоса:

«Что до саратана, я никогда не встречал человека, который бы видел его собственными глазами.

Некоторые моряки утверждают, что им приходилось плавать у морских берегов, на которых они видели лесистые долины и расщелины в

[117] Примечания: 117
Перевод А. Штейнберга.

[118] Примечания: 118
Аль Джахиз (775–868) — арабский писатель, ученый и богослов.

скалах, и они причаливали, чтобы развести костер, и, когда жара проникала до хребта саратана, зверь этот начинал погружаться в воду вместе с людьми, которые на нем находились, и со всеми росшими на нем растениями, так что лишь те, кто умел плавать, спасались. Это превосходит самые смелые, самые причудливые измышления фантазии».

А теперь посмотрим текст Аль Казвини, персидского космографа, писавшего по-арабски. Взят этот текст из его труда, озаглавленного «Чудеса творения», и гласит он следующее:

«Что до морской черепахи, то она столь огромна, что люди на кораблях принимают ее за остров. Один купец рассказывал такое:

— Плавая по морю, мы обнаружили остров, поросший зеленью, и причалили к берегу и выкопали ямы, чтобы развести огонь и сварить пищу, как вдруг остров заколыхался и моряки сказали: „Скорей назад на корабль! Это черепаха! Жар огня разбудил ее, мы здесь погибнем!“»

Эта история повторяется в «Плаванье по морю» св. Брендана:

«И тогда они поплыли дальше и вскорости подошли к этому острову; у берега места были неглубокие, и кое-где торчали небольшие скалы,

но наконец они нашли заливчик, который им показался удобным, и развели там костер, чтобы приготовить обед, а св. Брендан еще оставался на корабле. И когда костер хорошенько разгорелся и мясо начало поджариваться, островок зашевелился; перепуганные монахи бегом вернулись на корабль, оставив и костер, и варившуюся еду, и очень дивились этому движению острова. И св. Брендан их успокоил, сказав, что это большая рыба, называемая „джаскони“, которая ночью и днем старается ухватить пастью свой хвост, но из-за того, что она так огромна, не может это сделать».

В англосаксонском бестиарии «Эксетерской книги» опасный остров — это «искусный в коварстве» кит, который умышленно обманывает мореплавателей. Они устраиваются на его спине, чтобы отдохнуть после трудов в море, и тут Дух Океана внезапно опускается в воду и топит людей. В греческом бестиарии кит — воплощение блудницы из Притчей Соломоновых: «Ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней»; в англосаксонском бестиарии он символизирует Дьявола и Зло. Такое же символическое значение он имеет в «Моби Дике», сочиненном через десять веков.

Сатиры

Так называли их греки; в Риме их именовали фавнами, панами и сильванами. Книзу от пояса они козлы; туловище, руки и голова — человечьи. У них густая шерсть, короткие рожки, остроконечные уши, быстрые глаза и крючковатый нос. Они похотливы и обожают вино. Сатиры сопровождали Вакха в его разгульном и бескровном покорении Индии. Они устраивали засады для нимф, любили плясать, играть на флейте. Сельский люд почитал их, принося им первинки урожая. Им также приносили в жертву ягнят.

В эпоху Древнего Рима один из этих полубогов был захвачен во время сна в его пещере в Фессалии солдатами Суллы, которые привели его к своему военачальнику. Сатир издавал нечленораздельные звуки и был так отвратителен своим видом и запахом, что Сулла сразу же велел отпустить его обратно в горы.

Воспоминание о сатирах жило в средневековом образе чертей. Слово «сатира» как будто никак не связано с «сатиром»; большинство этимологов возводят «сатиру» к «satura lanx» — блюду,

состоящему из смеси; отсюда литературное произведение смешанного жанра, вроде сочинений Ювенала.

Сведенборговы ангелы

Последние двадцать пять лет своей жизни, посвященной науке, знаменитый философ и ученый Эмануэль Сведенборг (1688–1772) жил в Лондоне. Но поскольку англичане не слишком словоохотливы, он приобрел привычку беседовать с демонами и с ангелами. Бог даровал ему возможность посетить Тот Свет и ознакомиться с жизнью его обитателей. Христос говорил, что попасть на небеса могут лишь души людей праведных. Сведенборг к этому прибавил, что они также должны быть разумными; позже Блейк высказал мнение, что это должны быть художники и поэты. Ангелы Сведенборга и есть души, избравшие небесную обитель. Они не нуждаются в словах — ангелу достаточно подумать о другом ангеле, и тот оказывается рядом с ним. Пара влюбленных здесь, на земле, становится на небе одним ангелом. Миром ангелов правит любовь, каждый ангел — сам по себе рай. Облик ангела — это облик совершенного человека, облик рая — таков же. В каком бы направлении ни обратил ангел свой взор, он всегда лицом к лицу с Богом.

А главное — они прорицатели; самое большое их удовольствие — это молитва и решение богословских проблем. Дела земные суть лишь символы дел небесных. Солнце — лик Божества. На небесах время не существует, облик райских существ меняется согласно настроению. Одеяния ангела сияют соответственно возвышенности его ума. Души богатых богаче, чем души бедных, ибо богатые привычны к роскоши. На небесах все предметы, вся обстановка и города более телесны и более сложного состава, чем на земле, цвета более разнообразны и ярки. Ангелы английской породы выказывают склонность к политике, евреи — к продаже безделушек, а немцы носят с собой пухлые тома, куда заглядывают, прежде чем решиться дать ответ. Поскольку мусульмане почитают Мухаммеда, Бог снабдил их ангелом, воплощающим Пророка. Нищие духом и отшельники к утехам небесным не допускаются, ибо не способны ими наслаждаться.

Сведенборговы демоны

В сочинениях знаменитого шведского визионера восемнадцатого века мы читаем, что демоны, подобно ангелам, не особые существа, они человеческой породы. Это те люди, которые после смерти избрали ад. Там, в краю болот, безлюдных пустынь, непроходимых лесов, уничтоженных огнем городов, борделей, мрачных вертепов, они особого счастья не испытывают, однако в раю они были бы еще более несчастны. Временами с горних высот на них падает луч небесного света; он жжет демонов, им больно, им кажется, что он источает зловоние. Каждый из демонов мнит себя красавцем, однако у многих звериные морды или же вместо лиц бесформенные куски мяса. Они живут в состоянии взаимной ненависти и вооруженного насилия, и если сходятся вместе, то лишь ради того, чтобы сговориться против кого-то из них или кого-нибудь уничтожить. Бог запретил людям и ангелам рисовать карту ада, однако мы знаем, что очертаниями своими ад подобен фигуре Сатаны, равно как очертания рая подобны фигуре Ангела. Самые мерзкие и прокля-

тые области ада находятся в западной стороне.

Свинья в оковах и другая аргентинская фауна

На странице 106 своего «Словаря аргентинского фольклора» Феликс Колуччо[119] пишет:

«В северной части провинции Кордовы, особенно вблизи Килиноса, народ верит в существование свиньи в оковах, которая, мол, обычно появляется в ночные часы. Люди, живущие вблизи железнодорожной станции, утверждают, будто эта свинья скользит по рельсам, другие говорят, будто она иногда бегает по телеграфным проводам, оглушительно грохоча своими „цепями“. Однако никто в глаза не видел это животное — как только вы попытаетесь на него взглянуть, оно странным образом исчезает.

Поверье о свинье в оковах („chancha con cadenas“), которая также известна под названием „жестяная свинья“ („chancha de lata“), бытует также в провинции Буэнос-Айрес, в прибрежных трущобах и поселках.

В Аргентине существуют два варианта обо-

[119] Примечания: 119

Феликс Колуччо (1911–2005) — аргентинский фольклорист и лексикограф.

ротня. Один из них, распространенный также в Уругвае и на юге Бразилии, — это „lobisón“[120]. Но поскольку в этих краях волки не водятся, то, согласно поверью, люди принимают облик свиньи или собаки. В некоторых селениях провинции Энтре-Риос девушки чураются парней, живущих вблизи скотопригонных дворов, — считают, что в субботние ночи эти парни превращаются в вышеупомянутых животных. В центральных провинциях идет слух о „tigre capiango“. Этот зверь — не ягуар, а человек, который может по своему желанию принимать облик ягуара. Обычно он это делает с целью в духе сельской шутки попугать друзей, однако этим приемом пользуются также разбойники с большой дороги. Во время гражданских войн прошлого века верили, что у генерала Факундо Кироги есть целый полк „капианго“».

[120] Примечания: 120
От испанского lоо — волк.

Сильфы

Каждому из четырех «корней», или стихий, на которые греки разделяли материю Вселенной, были впоследствии приписаны свои особые духи. В шестнадцатом веке швейцарский алхимик и врач Парацельс дал им имена: гномы — духи земли, нимфы — воды, саламандры — огня и сильфы, или сильфиды, — воздуха. Все эти названия — греческого происхождения. Французский филолог Литтре[121] возводил этимологию слова «сильфа» к кельтским языкам, однако весьма невероятно, чтобы Парацельс, давший это название, имел о них какое-либо понятие.

Ныне уже никто не верит в сильф, но слово это употребляется как довольно банальный комплимент стройной молодой женщине. Сильфы занимают промежуточное место между сверхъестественными и естественными существами; о них не забывали романтические поэты и балет.

---

[121] Примечания: 121

Эмиль Литтре (1801–1881) — французский филолог, философ-позитивист, составитель фундаментального «Словаря французского языка» (1863–1873).

Симург

Симург — бессмертная птица, гнездящаяся в ветвях Древа Познания; Бёртон сравнивает ее с орлом, который, согласно «Младшей Эдде», всеведущ и вьет свое гнездо в ветвях Вселенского Древа Игдрасиль. В «Талаба» (1801) Саути и в «Искушениях святого Антония» (1874) Флобера упоминается Симорг Анка; Флобер низводит его до положения слуги царицы Савской и описывает как птицу с оранжевыми перьями, напоминающими металлическую чешую, с небольшой серебристой головой и человеческим лицом, четырьмя крыльями, ястребиными лапами и очень длинным павлиньим хвостом. В первоисточниках Симург — куда более важная особа. Фирдоуси в «Книге о царях», где собраны и переложены в стихах древние иранские легенды, называет его приемным отцом Заля, отца героя его поэмы; в двенадцатом веке Фаридаддин Аттар делает его символом божества. Это изложено в «Мантик аль-Тайр» («Беседе птиц»). Содержание аллегории, состоящей примерно из 4500 двустиший, прелюбопытно. Обитающий в дальних краях царь

птиц Симург роняет одно из своих великолепных перьев где-то в центре Китая; узнав об этом, другие птицы, которым надоели царящие среди них раздоры, решают его отыскать. Они знают, что имя царя означает «тридцать птиц»; знают, что его дворец находится на горе, или горной гряде, Каф, кольцом окружающей землю. Вначале некоторые птицы выказывают малодушие: соловей ссылается на свою любовь к розе; попугай — на свою красоту, ради которой ему надо жить в клетке; куропатка не может расстаться со своим гнездом среди холмов, цапля — с болотами, сова — с развалинами. Но в конце концов они пускаются в это опасное путешествие и преодолевают семь долин или морей; название предпоследнего из них — «Головокружение», последнего — «Уничтожение». Многие из паломников дезертируют, кое-кто из оставшихся погибает. Тридцать же, благодаря страданиям достигших очищения, добираются до высокой горы Симурга. Наконец они его обрели, и тут они осознают, что они-то и есть Симург и что «Симург» — это каждая из них и все они вместе.

Эдвард Фитцджеральд перевел фрагменты этой поэмы под шутливым названием «Птичий парламент; вид с птичьего полета на „Беседу птиц“

Фаридаддина Аттара».

Космограф Аль Казвини в своих «Чудесах творения» утверждает, что Симорг Анка живет тысячу семьсот лет и что, когда у него подрастает сын, отец сжигает себя на погребальном костре. «Это напоминает нам, — говорит Лейн, — легенду о Фениксе».

Сирены

С течением времени образ сирен менялся. Первый их историк, Гомер, в двенадцатой песни «Одиссеи» не описывает их наружность; у Овидия это птицы с красноватым оперением и лицами юных дев; у Аполлония Родосского они кверху от пояса женщины, а нижняя часть туловища у них как у морских птиц; у испанского драматурга Тирсо де Молины (и в геральдике) они «полуженщины-полурыбы». Не менее спорен и их характер: Ламприер в своем классическом словаре называет их нимфами; в словаре Кишера они чудовища, а в словаре Грималя — демоны. Живут они на каком-то западном острове, вблизи острова Кирки, однако мертвое тело одной из них, Партенопы, было прибито волнами к берегу Кампаньи и дало имя славному городу, ныне называемому Неаполь. Географ Страбон видел ее могилу и наблюдал игры, периодически справлявшиеся в ее память.

В «Одиссее» говорится, что сирены завлекают моряков и топят суда и что Улисс, дабы слышать их пенье и все же остаться живым, заткнул уши

своим спутникам воском, а себя приказал привязать к мачте. Сирены, соблазняя его, обещали ему всеведение:

Здесь ни один не проходит с своим кораблем
мореходец,
Сердце усладного пенья на нашем лугу
не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается,
многое сведав,
Знаем мы все, что случилось в троянской
земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян
и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли благодатной
творится.

(XII, 187–191)

В одной легенде, записанной знатоком мифологии Аполлодором в его «Библиотеке», говорится,

что Орфей на корабле аргонавтов пел слаще, чем сирены, и по этой причине сирены побросались в море и были превращены в скалы, ибо им было суждено умереть, когда их чары окажутся бессильными. Также и сфинкс, когда его загадку отгадали, бросился в пропасть.

В шестом веке в северном Уэльсе поймали сирену и окрестили ее, и в некоторых старинных календарях она значится как святая под именем Мерджен. Другая сирена в 1403 году проскользнула через брешь в плотине и жила в Гарлеме до самой своей смерти. Ее речей никто не мог понять, однако она научилась ткать и как бы инстинктивно поклонялась кресту. Некий хронист шестнадцатого века утверждает, что она не была рыбой, ибо умела ткать, и не была женщиной, ибо могла жить в воде.

В английском языке различается классическая сирена и русалка с рыбьим хвостом. На создание образа русалки, возможно, повлияли тритоны, младшие божества в свите Посейдона.

В десятой книге «Республики» Платона восемь сирен управляют движением восьми концентрических небесных сфер.

В одном грубо откровенном словаре мы читаем: «Сирена — вымышленное морское животное».

Сквонк (Lacrimacorpus dissolvens)

[122]

Область распространения сквонка весьма ограниченна. За пределами Пенсильвании лишь немногие когда-либо слышали об этом странном существе, которое, говорят, обитает в хвойных лесах этого штата. Сквонк весьма склонен к уединению и обычно выходит бродить в сумерки и в темноте. У него никуда не годная кожа, вся покрытая родинками и бородавками, поэтому он ужасно несчастлив; по словам людей, чьему суждению можно доверять, это самая болезненная из всех тварей. Искусные охотники могут найти сквонка по его усеянному слезами следу, ибо это животное беспрестанно плачет. Когда оно загнано в угол и бегство для него невозможно или когда его захватят врасплох или напугают, оно даже может раствориться в слезах. Охота на сквонка бывает всего удачней в морозные лунные ночи, когда слезы у него капают не так

[122] Примечания: 122

Шуточное латинское обозначение, примерно: «слезнотело растворяющееся».

обильно и сам сквонк неохотно выходит из укрытия; тогда можно услышать, как он плачет под сенью хвойных деревьев. У мистера Дж. Ф. Уэнтлинга[123], прежде жившего в Пенсильвании, а теперь проживающего в Сент-Антони-Парк в штате Миннесота, была весьма неудачная встреча со сквонком в районе Монт-Альто. Он сумел хитро заманить сквонка, подражая его плачу, и заставил его залезть в мешок, который и понес домой, но вдруг он ощутил, что ноша его стала легче и плач прекратился. Уэнтлинг развязал мешок, заглянул внутрь. Там были только слезы да пузыри.

Уильям Т. Кокс[124].

Странные существа лесных чащ,
а также некоторые звери пустынь и гор

---

[123] Примечания: 123
Джон Филип Уэнтлинг (1878–?) — американский дендролог.

[124] Примечания: 124
Уильям Томас Кокс (1878–1961) — американский натуралист.

Слон, предсказавший рождение Будды

За пятьсот лет до христианской эры царице Майе привиделся сон, будто в нее вошел белый слон, обитавший на Золотой Горе. У этого возникшего во сне животного было шесть клыков. Царские прорицатели предсказали, что царица произведет на свет мальчика, который станет либо владыкой мира, либо спасителем человечества. Как всем известно, сбылось второе.

В Индии слон — домашнее животное. Белый цвет означает смирение, а число шесть — священное и соответствует шести измерениям пространства: вверх, вниз, вперед, назад, налево, направо.

Стоглав

Стоглав — это рыба, порожденная сотнею бранных слов, произнесенных в течение жизни, во всем остальном безупречной. В одной китайской биографии Будды рассказывается, что он как-то повстречал рыбака, тащившего из воды сеть. С большим трудом рыбак выволок на берег огромную рыбу, у которой были головы обезьяны, собаки, лошади, лисы, свиньи, тигра и так далее — всего сто голов.

— Ты Капила[125]? — спросил Будда у рыбы.

— Да, это я, — ответил стоглав и испустил дух.

Будда объяснил своим ученикам, что в предыдущем воплощении Капила был брахманом, который стал монахом и был непревзойденным знатоком священных книг. Когда его собратья и ученики неправильно читали какое-либо слово, Капила имел обыкновение обзывать их «обезьянья голова», «собачья голова», «лошадиная голова» и тому подобное. После его смерти по закону кармы он из-за столь многих бранных слов

[125] Примечания: 125

Капила (VI в. до н. э.) — индийский мыслитель, основатель философской школы санкхья, ставший легендарным образом мудреца.

должен был воплотиться в морское чудовище, обремененное всеми теми головами, которыми он награждал своих собратьев-монахов.

Существо, придуманное К. С. Льюисом

Медленно, пошатываясь, производя какие-то неестественные, нечеловеческие движения, в свете костра появилась ползущая по полу пещеры человеческая фигура. И все же это, конечно, был Нечеловек: он волочил сломанную ногу, нижняя челюсть его отвисала, как у трупа, и вдруг он поднялся и принял стоячее положение. И тогда за его спиною появилось из темной дыры еще что-то. Сперва выдвинулось нечто похожее на ветви дерева, затем показались семь или восемь огоньков, расположенных несимметрично, как в созвездии. Затем стала видна некая цилиндрическая масса, отражавшая багровые отсветы, словно она была полированная. Сердце нашего героя оборвалось, когда эти ветви вдруг превратились в длинные, гибкие щупальца, а огненные точки — в глаза, светящиеся в голове, а темная масса позади них оказалась громоздким цилиндрическим телом. От него исходили жуткие, угловатые многосуставчатые ноги, и, когда наш герой уже думал, что видит чудовище целиком, за ним

показалось другое чудовище, а там и третье. Все существо состояло из трех частей, соединенных так, как осиная талия, перемычками, — все три части были сложены как-то неровно; казалось, будто их просто кое-как составили; это огромное, многоногое, колышущееся безобразное нечто расположилось за спиной Нечеловека, и гигантские жуткие тени их обоих отплясывали на каменной стене позади них кошмарный, угрожающий танец.

К. С. Льюис

Сфинкс

Египетские изваяния сфинксов (Геродот называет их андросфинксами, то есть мужесфинксами, чтобы отличить их от греческого сфинкса) — это лежащий лев с головой человека; он был стражем храмов и гробниц и, как говорят, должен был воплощать царскую власть. У других сфинксов в залах Карнака голова барана, священного животного Амона. Ассирийцы изображали сфинкса с головой бородатого человека в короне; такое изображение обычно на персидских геммах. Плиний в своем перечне эфиопских животных называет сфинкса, однако сообщает о нем лишь то, что они там широко распространены и что у них «рыжевато-бурая шерсть (и) на груди есть сосцы».

У греческого сфинкса женская голова и грудь, птичьи крылья, туловище и лапы львиные. Иногда его наделяют головой собаки и хвостом змеи. Есть предание, что он истреблял жителей Фив, загадывая загадки (ибо он говорил человечьим голосом), и пожирал всякого, кто не мог их отгадать. Эдипа, сына Иокасты, сфинкс спросил:

«У кого четыре ноги, две ноги и три ноги, и чем больше ног, тем он слабее?» (Так гласит, вероятно, древнейшая версия. Со временем ее снабдили метафорой, изображающей жизнь человека как один день. Теперь вопрос звучит иначе: «Какое животное ходит на четырех ногах утром, на двух в полдень и на трех вечером?») Эдип ответил, что это человек, который, будучи ребенком, ползает на четвереньках; став взрослым, ходит на двух ногах, а в старости опирается на посох. Когда загадка была разгадана, сфинкс бросился с утеса.

Де Куинси в 1849 году предложил другое толкование, которое дополняет традиционное. Субъект загадки, по мнению его, не столько человек вообще, сколько сам индивидуум Эдип, осиротевший и беспомощный в младенчестве, одинокий в зрелом возрасте и опирающийся на Антигону в безнадежной, слепой старости.

Сцилла

Прежде чем стать чудовищем и обратиться в скалу, Сцилла была нимфой, которую полюбил Главк, один из морских богов. Дабы ее покорить, Главк обратился за помощью к Кирке, которая славилась знанием трав и волшебства. Однако Кирка сама влюбилась в Главка, да только никак не могла заставить его забыть Сциллу. И чтобы наказать соперницу, она вылила сок ядовитой травы в источник, в котором нимфа купалась. Далее, по словам Овидия («Метаморфозы», XIV, 59–67),

Сцилла пришла и до пояса в глубь
погрузилась затона, —
Но неожиданно зрит, что чудовища некие
мерзко
Лают вкруг лона ее. Не поверив сначала,
что стали
Частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится

Песьих дерзостных морд, – но в бегство

с собою влечет их,

Щупает тело свое, и бедра, и икры, и стопы, —

Вместо знакомых частей обретает лишь

пастьи собачьи.

Все – лишь неистовство псов; промежности

нет, но чудовищ

Спины на месте ее вылезают из полной утробы[126].

Она чувствует, что стоит на двенадцати ногах, что у нее шесть голов и в каждой голове три ряда зубов. Такая метаморфоза настолько ее устрашила, что Сцилла бросилась в пролив, разделяющий Италию и Сицилию, где боги превратили ее в скалу. Когда во время бури ветер загоняет суда в каменистые расщелины скалы, моряки, по их словам, слышат доносящийся оттуда жуткий рев.

Эту легенду можно также найти у Гомера и у Павсания.

---

[126] Примечания: 126
Перевод С. Шервинского.

Талос

Самые ужасающие создания фантастической зоологии — это живые существа из металла или камня. Таков яростный бык с медными ногами и рогами, изрыгавший пламя, которого Ясон с помощью волшебницы Медеи запряг в плуг; одушевленная статуя из чувствующего мрамора у Кондильяка; лодочник в «Тысяче и одной ночи», «медный человек со свинцовой табличкой на груди, испещренной талисманами и цифрами», который спас третьего Каландара из Магнитной Горы; «девы из мягкого серебра или из ярого золота»[127], которых в мифологии Уильяма Блейка богиня поймала в шелковую сеть для утехи своего возлюбленного; металлические птицы, выкормившие Ареса.

К этому перечню можно еще добавить тягловое животное, проворного дикого кабана Гуллинбурсти, чье имя означает «златощетинный».

---

[127] Примечания: 127

…«девы из мягкого серебра…» — Из поэмы У. Блейка «Видения дочерей Альбиона» (1793). Борхес повторяет эту цитату в новелле «Ульрика» из сборника «Книга Песка».

Ученый-мифолог Пауль Херрманн[128] пишет: «Это живое создание из металла было выковано в кузнице искусных карликов; они бросили в огонь свиную шкуру и вытащили золотого кабана, который мог передвигаться по суше, по морю и по воздуху. Как ни темна ночь, путь кабана всегда хорошо освещен». Гуллинбурсти вез колесницу Фрейи, скандинавской богини любви, брака и плодовитости.

И еще есть Талос, страж острова Крит. Некоторые считают этого гиганта творением Вулкана или Дедала; Аполлоний Родосский говорит о нем в своей «Аргонавтике» (IV, 1638–1648):

«И Талос, бронзовый человек, отбив глыбы от твердокаменного утеса, помешал им привязать судно, когда они вошли в гавань Дикте. Он был породы людей из бронзы, из ясеневого дерева, последний уцелевший из сыновей богов; Хронос подарил его Европе, дабы он был стражем Крита и трижды в день на своих бронзовых ногах обходил остров. Все его тело, все члены были бронзовые и неуязвимые; лишь под одним сухожилием на лодыжке была кроваво-красная жилка, и эту жилку, в которой заключалась жизнь его и смерть,

[128] Примечания: 128

Пауль Херрманн (1866–1930) — немецкий историк культуры, исследователь германо-скандинавской мифологии.

покрывала тонкая кожица».

И разумеется, из-за этой уязвимой жилки пришел Талосу конец. Медея околдовала его убийственным своим взглядом, и, когда гигант снова принялся ворочать глыбы на скале, «он поранил себе лодыжку острым обломком, и оттуда, подобно расплавленному свинцу, хлынула сукровица — вскоре он так и застыл, высясь на выступающем утесе».

По другой версии мифа Талос, раскалясь докрасна, убивал людей, обхватывая их своими ручищами. По этой версии бронзового гиганта постигла смерть от рук Кастора и Поллукса, братьев Диоскуров, которыми руководила колдунья Медея.

Термические существа

Визионеру и теософу Рудольфу Штейнеру (1861–1925) было откровение о том, что планета наша, прежде чем стать знакомой нам теперь Землей, прошла через Солнечную стадию, а до того — через Сатурнову стадию. Человек ныне состоит из тела физического, тела эфирного, тела астрального и из эго; в начале же Сатурнова периода он был только физическим телом. Тело это было невидимо и неосязаемо, ибо тогда на Земле не существовало ни твердых тел, ни жидкостей, ни газов. Были только разные состояния тепла, термические формы, имевшие в космическом пространстве либо правильные, либо неправильные очертания; каждый человек, каждая тварь были организмами, состоявшими из меняющихся температур. По свидетельству Штейнера, человечество в Сатурнову эпоху было слепым, глухим, лишенным всех ощущений скоплением различных состояний тепла и холода. «Для исследователя тепло есть не что иное, как субстанция еще более тонкая, чем газ», — читаем мы на одной из страниц его труда «Die Geheimwissenschaft im

Umriss» («Очерк оккультных наук»). До Солнечной стадии архангелы, или духи огня, вселяли жизнь в тела этих «людей», которые тогда начинали сверкать и сиять.

Привиделось ли это Штейнеру во сне? Привиделось ли потому, что некогда происходило в пучине времени? Бесспорно одно — эти термические существа гораздо более поразительны, чем демиурги, и змеи, и быки других космогоний.

Точный отчет об узнанном, увиденном и встреченном госпожой Джейн Лид в Лондоне в 1694 году

Среди многих сочинений слепой духовидицы англичанки Джейн Лид есть одно, озаглавленное «Чудеса Божьего творения, ознаменованные в разнообразии Восьми Миров, как они были воочию явлены автору» (Лондон, 1695). Во времена, когда слава госпожи Лид распространилась в Голландии и в Германии, ее сочинение было переведено на датский исполненным рвения молодым ученым Х. ван Амейденом ван Димом. Однако впоследствии, когда из-за соперничества между ее учениками подлинность некоторых рукописей стала оспариваться, возникла необходимость обратного перевода версии ван Дима на английский. На странице 340 (108) «Восьми Миров» читаем следующее:

«Саламандрам назначено пребывание в огне, сильфам — в воздухе, нимфам — в текучей воде, гномам — в подземных норах, однако для существа, чьей субстанцией является Блажен-

ство, — дом везде. Все звуки, даже хриплое рычанье львов, стоны ночных сов, жалобы и вой обреченных на муки в аду, — для него сладостная музыка. Все запахи, даже самая мерзкая вонь разложения, — для него подобны ароматам роз и лилий. Все яства, даже те, что изгажены на пиршественном столе гарпиями языческих легенд, — для него что свежеиспеченный хлеб и душистый эль. Когда оно в полдень странствует по пустынным пространствам мира, ему кажется, что его осеняет пушистый балдахин крыльев ангелов. Ревностный искатель стремится найти его везде, в любом месте, даже в самом мрачном и грязном и в этом мире и в семи остальных. Пронзите такое существо насквозь острым клинком, и оно испытает прилив Божественного, Чистейшего наслаждения. Очи его, свыше дарованные, даны ему для того, чтобы видеть истинный свой путь; и подобным даром, откровением Мудрости, порой бывает наделено дитя».

Тролли

В Англии после распространения христианства валькирии (или «избирающие убитых») были оттеснены в деревни и там выродились, стали ведьмами; в Скандинавских странах великаны языческих миров, обитавшие в Ётунгхейме и сражавшиеся с богом Тором, превратились в сельских троллей. Согласно космогонии, с которой начинается «Старшая Эдда», в день, когда наступят Сумерки Богов, великаны, в союзе с волком и змеем, взберутся на радугу Бифрост, которая под их тяжестью обрушится и уничтожит мир. Тролли народных суеверий — это глупые, злобные эльфы, живущие в горных пещерах и в ветхих, заброшенных хижинах. Самые знатные тролли — с двумя, а то и с тремя головами.

Драматическая поэма Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1867) обеспечила троллям бессмертие. Ибсен изображает троллей прежде всего патриотами. Они думают — или тщатся думать, — что мерзкое варево, которое они готовят, имеет восхитительный вкус и что их пещеры — дворцы. Чтобы Пер Гюнт не видел окружающего гнусного

убожества и безобразия принцессы, на которой он должен жениться, тролли предлагают выколоть ему глаза.

Уроборос

Для нас Океан — это море или система морей; для греков он был просто рекой, кольцом окружавшей землю. Из него вытекали все земные реки, сам же он не имел ни устья, ни начала. Он был также богом, или титаном, возможно древнейшим из титанов, — Сон в песни XIV «Илиады» называет его прародителем богов. В «Теогонии» Гесиода он — отец всех рек на земле, а число им три тысячи, главные из них — это Алфей и Нил. Реку Океан обычно изображали в виде старца со струящейся бородой, но по прошествии веков люди придумали для него более удачный символ.

Гераклит говорил, что начало и конец окружности сходятся в одной точке. Хранящийся в Британском музее греческий амулет третьего века представляет нам образ, лучше иллюстрирующий бесконечность: змея, кусающая свой хвост, или, по изящному выражению аргентинского поэта Мартинеса Эстрады, «начинающаяся с конца своего хвоста». История гласит, что королева Шотландии Мария велела выгравировать на золотом перстне слова «мое начало — мой ко-

нец», возможно имея в виду, что истинная жизнь начинается после смерти. Уроборос (по-гречески «пожирающий свой хвост») — ученое название этого существа, вошедшее в Средние века в обиход алхимиков. Любознательные читатели могут более детально ознакомиться с этой темой в труде Юнга «Psychologie und Alchemie»[129].

Окружающая мир кольцом змея есть также в скандинавской космологии, она называется Мидгардсормр — буквально «срединный червь», поддерживающий землю. Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» пишет, что Локи родил волка и змея. Оракул предупредил богов, что от этих существ будет земле погибель. Волка Фенрира привязали веревкой, сплетенной из шести фантастических вещей: «из шума падения кота на лапы, из женских бород, из корней скалы, из сухожилий медведей, из дыхания рыб и из слюны птиц». Змея Ёрмунгарда «бросили в море, окружающее землю, и там он вырос такой огромный, что и теперь окружает землю, кусая свой хвост».

В Ётунгхейме, краю великанов, Утгард-Локи предлагает на спор богу Тору поднять кота; напрягая все силы, Тору удается чуть оторвать от

[129] Примечания: 129
«Психология и алхимия» *(нем.)*.

земли только одну из кошачьих лап. Кот этот — на самом деле змей. Тор был обманут силою волшебства.

Когда настанут Сумерки Богов, змей проглотит землю, а волк — солнце.

Фаститокалон

В Средние века приписывали Святому Духу сочинение двух книг. Первой, как всем известно, была Библия; второй — весь мир, в коем каждое создание заключает в себе нравственное поучение. Для объяснения этих поучений составлялись «Физиологи», или «Бестиарии», где рассказы о птицах и животных перемежались с аллегорическими толкованиями. Приведем отрывок из англосаксонского бестиария:

«Ныне я, по моему разумению, хочу также сказать в стихе и в песне о некоей рыбе, о могучемките. К огорчению нашему, он часто оказывается свиреп и опасен для мореплавателей. Имя ему дано „фаститокалон“, плавающий по океанским водам. Видом своим он подобен утесу или же громадному сплетению водорослей, опоясанному песчаной отмелью, поднявшемуся со дна морского, — так что мореплавателям кажется, будто бы они воочию видят перед собой остров; и тогда они привязывают свой высокогрудый корабль к мнимому острову, стреножат коней на берегу моря и бесстрашно отправляются вглубь острова.

Корабль стоит у берега на причале, вокруг него вода. Затем, утомившись, моряки делают привал, не чуя опасности. Разжигают на острове костер, раздувают пламя посильнее; истомленные трудами, они веселятся в предвкушении отдыха. Когда же искушенный в коварстве кит почувствует, что путешественники твердо на нем обосновались, что они разбили лагерь и наслаждаются погожим деньком, тут эта океанская тварь внезапно опускается вместе со своими жертвами в соленую воду, погружаясь в самую пучину, и предает утопленный ею корабль и людей в чертоги смерти.

У этого горделивого океанского странника есть и другая, еще более удивительная привычка. Когда его допекает голод, этот страж океана разевает пасть как можно шире. Из его утробы исходит приятный запах, который обманывает рыб других пород. Беспечными стаями они заплывают в огромную пасть, пока она не заполнится. Так бывает со всяким человеком, который дает себя заманить приятным запахом, нечестивым желанием — и совершает грех противу Царя славы».

Схожая история рассказывается в «Тысяче и одной ночи», в легенде о св. Брендане и в Мильтоновом «Потерянном рае», где описан кит, «дремлющий на пенистых волнах». Профессор

Гордон[130] рассказывает, что «в ранних вариантах легенды таким коварным существом была черепаха и называлась она „аспидохелон“». С течением времени имя это было искажено, и черепаху заменил кит.

[130] Примечания: 130

Роберт Кей Гордон — английский исследователь древнеанглийской словесности, переводчик «Беовульфа».

Фауна Китая

Нижеследующий перечень удивительных животных взят из книги «Тай Пин Хуан Чжи» («Подробный список, составленный в эпоху мира и благоденствия»), дополненной в 978 году и опубликованной в 981 году.

Небесная лошадь похожа на белую собаку с черной головой. У нее мясистые крылья, и она умеет летать.

У Чан-ляна голова тигра с человеческим лицом, длинные лапы, четыре копыта и между зубов извивается змея.

В области к западу от Красной Воды водится животное, называемое Чжу-ци, у которого по голове спереди и сзади.

У обитателей Чжуан-Ту голова человека, крылья нетопыря и птичий зад. Питаются они только сырой рыбой.

В Краю Длинных Рук у его жителей руки свисают до земли. Их пища — рыба, которую они ловят у морского берега.

Сяо подобен сове, но лицо у него человечье, туловище обезьяны и хвост собаки. Его появление

предвещает продолжительную засуху.

Син-сини похожи на обезьян. У них белое лицо и остроконечные уши. Ходят они выпрямившись, как люди, и лазят по деревьям.

Син-дзен — существо, которое было обезглавлено за то, что восстало против богов; так оно и осталось навек безголовым. Глаза у него на груди, пуп заменяет рот. Оно скачет вверх и вниз и бегает по опушкам и другим открытым местам, потрясая щитом и топором.

Хуа-рыба, или летающая змеерыба, с виду похожа на рыбу, однако у нее крылья птицы. Ее появление — предвестье наступления засухи.

Горний Гуй похож на собаку с человечьей головой. Он ловко прыгает и мчится как стрела; поэтому его появление считают знаком приближения тайфуна. Когда Гуй видит человека, он злорадно смеется.

У Музыкальной змеи голова змеи и четыре ноги. Она издает звуки, напоминающие звуки Музыкального утеса.

У Океанических людей голова и руки человека, а туловище и хвост рыбы. В бурную погоду они поднимаются на поверхность воды.

Тин-фен, обитающий в стране Волшебной Воды, похож на черную свинью, у которой по голове

спереди и сзади.

В Краю Странной Руки у людей одна рука и три глаза. Они особенно искусны в изготовлении летающих колесниц, в которых и путешествуют, подгоняемые ветром.

Ти-джан — это волшебная птица, обитающая в Небесных Горах. Она ярко-красного цвета, у нее шесть ног и четыре крыла, но нет ни лица, ни глаз.

Фауна Соединенных Штатов

В байках и небылицах, рассказываемых лесорубами Висконсина и Миннесоты, встречаются странные существа, в которых, разумеется, никто никогда не верил.

Есть там Прятушка, он вечно за чем-то прячется. Ты можешь без конца оборачиваться туда-сюда, он всегда будет позади тебя, и потому никто не может описать его вид, хотя считают, что он умертвил и сожрал не одного лесоруба.

Есть еще Веревочник. Животное это ростом с пони. У него длинный, витой, как веревка, клюв, которым он ловит даже самых проворных кроликов.

«Чайник» получил свое название за то, что издает звуки, напоминающие бурление кипящего чайника. Из его пасти вырываются клубы пара, и движется он задом наперед. Видеть его удается очень редко.

«Пес-топорище» имеет голову, похожую на лезвие топора, а туловище напоминает топорище, лапы у него короткие и толстые. Эта такса Северных Лесов питается только топорищами.

Среди рыб этой области называют Горную форель. Она гнездится на деревьях и хорошо летает, но воды боится.

Есть и другая рыба — Дуролом, которая плавает задом наперед, чтобы вода не попадала ей в глаза. По описаниям она «размером с рыбу-луну, только побольше».

Не забудем и Птицу-тупицу, которая строит гнездо сверху вниз и летает задом наперед, не заботясь о том, куда летит, зная лишь откуда.

Джиллигалу вьет гнезда на склонах знаменитой Сороковой Пирамиды Пола Беньяна[131] и откладывает четырехугольные яйца, чтобы они не скатились по отвесному склону и не разбились. Лесорубы за этими яйцами охотятся, варят их и используют как игральные кости.

И наконец, там есть Верхушечная куропатка, у которой одно-единственное крыло. Из-за этого она может летать только в одном направлении вокруг верхушки конусообразного холма. Цвет ее оперения меняется в зависимости от поры года и от настроения наблюдателя.

---

[131] Примечания: 131

Пол Беньян — герой американского фольклора, первопроходец и основатель страны.

Фауна Чили

Главный наш авторитет по теме животных, порожденных воображением чилийцев, — это Хулио Викунья Сифуэнтес[132], в чьем труде «Мифы и суеверия» собрано множество легенд, почерпнутых из устных рассказов. Все нижеприведенные фрагменты, кроме одного, взяты из этой книги. Очерк «Кальчона» напечатан в «Словаре чилеанизмов» Соровавеля Родригеса[133], опубликованном в Сантьяго-де-Чили в 1875 году.

Аликанто — ночная птица, которая добывает себе корм в золотых и серебряных жилах. Ее разновидность, питающуюся золотом, можно узнать по золотистому сиянию, исходящему от ее крыльев, когда она их раскрывает (летать она не умеет); аликанто, питающуюся серебром, как можно догадаться, узнают по серебристому сиянию.

Тот факт, что птица эта не летает, объясняется

---

[132] Примечания: 132

Хулио Викунья Сифуэнтес (1865–1936) — чилийский писатель, переводчик, фольклорист.

[133] Примечания: 133

Соровавель Родригес (1839–1901) — чилийский писатель и лексикограф.

не ее крыльями, они у нее совершенно нормальные, но тяжестью металлической пищи, которая тянет ее к земле. Голодная аликанто быстро бегает; наевшись же, едва ползет.

Геологи-разведчики и горные инженеры почитают себя богачами, если им посчастливится заполучить аликанто в проводники, — птица может им помочь обнаружить неизвестное месторождение. Однако геологу-разведчику следует быть очень осторожным — едва птица заподозрит, что за нею кто-то идет следом, она гасит свое сияние и скрывается в темноте. Она также может вдруг изменить направление и завести своего преследователя в пропасть.

Кальчона — животное вроде ньюфаундленда, более лохматое, чем нестриженый баран, и более бородатое, чем козел. Шерсть у него белая, и, чтобы явиться путникам в горах, оно выбирает темные ночи, крадет у них корзины с провизией и бормочет зловещие угрозы; оно также пугает лошадей, преследует бродяг и причиняет вред где только может.

Чончон имеет вид человеческой головы; огромные уши служат ему крыльями для полетов в безлунные ночи. Считают, что чончоны наделены всеми способностями колдунов. Они опасны,

когда им досаждают, и о них рассказывают множество всяческих историй.

Есть несколько способов заставить эти летающие существа опуститься, когда они проносятся над вашей головой, напевая свое зловещее «туэ-туэ-туэ» — единственный признак их присутствия, ибо они невидимы для всех, кто не владеет колдовскими чарами. Знающие люди советуют следующее: напевать песню или молитву, известную лишь немногим людям, ни за что не желающим сообщить ее другим; дважды произнести нараспев некие двенадцать слов; начертить на земле Соломонову печать; и, наконец, расстелить особым образом куртку. Чончон падает, отчаянно хлопая крыльями; как ни бьется, он не может взлететь, пока на помощь ему не является другой чончон. Как правило, на этом дело не кончается, раньше или позже чончон мстит тому, кто над ним насмеялся.

Достойные доверия очевидцы рассказывают следующую историю. В одном доме в Лимасе собрались вечером гости, и вдруг они услышали, что снаружи кричит чончон. Кто-то из гостей начертал знак Соломоновой печати, и тогда на заднем дворе плюхнулось наземь что-то тяжелое — это была большая птица величиной с

индюшку, на голове у нее была красная бородка. Люди отрезали голову, дали ее собаке, а тушку забросили на крышу. И сразу они услышали оглушительный шум летящих чончонов и в это же время заметили, что брюхо собаки раздулось, словно она проглотила человеческую голову. На другое утро хватились тушки чончона — она с крыши исчезла. Немного спустя городской могильщик сообщил, что в тот день на кладбище явилось несколько человек хоронить кого-то, а когда они ушли, могильщик обнаружил, что труп был без головы.

Шкура — это осьминог, который живет в море и по размерам и виду своему похож на распластанную коровью шкуру. На концах щупальцев у него множество глаз, а в той части, где вроде бы его голова, еще четыре более крупных глаза. Когда в воду заходят люди или животные, шкура поднимается на поверхность и втягивает их в себя с силой неодолимой, а затем в единый миг пожирает.

Косолап — земноводное животное, очень сильное, свирепое и пугливое; ростом около трех футов, голова теленка, туловище овцы. Он мгновенно покрывает овец и коров, после чего у них родится детеныш той же породы, что и мать; кто

его отец, можно определить по искривленным копытам, а иногда — искривленной морде. Если беременная женщина увидит косолапа, или услышит его мычание, или увидит его во сне три ночи кряду, она произведет на свет уродливое дитя. То же самое случится, если она увидит скотину, которую покрыл косолап.

Сильная жаба — вымышленное животное, отличающееся от прочих жаб тем, что спина его покрыта панцирем, как у черепахи. Жаба эта в темноте светится вроде светляка, и такая она сильная, что единственный способ ее убить — это сжечь дотла. Названием своим она обязана необычайной силе своего взгляда, которым привлекает или отталкивает всех, кто попадается ей на глаза.

Феи

Они чудесным образом вмешиваются в человеческие дела, и название их связано с латинским словом fatum (судьба, жребий). Считают, что феи — самые многочисленные, самые красивые и самые примечательные из всех второстепенных сверхъестественных существ. Вера в них не ограничена какой-либо одной страной или эпохой. Древние греки, эскимосы и краснокожие индейцы рассказывают истории о героях, завоевавших любовь этих созданий фантазии. В такой удаче таится, однако, опасность — когда прихоть феи удовлетворена, фея может своего любовника погубить.

В Ирландии и в Шотландии феям для жилья отведены подземные обиталища, где они прячут похищенных ими мужчин и детей. Ирландские фермеры, выкапывая на полях кремневые наконечники стрел, полагают, что они когда-то принадлежали феям, и наделяют их целебными свойствами.

В ранних рассказах Йейтса часто встречаются упоминания о том, как крестьяне попадали к фе-

ям. Так, один сельский житель сообщил автору, что «она не верила ни в ад, ни в духов. Мол, ад — это выдумка попов, чтобы держать народ в узде; а духам, говорила она, не разрешается без дела шататься по земле когда вздумается, зато на земле есть феи, и карлики-гномы, и водяные лошади, и падшие ангелы».

Феи обожают пенье, музыку и зеленый цвет. Йейтс пишет, что «эльфы и феи в Ирландии порой уступают нам ростом, порой бывают выше нас, а порой, как мне говорили, в них около трех футов». В конце семнадцатого века шотландский священник, преподобный Роберт Керк[134] из Эйберфойла, написал книгу под названием «Тайное сообщество, или Очерк о природе и о действии подземного (и в большинстве своем невидимого) народа, известного у шотландцев долин под названиями „фавны“ и „феи“, или „оборотни“, как описывают их люди, наделенные вторым зрением». В 1815 году сэр Вальтер Скотт выпустил второе издание этой книги. О мистере Керке говорили, что феи его похитили за то, что он раскрыл их тайны.

На морских просторах вокруг Италии, особенно

---

[134] Примечания: 134

Роберт Керк (1644–1692) — шотландский священник и фольклорист.

в Мессинском проливе, фата-моргана насылает миражи, чтобы сбить с толку моряков и заманить их на мель.

Феникс китайский

Священные книги китайцев несколько разочаровывают нас, ибо в них отсутствует элемент патетики, к которой мы приучены Библией. Но временами, совершенно неожиданно, в их ровном, спокойном повествовании нас трогает интимная нотка. Так, например, в книге VII Конфуциевых «Аналект»:

«Учитель сказал: „Как сильно я подался! Уже так давно я не вижу во сне правителя Чжоу“».

Или такой фрагмент из книги IX:

«Учитель сказал: „Феникс не прилетает, река не являет нам грамоту. Пришел мне конец!“»

«Грамота», или «знак» (поясняют комментарии), — письмена на панцире волшебной черепахи. Что ж до Феникса, это птица с ярким оперением, похожая на фазана или на павлина. В доисторические времена она посещала сады и дворцы добродетельных императоров как знамение благосклонности небес. Самец (Фен), у которого было три ноги, жил на Солнце. Самку звали Хуан; в паре они — символ вечной любви.

В первом веке нашей эры дерзкий скептик Ван

Чун отрицал, что Феникс — это особая порода птиц. Он утверждал, что, подобно тому как земля превращается в рыбу, а крыса — в черепаху, олень в пору своего расцвета принимает облик единорога, а гусь — облик Феникса. Мутации эти он объяснял действием хорошо известной жидкости, от которой в 2356 году до нашей эры при дворе императора Яо — а он был одним из образцовых императоров — росла трава ярко-алого цвета. Как можно убедиться, его информация была не слишком надежной или, скорее, слишком уж точной.

Хаоках, бог грома

В поверьях индейцев дакота группы сиу Хаоках пользуется ветром как палкой, чтобы ударять им по барабану грома. Рогатая его голова — знак, что он еще и бог охоты. Когда он счастлив, он плачет; когда печален, смеется; в жару он дрожит, а на холоде потеет.

Химера

Первое упоминание о Химере находим в песни VI «Илиады». Гомер там говорит, что она была божественного происхождения, и что передняя часть туловища у нее была львиная, середина туловища козлиная и зад змеи, и что ее пасть изрыгала огонь, и что в конце концов она, по предначертанию богов, была убита красавцем Беллерофонтом, сыном Главка. Голова льва, брюхо козла и хвост змеи — таков ее облик, и именно так ее изображает знаменитая бронзовая статуя из Ареццо, которую относят к пятому веку. На середине хребта у нее голова козлиная, на одном конце змеиная и на другом львиная.

В шестой песни «Энеиды» снова появляется «огнедышащая Химера»; Сервий Гонорат, комментатор Вергилия, замечает, что, по мнению всех авторитетных ученых, Химера была родом из Ликии, где находится вулкан, носящий такое название. У подножия вулкана кишат змеи, выше на склонах луга, где пасутся козы, а из оголенной вершины пышет огонь и там же, наверху, логовища львов. Химера — как бы метафора

этой необычной горы. Позже Плутарх высказал предположение, что Химера — это имя некоего капитана пиратов, украшавшего свои суда изображениями льва, козла и змеи.

Нелепые эти гипотезы — свидетельство того, что Химера стала надоедать. Чем воображать ее, легче было преобразить ее во что-то иное. Для живого существа она была слишком разнородна — из льва, козла и змеи (в некоторых текстах — дракон) не так легко составить единого зверя. Со временем Химера тяготела к тому, чтобы стать «химерической». Нескладный образ исчез, но слово осталось, обозначая нечто невозможное. Ложная идея, пустой вымысел — такое определение Химеры дают нынешние словари.

Хочиген

Много веков тому назад южноафриканский бушмен Хочиген возненавидел животных, которые в те времена были наделены даром речи. Однажды он, похитив у них этот дар, исчез. С тех пор животные навсегда перестали разговаривать.

Декарт сообщает нам, что обезьяны, коль захотят, могут говорить, но они предпочитают хранить молчание, чтобы их не заставили трудиться. Аргентинский писатель Лугонес опубликовал рассказ о шимпанзе[135], которого учили говорить и который умер, не выдержав чрезмерного напряжения.

---

[135] Примечания: 135

...Лугонес опубликовал рассказ о шимпанзе... — Имеется в виду новелла «Изур».

Хронос, или Геркулес

В трактате «Вопросы и ответы о первоначалах» неоплатоника Дамаския[136] (род. около 480 г.) приведена странная версия теогонии и космогонии секты орфиков, где Хронос, или Геркулес, — чудовище.

«Согласно Иерониму и Гелланику[137] (ежели оба они не одно и то же лицо), учение орфиков гласит, что вначале были вода и грязь, из которых была сотворена земля. Сии два начала, по их учению, были первыми: вода и земля. Из них образовалось третье — крылатый дракон, у которого спереди была голова быка, сзади — голова льва, а посреди — лицо бога; дракон сей назывался Нестареющий Хронос, а также Геракл. Вместе с ним родилась Необходимость, каковую еще называют Неизбежной, и она распространялась до пределов Вселенной. Дракон Хронос изверг из себя тройное семя: влажный Эфир, безгранич-

---

[136] Примечания: 136

Дамаский (между 458 и 462 — после 538) — греческий философ-неоплатоник, комментатор Платона и Аристотеля.

[137] Примечания: 137

Гелланик (V в. до н. э.) — греческий писатель-мифограф.

ный Хаос и туманный Эреб. Под них он отложил яйцо, из коего затем произошел мир. Последним первоначалом был бог, одновременно мужчина и женщина, с золотыми крыльями на спине и бычьими головами на боках, а на голове с огромным драконом, страшнейшим зверем…»

Возможно, по той причине, что все чрезмерно безобразное и чудовищное кажется нам менее свойственным Греции, чем Востоку, Вальтер Скотт приписывает этой фантазии восточное происхождение.

Хумбаба

Каков был с виду гигант Хумбаба, охранявший горные кедры в кое-как склеенном ассирийском эпосе «Гильгамеш», возможно самой древней поэме в мире? Георг Буркхардт[138] попытался ее реконструировать, и нижеследующий пассаж мы приводим по его переводу, изданному в Висбадене в 1952 году.

«Энкиду взмахнул своим топором и срубил один из кедров. Раздался гневный голос: „Кто вошел в мой лес и срубил одно из моих деревьев?“ И тут они увидели самого Хумбабу, приближавшегося к ним: были у него львиные лапы и покрытое розовой чешуею тело, когти на лапах ястребиные, а на голове рога дикого быка; хвост его и мужской орган заканчивались каждый змеиной головой».

В одной из наиболее поздних песней «Гильгамеша» мы знакомимся с существами, называемыми люди-скорпионы, которые стоят на страже у врат горы Машу. «Их раздвоенные макушки высоки, как врата неба, а их сосцы свешиваются вниз до

---

[138] Примечания: 138

Георг Буркхардт (1881–?) — немецкий философ, историк культуры, переводчик.

подземного мира». В эту гору прячется солнце на ночь и выходит из нее на заре. Человек-скорпион от пояса кверху человек, а нижняя его часть оканчивается хвостом скорпиона.

Цербер

Если ад — это дом, дом Гадеса, в нем, естественно, должен быть сторожевой пес; столь же естественно, что этот пес должен внушать ужас. В Гесиодовой «Теогонии» у него пятьдесят голов; чтобы облегчить задачу пластическим искусствам, их число сократили, и три головы Цербера стали ныне общепринятым их количеством. Вергилий говорит о трех глотках; Овидий — о троезвучном лае; Батлер[139] уподобляет трехкоронную тиару папы, стража у врат рая, трем головам пса, стража у врат ада («Гудибрас», IV, 2). Данте наделяет Цербера человеческими чертами, что только усугубляет его инфернальную природу; грязная черная борода, лапы с когтями, которые под градом плетей раздирают души обреченных. Он бичует их, лая и скаля зубы.

Вытащить Цербера на дневной свет — таков был последний подвиг Геракла («Он вытащил наверх Цербера, адского пса», — пишет Чосер в

[139] Примечания: 139

Сэмюэл Батлер (1612–1680) — английский барочный сатирический поэт.

«Рассказе монаха»). Захария Грей[140], английский писатель восемнадцатого века, в своих комментариях к «Гудибрасу» толкует это деяние следующим образом:

«Пес с тремя головами означает прошлое, настоящее и будущее время, которое встречает и, как пес, пожирает все на свете. Геркулес одержал над ним верх, и это показывает, что героические Деяния всегда побеждают Время, ибо остаются в памяти потомства».

Согласно древнейшим текстам, Цербер приветствует своим хвостом (а хвост этот — змея) входящих в ад и разрывает на куски тех, кто пытается убежать. В более поздней легенде он кусает новоприбывших; чтобы его умилостивить, в гроб умершего клали медовый пряник.

В скандинавской мифологии забрызганный кровью пес Гарм сторожит дом мертвых и готов сразиться с богами, когда адские волки пожрут луну и солнце. Некоторые наделяют этого пса четырьмя глазами; у собак Ямы, брахманского бога смерти, также по четыре глаза.

Как в брахманизме, так и в буддизме ад полон

---

[140] Примечания: 140

Захария Грей (1688–1766) — английский религиозный писатель, историк словесности, автор комментария к поэме С. Батлера «Гудибрас» (опубл. 1779).

собак, которые, подобно Дантову Церберу, терзают души умерших.

Чеширский кот и коты Килкенни

Каждому знакомо выражение «улыбаться, как Чеширский кот», означающее, как известно, сардоническую усмешку. Делалось много попыток объяснить его происхождение. Одна из них — в Чешире изготовлялись на продажу сыры, похожие на голову улыбающегося кота. Другая — Чешир является палатинским графством, и над этим высоким званием смеялись даже тамошние коты. Еще одна — во времена Ричарда III жил лесничий по имени Кэтерлинг, который свирепо ухмылялся, когда ему удавалось поймать браконьера.

В повести «Алиса в Стране чудес», опубликованной в 1865 году, Льюис Кэрролл наделяет Чеширского кота способностью постепенно исчезать, пока от него не остается только одна улыбка — без рта и без зубов. О котах из Килкенни рассказывают, что они яростно дрались между собой и пожрали друг друга, так что остались одни хвосты. Эта побасенка возникла в восемнадцатом веке.

Элои и морлоки

Герой романа «Машина времени», опубликованного господином Гербертом Уэллсом в 1895 году, отправляется в аппарате особой конструкции в непроницаемое для нас будущее время. Там он узнает, что человечество разделилось на два вида: элоев, хрупких, беззащитных аристократов, которые праздно живут в роскошных садах и питаются плодами деревьев, и морлоков, породу живущих под землей пролетариев, которые, многие века работая в темноте, стали слепыми, но, по инерции прошлого, продолжают трудиться у своих заржавевших, сложных, ничего не производящих станков. Оба мира соединены шахтными стволами с винтовыми лестницами. В безлунные ночи морлоки вылезают наверх из своих подземелий и пожирают элоев.

Преследуемый морлоками безымянный герой спасается от них, сбежав обратно в настоящее. Как единственную памятку о своем приключении он захватил с собою неведомый цветок, который рассыпается в прах и не расцветет, пока не пройдут многие тысячи лет.

Эльфы

Эльфы — северного происхождения. Об их облике мало что известно, кроме того, что они маленького роста и предвещают беду. Они похищают скот и детей, а также горазды на мелкие пакости. В Англии называли «локон эльфа» клок спутавшихся волос, считая, что это проказа эльфов. В одном англосаксонском заговоре, относящемся, по всем данным, к эпохе язычества, им приписывают коварную привычку метать издали крошечные железные стрелки, которые пронзают кожу, не оставив следа, и вызывают внезапные мучительные колики. В «Младшей Эдде» делается различие между темными и светлыми эльфами. «Светлые эльфы краше солнечного луча, темные эльфы чернее дегтя». На немецком кошмар называется «Alp»; этимологи возводят это слово к эльфу, ибо в Средние века было распространено поверье, что эльфы давят на грудь спящих и внушают им дурные сны.

Юварки

В своей «Краткой истории английской литературы» Сентсбери называет летающую девушку Юварки одной из самых чарующих героинь романа восемнадцатого века. Полуженщина-полуптица, или — как напишет Браунинг о своей умершей жене Элизабет Баррет[141] — полуангел-полуптица, она может, распахнув руки, пользоваться ими как крыльями, и тело ее одето шелковистым оперением. Живет она на острове, затерянном среди антарктических вод, и была там обнаружена потерпевшим кораблекрушение моряком Питером Уилкинсом, который на ней женился. Юварки — это гори (т. е. летающая женщина) и принадлежит к породе летающих людей, гламов. Уилкинс обращает их в христианство, и после смерти жены ему удается вернуться обратно в Европу.

Историю необычной любви можно прочесть в романе «Питер Уилкинс» (1751) Роберта Пэлтока.

---

[141] Примечания: 141

Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861) — английская поэтесса.

Примечания

Книга (в соавторстве с Маргаритой Герреро и тогда еще под названием «Руководство по фантастической зоологии») впервые вышла в 1950 г., с тех пор не раз переиздавалась. Ряд текстов, видимо, мистификация: они, похоже, принадлежат Борхесу. Перевод выполнен по наиболее полному англоязычному изданию 1974 г., подготовленному Борхесом вместе с М. Герреро и его американским переводчиком Норманом Томасом Ди Джованни.

Б. Дубин